

И. ГУСЕЛЬНИКОВ

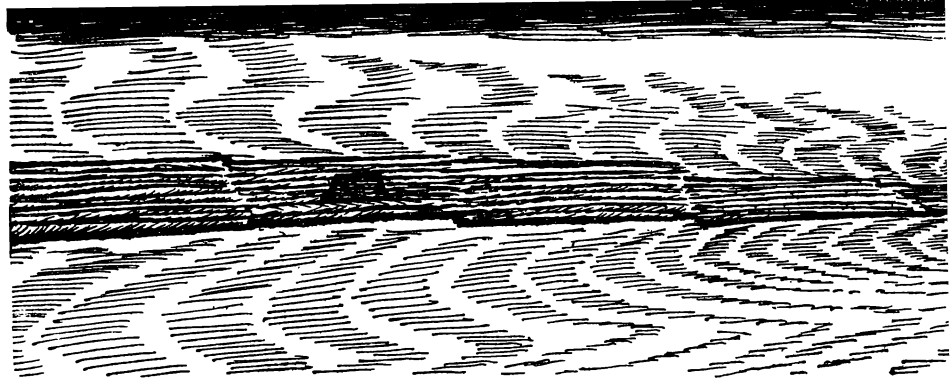

ПАСЕННЫЙ РУДНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

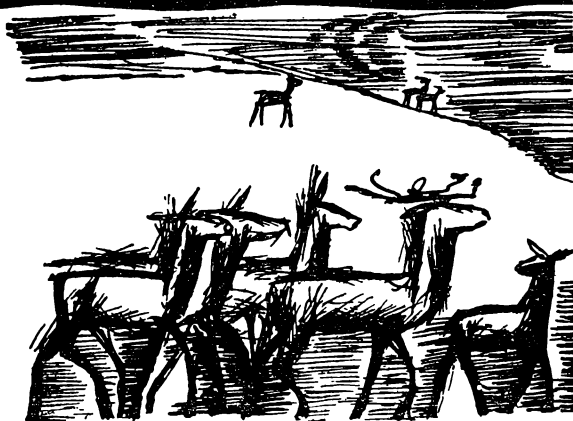

Путешествия. Приключения. Фантастика

и. гусельников

СПАСЕННЫЙ РУДНИК

Издательство «Мысль» Москва 1965

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Предисловие
доктора геолого-минералогических наук
проф. Н. А. БЕЛЯЕВСКОГО

Повесть И. Гусельникова «Спасенный рудник» основана на документальном материале. Тема ее — становление золотопромышленности в Рудном Алтае, поиски и разработка месторождений жильного золота. Автор повести — геолог, очевидец и участник событий, о которых рассказывается в книге, где изменены лишь подлинные имена героев. В книге удачно переплетается научно-художественный, познавательный материал с приключенческим сюжетом.

Художник Л. Б. ЛИОН

Предисловие

Жизнь, отданная целеустремленному поиску, полная захватывающего творчества, требующая напряжения всех сил, как духовных, так и физических; поиску, при котором неожиданные приключения теснейшим образом переплетены с дерзновением подвига,—такова реальность повседневного труда геологов. Романтика этого труда завоевала определенное место в художественной литературе, но тема далеко не исчерпана, как неисчерпаемы богатства нашей Родины.

История открытий минеральных месторождений и их освоения полна ярких страниц. Она неотделима от всей истории построения нашей могучей социалистической державы. В то же время каждый геологический поиск — это прежде всего судьбы и взаимоотношения людей, острая борьба мнений, сложные и глубокие переживания.

Повесть И. Гусельникова «Спасенный рудник» связана с ранее вышедшей из печати его книгой «В стране золотой» (Географгиз, 1960) местом действия и главными героями. Они обе посвящены малоизвестным страницам истории освоения недр одного из районов Западной Сибири — верховьев Иртыша.

Верхнее Прииртышье издавна принято делить на несколько частей. Левобережье называют Калбой, по имени расположенного здесь Калбинского хребта, самого западного отрога Алтайских гор. Правобережье, от города Семипалатинска и вверх до Нарымского хребта,— это Рудный Алтай; севернее его, за перевалами, начинается Горный Алтай, незаметно смыкающийся с Саянами. Если двигаться вверх по течению реки Иртыша, попадаешь в Зайсанскую котловину, а затем в хребты Монгольского Алтая.

Все эти районы различны и по облику рельефа, и по характеру растительности, и по полезным ископаемым.

Автор много лет работал и жил на Алтае, участвовал в изучении минеральных богатств края. Он отлично

знает эти места и является серьезным специалистом в области разведки месторождений полезных ископаемых. За годы работы на Алтае он полюбил здешнюю природу и постарался передать эту любовь читателям.

Знакомство и продолжительный совместный труд с рабочими и инженерами, строителями и старателями, охотниками и хлеборобами, жителями степных и горных поселений позволили автору почти с документальной точностью обрисовать труд, обычаи — словом, жизнь этих людей в тридцатых годах нашего столетия.

Главный герой повести «Спасенный рудник» — народ, люди: геологи, строители, горняки, создающие новый Рудный Алтай. Автору, несомненно, удалось показать значительность событий, происшедших на Алтае за годы Советской власти. Молодой пытливый геолог Тарасов, директор рудника Польшников и все другие участники событий, самоотверженно боровшиеся за спасение рудника, победили потому, что верили в силу единства, в то, что они, и только они, являются безраздельными хозяевами своей обновленной земли, своего рудника, своего поселка, своего золота, которое они искали и добывали.

Тема как будто бы и ненова. О поисках и добыче золота писали многие писатели. Но документальность и научно-познавательный характер повестей И. Гусельникова продолжает хорошую традицию, установившуюся в русской и советской художественной литературе этого типа, лучше всего выраженную в книгах В. К. Арсеньева о Дальнем Востоке.

Прочитав повесть, невольно захочется побывать в Рудном Алтае и на Калбе, увидеть их своими глазами, повстречаться и познакомиться с людьми, там живущими. Автор использовал право писателя — в повести изменены имена и не совсем точна хронология событий. Тем не менее все, что в ней написано, происходило именно так, или почти так. Значит, можно смело отправляться в путь. В описанных автором местах, славящихся неповторимой красотой природы, есть еще очень много незаконченных дел, ненайденных руд, и нас там ждут встречи с людьми такими же честными и смелыми, как те, с которыми мы познакомимся в повести.

Н. А. Беляевский

1

Ночной поезд

Поезд не спеша двигался от Семипалатинска в темную даль прииртышской холмистой полустепи.

Старый вагон поскрипывал в такт ударам колес на стыках рельс Турксиба, только что вошедшего в строй.

Народу в вагоне было немного. Два человека, подняв столик, сидели друг против друга на боковых местах. Вечерело. За окном начали постепенно расплываться контуры предметов. Сначала поблекли, а затем полностью исчезли дневные краски, отдав все во власть серых и черных тонов. Извилистая черта горизонта растворилась в темноте.

Спутники молчали, думая каждый о своем.

Проводник прошел по вагону и зажег свечи в его концах. Тусклый свет закачался, вырывая у темноты то спящих людей, то груды сложенных в беспорядке вещей...

Двоих людей, смотревших в черную пустоту окна, судьба свела несколько часов назад, хотя и до этого они понаслышке немного знали друг друга.

Один из них, молодой, высокий, плечистый, с непослушной копной рыжеватых волос на голове, геолог Михаил Федорович Тарасов, только что вернулся из очередной поездки по отдаленным пунктам добычи золота на Алтае. Второй — постарше, Иван Васильевич Польников, бывший ленинградский рабочий-металлист, ныне директор небольшого золотого рудника Кара-Кыз, рас-

положенного в предгорьях Калбинского хребта. Русоволосый, небольшого роста, очень подвижный, легко загорающийся в любом споре, Польшников как в тресте, так и на руднике выделялся среди других горных начальников внешней аккуратностью и тем, что умел командовать, почти не повышая голоса.

Сейчас они оба ехали на Кара-Кыз. Тарасова трест уполномочил подготовить материалы, чтобы решить судьбу рудника, систематически снижавшего добычу золота, да еще и добывавшего его по чрезвычайно дорогой цене.

При прощальной беседе управляющий трестом сказал Тарасову: «...Смотри как следует. Верно, рудник этот закрывать надо. Одни убытки».

Польшников работать на Кара-Кызе начал не очень давно, но тяжело переживал возможную ликвидацию рудника, а значит, и неизбежное уничтожение всего, что с ним связано. Рудник действительно вот уже несколько месяцев не выполнял плана; но ведь говорят же: «Золото не картошка, а и ту, коли не сажал, так не в раз выкопаешь». Кроме того, ему казалось, что месторождение Кара-Кыз недостаточно изучено, что если им серьезно и грамотно заняться, то оно еще даст золото и принесет государству немалую прибыль.

Прижавшись к окну вагона, Польшников искал и не находил ответа на вопрос: зачем, почему, кому, наконец, понадобилось так срочно закрывать рудник, не приняв всех возможных мер по его спасению? Он вспоминал дни, проведенные в стенах треста. Бурные споры, кончившиеся решением послать специалиста-геолога для детального ознакомления с рудником... Потом знакомство с Тарасовым. Пока впечатление хорошее. Но хватит ли у него знаний и выдержки. Очень уж молод и, говорят, частенько чересчур горяч...

— Вы знаете,— заговорил Тарасов,— когда едешь от одного рудника к другому, то и дело встречаешь стройки. Пусть небольшие, но ведь стройки же! Невольно подумаешь: «Ну вот и наш Рудный Алтай начинает жить, действительно становится рудным!» А еще совсем недавно даже не верилось, что сумеем откачать шахты, найти потерянную руду... Да еще мешали всякие мерзавцы — то ли сами бывшие, то ли их подручные.

Польшников безразлично поддакнул.

— В одну из поездок по Алтаю у меня был препротивный случай,— продолжал Тарасов.— Приехал я из далекого маршрута на разведочный участок больным. Дело было осенью. Погода—снег пополам с дождем. Простыл. Несколько дней лихорадило, потом не выдержал и слег. А когда поднялся, мне говорят, будто я, когда только приехал, стал раздеваться, вынул из кармана и положил на стол кусок великолепной вольфрамовой руды. Показали. Спрашивают, откуда взял. А я того куска, верите, в глаза не видел. Решил, что разыгрывают. Потом рассердился. Покричал даже, доказывал, что кто-то другой напутал, а со мной этого никак случиться не может... Но в конце концов пришлось извиняться.

— Почему же? — все еще безразлично переспросил Польников.

— Месяца, верно, через три после того ехал я как-то на санях по замерзшему Иртышу и вдруг вспомнил!

— Любопытно.

— Представилась перед глазами одна из осенних ночевок,— не замечая безразличия собеседника, с жаром продолжал Тарасов.— Широкий водораздел, ложбинка по нему, и в ней кедровая роща. Расположились мы под громадным деревом. Разожгли костер. Мошкара и комар будто чувят, что зима близко, поднялись тучей. Как всегда на таком биваке, кто костром занялся, кто дымом, кто лошадьми; а меня познабливало, вот я и пошел сразу за водой для чая. Почти рядом оказался небольшой ручей. Наклонился. Отблеск от костра светит. Ручей мелкий, кружкой черпать надо. Дно каменистое. Обломки на нем неровные, еще не обточенные, не окатанные. Одни белесые, другие черные. Вытащил со дна такой камень, а он оказался довольно тяжелым. Сунул его в карман ватника. После, мол, разберусь... А утром в полубреду сел на лошадь и, понятно, все забыл...

— Бывает...

— Видел я недавно разведчиков, которые этот самый вольфрамит* теперь раскапывают. Говорят, получается.

* Вольфрамит — железистый или марганцовистый окисел вольфрама. Одна из лучших руд на этот важный металл. Вольфрамит имеет черный или черно-коричневый цвет, оставляет яркий шоколадный след на неглазированной фарфоровой поверхности, легко раскалывается на тонкие пластинки.

— Я слышал, что где-то, в районе Самарки кажется, начали разработки вольфрамовых руд. Собирался даже съездить туда. Посмотреть,—заговорил Польшников, наконец оторвавшись от своих мыслей.

— Да. В этом районе рудник уже действует. Техника у них богатая. Все хорошо. Особенно если бы без разных чрезвычайных происшествий. А то ведь иной раз такое бывает...

— Что значит без происшествий?

Тарасов рассмеялся, а потом продолжил рассказ.

— Опоздал я немного к ним, а то как раз бы попал на цирковое представление. Еще недавно там шла разведка вольфрамовых руд. На пустом месте копали маленькие выработки, брали пробы. Разведчики мерзли, недосыпали, недоедали и мечтали, что появится на том самом месте рудник, зажгутся огни, грохот взрывов и гул машин наполнят долину, вырастет поселок и одна из его улиц будет названа именем разведчиков.

— Что же, разве не получилось? — снова безразлично спросил Польшников, видимо вернувшийся к своим тревожным думам.

— Разведку еще до конца не довели, как пришло распоряжение строить рудник. Оно и понятно. Вольфрама не хватает. Директора рудника прислали. Говорили, что он где-то был большим начальником. Только проштрафился. Ну а приехав на стройку маленького рудника, да еще на голое место, судя по всему, затосковал. Начал барины изображать. Ни дать ни взять старый золотопромышленник. Выгонял людей из кабинета, орал на всех, кто под руку попадется. По настроению — одних увольнял, других жаловал повышениями. Его за глаза иначе как «удельный князь» никто не называл.

— Ну и ну... А чем же все это кончилось?

— А вы послушайте. Однажды по каким-то делам приехал к нему председатель соседней большой старательской артели, добывавшей золото. Оба вместе вышли из конторы. «Князь» уселся в свою повозку вроде тачанки, запряженную тройкой. Кучер услужливо застегнул полог, тряхнул вожжами — поехали! Председатель артели замешкался со своей парой лошадей и уступил дорогу. В этот час по единственной улице поселка строителей шла смена. Люди поглядывали на директора, развалившегося в экипаже. Они видели эту картину каждый

день, но привыкнуть, видимо, все еще не могли. Вдруг все обернулись на резкий свист. Председатель артели легко обошел директорскую тройку, осыпав комьями грязи и кучера, и седока. Народ хохотал без удержу. Тройка помчалась вдогонку, но артельную пару догнать не сумела.

— Оставил, выходит, председатель!

— Главное было позднее,— продолжал Тарасов.— «Князь» после этого дня три не появлялся на работе, сказался больным, а на деле отправился к председателю артели. Вскоре заговорили, что рудник продает артели новый трактор в обмен на рысака орловской породы...

— Так ведь там пара была?!

— Наверное, и второго бы выменял, да не успел.

— Силен гусь! — усмехнулся Польшников.

— Меновая возмутила всех на руднике. А тут как раз подоспело какое-то очередное общее собрание. Директор, окончив доклад, сразу заторопился уходить, но его какой-то старикан остановил вопросом: «А что ты теперь менять собираешься, мил человек? Трактор-то на коня сменял... Может, тебе еще что приглядится?» Зал сразу наполнился гулом. Раздались возгласы: «Верно!», «Отвечай!» Директор было закричал: «Не позволю, безобразия!» Да его остановил секретарь райкома партии: «Верно, что безобразие. Хотя вопрос и не понравился докладчику, думаю, отвечать ему придется». Зал сразу затих. Отвечать пришлось. Собрание кончилось далеко за полночь. Был момент, когда директор заявил: «Буду просить, чтобы меня уволили». Но ему ответили: «А кто тебя отпустит. Особенно после бани. Сумел кличку князя заслужить, так теперь звание товарища заработай».

— Ну и как же теперь этот директор? — поинтересовался Польшников.

— Человеком стал.

— А рудник?

— Один из участков кончают строить. Вот-вот пустят.

За окном несколько далеких огней разорвали темноту. В них угадывалось небольшое селение. Спутники замолчали, и, когда огни скрылись за поворотом, заговорил Польшников.

— Ещё мальчишкой дома, в Питере, и на улице, и на заводе видел я, что, если человек один, ничего у него не

выходит. Сколько раз позднее в том же убеждался в тайге! Пойдешь вместе — найдешь, в одиночку — пропадешь. Вот так и у вашего директора получилось.

— Это, конечно, так.

— Но особенно плохо, когда вокруг такого князька заведется соответствующая гниль — всяческие прихлебатели. Хотя бывают типы и пострашнее.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Неужели вы думаете, что за полтора десятка лет Советской власти у нас исчезли все не-други?

— Разумеется, нет.

— Вот вам пример. Безразлично, к каким местам он относится. Представим себе, прииск или рудник вроде ленского «Чайничка» давал, давал золото, а после революции сразу отказал. Был там коммунист Кайранский, мечтал о новой жизни. Начал народ поднимать, прииск чтобы восстановить. Убили белобандиты... Да и одного ли такого. Много воды утекло, пока укрепилась новая власть. Стали откачивать затопленные шахты, ремонтировать оборудование, строить поселки. Глядишь, и золото пошло. И это там, где недавно царил абсолютный произвол хозяина-золотопромышленника, а высшим блаженством считалась беспробудная пьянка... Вы улыбаетесь, товарищ Тарасов?

— Мне вспомнились типы из повести Мамина-Сибиряка.

— Ну я-то знаю и более близкие времена,— продолжил Польшников.— Приехал, помню, впервые на Алдан. С трудом добирался до приисков. Тогда эти места только начинали осваивать. Зимником, ледяной дорогой, шли люди. Чаще всего пешком с котомкой за плечами. Как начались встречи с этими «каликами перехожими» от маленького разъезда Большой Невер, на Амурской железной дороге, так до самого Центрального стана все шестьсот пятьдесят километров не прекращались. Но тех, кто уже успел поработать на приисках, можно было отличить от новичков с первого взгляда.

— По шхерам? — не удержался Тарасов.

— Вот именно, по завернутым голенищам сапог. Так что они превращались в гармошку высотой до середины голени, даже если это полуболатные сапоги. Но еще больше по широченным старательским штанам. Шикар-

ность штанов там определялась по количеству затраченного на них товара. Как говорили портнихи, по числу полотен. Пояс к ним тоже делался из целого куска материала, который просто наматывался на талию, пока не получался слой вроде корсета.

— Этаким парадный костюм кое-когда можно встретить и на алтайских рудниках,— заметил Тарасов.

— Так вот,— продолжал Польшников,— въезжаем мы в поселок, а навстречу толпа валит. Возчик наш в сторону, на обочину. Смотрим, среди толпы идет пошатываясь здоровенный парень в сапогах с отворотами, слева от него гармонист, конечно еле можаху, с другой стороны двое тащат подносы с кружками, с выпивкой, мисочки с какой-то закуской. А впереди еще двое парней от целого куска цветастый ситец разматывают, вместо ковра. Дело как раз было к весне. Оттепель. Лужи на грязном снегу. Позади процессии женщины из-за ситца, по которому прошагали десятка три пар сапог, чуть ли не в драку.

— Картинка! — воскликнул Тарасов.

— Не говорите. Дичь! Увидел нас этот герой-старатель, барским жестом показывает: «Угостить! Пускай знают — я, Мишка Жирнов, гуляю!» Подскочили к нам парни с подносами.

Возница шепчет: «Не отказывайтесь, чтобы какого шума не получилось». Пришлось приложиться. Оказалось, что гуляют «с фарта». Этот самый Мишка нашел довольно значительный самородок золота; кроме того, и сама артель, как говорят, «добрую кочку промыла» — встретила обогащенный участок... Теперь вот в эту самую тьму и врывается новая жизнь. Начинают трещать, разламываться дикие обычаи старательской вольницы. Кое-кому это откровенно не нравится. Кое-кто приспосабливается к новому... Ну вот и начинается! Было время, когда всякое отребье открыто воевало против Советской власти. Прошло. Те из открытых недругов, кто уцелели в драке, притаились, дожидаются, когда придет удобный момент, света не будет, и можно, как клопам или тараканам, из щелей повылезти...

Появилась луна, где-то прятаясь до тех пор, и расплывающимся в темноте ночи слабым светом обрисовала далекий контур горного хребта. Полог лунного света двигался вверх, казалось набирая скорость. Вот-

вот он должен был подняться до предельной высоты, а потом сразу опуститься на землю. Но земля еще не была освещена, и поэтому у гор не было подошвы. Любый наблюдатель мог думать, что поезд идет по дну какого-то сказочного корыта, стенки которого постепенно поднимаются от железнодорожной насыпи к самому горизонту.

Неожиданно стена, освещенная слабым светом из окон вагонов, приблизилась вплотную к поезду. Резко усилился шум, гулко отдались удары колес на стыках. Состав вошел в глубокую выемку. В следующую минуту шум так же сразу уменьшился, стена отступила, снова появился освещенный лунным светом далекий контур горного хребта. Только на этот раз ниже зазубренного контура гор блеснула короткая и удивительно прямая полоса яркого света. Именно так светятся в ночи далекие поселения, обещающие желанный отдых в тяжелом пути.

— Эге! До нашего разъезда минут десять осталось.

— Это там не ваш рудник светится? — спросил Тарасов.

— Он самый. Огни у самого подножия гор... А вот есть люди, которые хотели бы их погасить...

Прошло еще несколько минут. Тарасов хотел что-то ответить Польникову, но так и не успел.

Поезд резко остановился.

Они спрыгнули со ступенек вагона прямо в степь. А через несколько минут деловито устраивались под теплым пологом дорожного тарантаса.

Предстоял еще час пути на лошадях.

2

Кара-Кыз

Тарасов проснулся с первыми проблесками утра. Принято считать, что именно в это время сон наиболее крепок, а он лежал с открытыми глазами, перебирая в памяти события последних дней.

По-осеннему белый, еще бессолнечный рассвет постепенно вырисовывал детали небольшой боковушки директорского дома. Комнатка служила кабинетом. Огромный письменный стол едва вмещался в простенке у окна, на нем были разбросаны папки, бумаги, книги.

Остальную часть комнаты почти целиком занимали железная кровать и старинный книжный шкаф, удивительно неуютный с несчетными резными украшениями. Через полуоткрытую дверь была видна внутренняя часть дома.

Рядом с кабинетом размещалась столовая с традиционным в те времена круглым столом посередине. Дальше следовала вторая боковушка, служившая спальней для хозяев дома.

Всюду сохранялись следы недавнего уюта, который поддерживался в доме, пока там жили жена и пятнадцатилетний сын Польникова.

Прошла неделя, как они уехали, оставив Ивана Васильевича поглощенного стремлением спасти рудник. Однако вера в добрый исход казалась мало обоснованной. Прекращение работ или даже полная ликвидация рудника порой представлялись неизбежными. Особенно больно было самому уничтожить все, что создано собственным трудом, уничтожить вопреки желанию и здравому смыслу. А ведь не исключена и попытка доказать, что как раз он, директор Польников, больше всех виноват в плохой работе рудника, а значит, и в его закрытии. В этом случае долго и трудно придется доказывать свою невиновность. Хорошо, если это можно будет делать в условиях личной свободы, а если все начнется с «перевода предполагаемого виновника на строгий режим». Проще говоря, под арестом. Именно для того, чтобы уменьшить возможные тяготы, он и отправил семью к родным в Ленинград.

Польников не мог свыкнуться с одиночеством в своем маленьком осиротевшем домике. Он был рад гостю и способен был без усталости говорить ему о семье. О жене, до самозабвения любившей книги, несмотря на то что она очень рано потеряла значительную часть зрения и была вынуждена носить очки со стеклами в полпальца толщиной.

С гордостью он рассказывал, как сынишка излазил чуть ли не весь рудник, пробирался в заброшенные выработки, карабкался по горам в окрестностях; вместе с такими же сорванцами научился мыть золото в небольшом лотке.

Кто-то из ребятшек предложил всем вместе добывать ценный металл, складывать в общую железную коробочку, пока не наберется столько, чтобы хватило на оплату в «Золотоскупке» стоимости рубашки.

Затея эта была связана с планами организации детской футбольной команды. Понадобилась форма, просить же деньги на ее приобретение у родителей ребята не смели. В магазине «Золотоскупка» согласились отложить рубашки, а заодно и трусы. В конечном счете вся команда получила одинаковые ковбойки.

Рассказывая об этом, Иван Васильевич заметил: мальчишки взрослым сразу два урока преподали. Во-первых, лишний раз доказали, что золото на нашем руднике никуда не делось и добывать его можно, было бы

желание; во-вторых, делать это нужно всем вместе, не таясь, не пряча друг от друга каждую найденную золотинку.

Тарасов уже знал, что большая, двустворчатая дверь вела из столовой в прихожую и из нее в крохотную кухню.

Пожалуй, именно на кухне сильнее всего чувствовалось отсутствие хозяйки. Старенькая соседская бабка, за небольшую плату занимавшаяся уборкой и приготовлением обеда, заглядывала сюда, только чтобы истопить печь. Готовила она у себя дома, здесь же составляла кастрюли на край плиты, а утром забирала накопившуюся за день-два посуду.

Михаил Федорович бесшумно оделся и, стараясь не нарушить покой хозяина, вышел в прихожую.

Скрипнула дверь, щелкнул замок, и он остался один на один с зябким утром, верным признаком близкой осени.

Директорский домик стоял в наиболее населенной части рудничного поселка, и вид, открывавшийся с крыльца, ограничивался стенами нескольких таких же невысоких деревянных строений. Чтобы увидеть весь поселок, копры и отвалы шахт, обогатительную фабрику, электростанцию, дорогу к железнодорожному разъезду, нужно было подняться на холмы и двигаться по ним к подножию гор.

Над ближайшим холмом чуть выглянул ободок солнца. Через несколько минут, пока Тарасов выбирал направление пути, солнце оказалось целиком на небосводе и едва держалось одним краешком за вершину холма над перевалом, к которому тянулась хорошо заметная тропа.

Как было не подумать, что дневное светило просто пряталось на ночлег за холмами и, разбуженное рассветом, покатилося вверх по дороге, идущей с той стороны перевала, пока не выбралось на вершину. Остановилось здесь передохнуть и теперь раздумывает, стоит ли подниматься на небосвод или, быть может, задержаться на мягкой седловинке, понежиться после сна, понаблюдать, как будет просыпаться поселок.

Прежде всего проснутся окна. До этого нарисованные темными пятнами на стенах зданий, они вдруг вспыхнут отражением солнечных лучей и загорятся

сказочным пожаром. Потом из труб над крышами больших и маленьких домов появятся клубы дыма. Смотря по погоде, они или потянутся вверх, расплываясь где-то недостижимо высоко; или устремятся за ветром; а иной раз пригнутся к земле, окутают строения, покатаются между домами и террикониками в степь. Вслед за окнами и трубами проснутся двери. Они начнут выпускать и впускать людей. Последними сбросят сон дороги, идущие от жилья к шахтам, цехам, конторе.

Лучи солнца бежали все выше и выше в гору. Тарасов шел по краю отступающей тени. Так он добрался до небольшой луговины на самом переломе водораздела с чуть заметной лужицей родниковой воды посередине. Воды было мало, ее едва хватало для того, чтобы сохранять пятно свежей ярко-зеленой травы.

От зеленой луговинки Тарасов повернул на водораздел, по нему дошел до одинокого нагромождения крупных камней. Влез на один из самых высоких и уселся, свесив ноги.

Внизу расстилалась панорама рудника и рудничного поселка. Полуцирком окружили его невысокие ряды холмов, предгорий Калбинского хребта. Лишь с одной стороны, к северо-западу, это сооружение оставалось открытым в бескрайнюю степь, перегороженную на горизонте игрушечными коробочками домов железнодорожной станции.

Туда, к станции, тянулась широкая грунтовая дорога. Она отмечалась не столько своими контурами или границами красок, сколько облаками пыли от любого движущегося транспорта. Утро было безветренным, и пыль, поднявшись над дорогой, долго висела в воздухе.

Если же смотреть со стороны степи, то дорога, войдя в поселок, зигзагами шла между домиками, как бы выбирая наиболее удобную улочку, а найдя ее, стремглав убегала к холмам и исчезала в них. Тарасов знал, что дальше, направо от него, дорога пробивалась через несколько таких же небольших горняцких поселков, перерезала село Георгиевку, переваливала северную оконечность Калбинских гор и оказывалась прямо у паромы, напротив Усть-Каменогорска.

Поселок Кара-Кыз сверху казался беспорядочным скоплением разнообразных строений. Однако, присмотр-

ревшись, можно было заметить, что каждая группа их была не случайной. Чаще всего строения тяготели к шахтным отвалам — терриконикам. Кстати говоря, слово это пришло к нам от французских горняков, оно обозначает конический отвал пустой породы и указывает на определенное оборудование отвала — рельсы для подъема вагонетки, концевой барабан для троса и приспособление для перевертывания вагонеток — опрокид самых разнообразных систем от простого упора до механического захвата*.

Рабочие любых горных предприятий издавна предпочитали селиться поближе к шахтам. Это было тем более понятно на Кара-Кызе, где природные условия совсем не располагали к длительным прогулкам. Постоянные ветры, пыльные лето и пронизывающие зимой; почти полное отсутствие растительности, если не считать весеннего травяного покрова степи. Причина — нехватка воды. Сам поселок летом снабжался водой, откачиваемой из шахт, зимой — вытаскиваемой из льда и снега и в очень небольшой степени за счет ручейка, вытекавшего из родников у самого подножия холмов.

Ручеек тянулся от малозаметных сырых пятен под склонами, пересекал несколько крохотных заболоченных кочковатых участков почвы и скатывался в узкую долинку с пологими бортами. Долинка тянулась в степь. В периоды дождей в нее стекала грязная вода со всего поселка, и она превращалась в настоящую речку; сейчас же долина была сухой.

По мере того как росло число избушек, они выстраивались в некое подобие улицы и сливались с другой кучкой домов, выросших близ устья соседней шахты.

Одна из групп горняцких домиков была видна особенно хорошо. Она раскинулась около довольно заметного отвала, у копра какой-то, по-видимому заброшенной, выработки. Копер мог служить неплохим учебным посо-

* Термин этот является исключением. Большая часть специальных названий, поныне бытующих в нашей горной промышленности, была принесена немецкими горными мастерами. Таковы, например, «штольня» — горизонтальная горная выработка, имеющая выход на дневную поверхность; «штрек» — тоже горизонтальная выработка, идущая по полезному ископаемому, но без выхода на поверхность; «шахта», «шурф», «штуф», «штыб», «штейгер» и многие другие.

бием по истории механизации, применявшейся в середине прошлого столетия.

Около входа в шахту сохранился большой барабан, сбитый из досок и укрепленный на мертвой оси. Дно его напоминало огромное колесо, имеющее, как и у телеги, ступицу и длинные спицы. В нижней части барабана торчали водила, к которым на длинных постромках припрягали лошадей. Лошади были обречены всю долгую смену непрерывно ходить по кругу, никуда не сворачивая, останавливаясь только на те немногие минуты, когда внизу прицепляли загрузенную бадью или вываливали из нее породу на поверхности. Чтобы у лошади не кружилась голова, на узду пришивали наглазники, закрывавшие от нее вид на барабан. Иногда бадью спускали своим весом, но если бадья была большая и требовалось ее тормозить, то лошадей разворачивали и они сдерживали раскручивающийся барабан.

Хотя подъемом уже давно не пользовались, даже издали все еще был заметен вытоптанный копытами круг.

С холма, на котором устроился Тарасов, можно было рассмотреть далеко не все детали, но он достаточно хорошо знал их, встречал на многих таких же стареньких шахтах, на других золотых рудниках Алтая и Калбы. Всюду, где побывал геолог, старое мешало новому, пыталось остановить его. Это показывали даже названия шахт. Одна из них, например, именовалась «Красно-Мусинская». Первая часть названия, новая, появилась после революции и изгнания белобандитов, когда восстановили шахту, разрушенную бежавшими собственниками; вторая, старая, носила имя бывшего хозяина.

Помпы и другие механизмы времен Кулибина упорно не уступали место современным прежде всего потому, что нужны были двигатели, а их не было. Пожалуй, каждый рудник или прииск был ареной битвы с хищническими методами разработки руд. Было известно, что и здесь, на Кара-Кызе, многие участки закрыты только потому, что оказалось вырванным самое богатое золото, при этом испорчены шахты, потеряна руда... Но сильнее всего вчерашнее сказывалось во взаимоотношениях людей, и в частности в том, как скрывали, «берегли» от окружающих, не исключая родных, находки богатых участков, даже если сами не имели сил для их разработки.

Взгляд Тарасова скользил по неровному краю поселка, центром которого казался двухэтажный рубленый дом конторы, резко выделявшийся среди приземистых и длинных жилых бараков. Рядом с конторой домик радиостанции — его можно было узнать по мачтам антенны, далее зеленела полянка, а затем шли помещения дизельной электростанции.

На небольшом отдалении от последних домов, как бы прячась от них за изгибом склона холма, виднелись маленькие избушки. Это обязательные для каждого горного предприятия динамитная и зарядная.

В той части поселка, которая, постепенно растворяясь, уходила в степь, находилось несколько больших сараев — склады. А чуть дальше, на самой окраине, два продолговатых новых дома — больница. От нее можно попасть к незаконченному дому будущего клуба. Польников рассказывал Тарасову, что там работает ликбез — школа ликвидации неграмотности среди взрослых, уже несколько раз показывали кинофильмы.

Позади клуба контуры будущих стен довольно большого строения — школы; ее сооружали своими силами, не жалея труда, лишь бы ребятишкам не приходилось каждую осень переселяться на все время занятий за много километров от семьи, то в село Георгиевку, то в еще более далекие — Усть-Каменогорск или Семипалатинск.

На одном из собраний Польников нарисовал будущее рудника и поселка Кара-Кыз, как он представлял себе, — с хорошими домами, садами и огородами, больницей, школой, клубом. Выступления горняков показали, как горячо жаждут люди приблизить это будущее. Однако большинство присутствовавших недоверчиво промолчали. Правда, весной почти все сажали деревья и летом заботливо ухаживали за саженцами. Теперь у многих домиков появились кусты зелени, ярко выделявшиеся на желто-коричневом фоне. Вопреки пророчествам скептиков оказалось, что растения могут жить в рудничном поселке.

Больницу начали строить силами и средствами рудника, без помощи треста. По мере того как поднимались от земли ее помещения, росло доверие к планам нового директора.

Открытием больницы дело не кончилось. В середине лета к директору рудника пришла группа женщин,

Оказавшись в кабинете, они, перебивая друг друга, заговорили о школе.

— Нам хоть бы крохотную, чтобы малышей не таскать за тридевять земель.

Польников начал было рассказ о трудностях рудника, но одна из женщин оборвала его:

— Это все известно. Только я так скажу. Материал дадите, так мы своих мужиков вечерами строить заставим, да и сами поможем.

В очередное воскресенье несколько десятков рабочих с семьями в полном составе с раннего утра собрались на площадке, предназначенной для будущей школы.

Работа нашлась всем — и большим, и малым. К вечеру был готов фундамент, а через несколько дней или, лучше сказать, вечеров стали заметны будущие стены.

Польников хорошо понимал опасность, нависшую над коллективом. Невыполнение плана вызывало разговоры о возможности ликвидации рудника. Вместе с этим у него все больше появлялась уверенность, что опасность зревает не потому, что они мало дают золота, а потому, что рудник кому-то стоит поперек горла... Польникова не оставляла надежда на то, что руда будет найдена и все пойдет по-другому, по-хорошему. Он как умел старался сплотить коллектив горняков, улучшить работу, облегчить условия быта. Ему верили, и, вероятно, именно поэтому никто не бежал из поселка, не оставлял работы, хотя знали, что заработок на Кара-Кызе ниже, чем на соседних предприятиях.

В то же время директор не встречал поддержки за пределами самого рудника. В тресте Кара-Кыз держали на «черной доске», в последнюю очередь давали деньги и материалы. В районе тяготились отстающим предприятием, десяток раз слушали доклады то на бюро райкома, то на пленуме исполкома, объявляли взыскания...

Тарасов вспоминал все известное ему о руднике, наблюдая с вершины холма за просыпающимся поселком. Вот солнечные лучи зажгли длинный ряд окон, идущих под самой кровлей продолговатого здания, которое могло быть только обогатительной фабрикой.

Совсем недавно на многих золотых рудниках еще не было настоящих обогатительных фабрик. Их заменяли примитивные приспособления, на которых размалыва-

лась и промывалась золотосодержащая руда с расчетом, что более тяжелые золотинки окажутся на дне, а пустая порода будет унесена водой в отвал.

Крупинки золота, изредка кристаллики, а чаще всего неправильные, вытянутые во все стороны веточки, как говорят,— дендриты, разбросанные в массе горной породы. Такой породой, вмещающей в себе золото, может являться кварц, или кальцит, или тяжелый шпат — барит. Но могут быть и другие горные породы, другие ассоциации минералов. Ученых всегда интересовало, как, каким путем образуются скопления минералов. Многие еще неясно...

Жаркие споры загораются каждый раз, как только собираются хотя бы два геолога и начинается обсуждение условий происхождения месторождений полезных ископаемых. Тем не менее большинство считает, что горячие водные растворы — гидротермы, по трещинам поднимающиеся из глубин земли, несут с собой соединения самых разнообразных химических элементов. Эти соединения вступают в химические реакции с окружающими горными породами и откладывают на стенках трещин или в самих окружающих породах те или иные минералы. Трещина постепенно заполняется. Она может закрыться совсем. Но иной раз новые порции растворов разрушают ранее отложенные минералы и занимают их место. Именно так образуются сложные, а иногда и удивительно красивые рудные тела — то в виде правильных, вытянутых жил, то в форме причудливых залежей.

Полезные минералы редко слагают всю толщу рудного тела. Обычно они составляют в нем лишь незначительную часть и разбросаны настолько беспорядочно, что для их получения нужно переработать всю включающую породу — руду.

Сотни лет задача горняков заключалась только в том, чтобы любыми способами отделить возможно большую часть полезного минерала, получить концентрат — более богатую руду (отсюда и название «обогажительная фабрика» и специалисты, работающие на ней,— обогащители), а все остальное — хвосты, как и пустые породы, окружающие рудное тело, без каких бы то ни было угрызений совести выбросить, направить в отвал.

Сейчас любую добытую на поверхности или поднятую с больших глубин горную породу стараются исполь-

зовать целиком. Очень часто хвосты могут оказаться хорошим сырьем для химической переработки либо строительным материалом.

Так, например, в любом районе добычи угля многие десятки лет росли терриконики — пирамиды из обломков глинистых сланцев, песчаников, угля и других горных пород. Среди этих обломков почти всегда много кристалликов золотисто-желтого минерала пирита — серного колчедана. Осенью после дождей пирит, представляющий собой соединение железа с большим количеством серы, загорался. От него начинали тлеть и обломки угля. Едкий дым непрерывно тянулся от отвалов; его считали неизбежным злом. Поругивались, что «шахты курятся», и только.

Не так давно были проведены опыты, и оказалось, что эти самые пирамиды могут служить отличным сырьем для изготовления лучших сортов огнеупорного кирпича, а сера и кусочки угля, содержащиеся в породе, загораются при обжиге, создают добавочное тепло и сокращают расход топлива.

А вот другой пример. В Африке находится одно из богатейших золотых месторождений земного шара — Ранд. Были годы, когда из древних окаменевших рифов Ранда добывалась почти половина всей мировой добычи этого драгоценного металла. Отвалы шахт тянутся на многие десятки километров, превращая окружающую местность в холмистую полупустыню. Правда, они не «курились», но это не делало их привлекательнее. Несколько лет назад появились предприимчивые иностранцы и тайком за бесценок скупили безжизненные участки искусственной пустыни. Оказалось, что эти отвалы чуть ли не самая богатая в мире урановая руда. Вот вам и «пустая порода»!

Для того чтобы выгодно плавить железную руду, в ней должно быть не менее тридцати пяти процентов железа; медную руду добывают при двух-трех процентах меди, а, если залежь большая, то и при меньшем содержании; для оловянной руды считается достаточным 0,3 процента; золото же представляется выгодным добывать уже при содержании нескольких граммов благородного металла на целую тонну руды. Ясно, что при таких содержаниях нельзя обойтись без обогащения.

Обогащение начинается с того, что в забое и на поверхности стараются отбросить безрудную породу. Это можно сделать относительно легко только в том случае, когда руды немного и она хорошо отличается, например, по цвету или удельному весу. Рудоразработка неизбежна при добыче драгоценных или поделочных камней, но она невыгодна, если перерабатываются большие количества руды.

Отобранная руда разбивается на куски. Раньше это делали вручную, большими молотками или кувалдами. Теперь эту работу выполняет мощная дробилка. Стальная щека или конус прижимают камни к неподвижно укрепленной стенке и раздавливают их.

Раздробленные куски руды, чаще всего вместе с водой, направляют в мельницы — металлические барабаны, наполовину заполненные стальными или чугунными шарами, а иногда стержнями. Барабан вращается, перекатываются шары или стержни, измельчают кусочки руды. Шум и скрежет около мельниц несколько меньший, чем у дробилок, но и он для непривычного человека покажется страшным.

Руда превращается в тонкую крупку. Очень важно, чтобы размеры крупинок были примерно одинаковы и не больше самых маленьких зерен полезного минерала. Только в этом случае можно рассчитывать на достаточно полное извлечение полезного ископаемого.

Горняки-обогащители стараются использовать особые свойства каждого минерала. Одни минералы можно отделять благодаря разнице в удельном весе, другие — по магнитным или электромагнитным свойствам, третьи — по тому, как их поверхность реагирует на соприкосновение со смолами: поплывут, охваченные пеной из капелек смолы, или упадут на дно. Есть минералы, которые выделяют себя после освещения ультрафиолетовыми лучами.

Для золотых руд издавна применялось обогащение по удельному весу в воде и устройство разнообразных ловушек с залитой в них ртутью. Ртуть обволакивает мелкие золотишки, тормозит их движение, образует амальгаму, а при нагревании улетучивается и отдает захваченную добычу.

Работу рудничных мельниц на Кара-Кызе выполняли бегуны то на два, то на три огромных стальных колеса, носивших немного торжественное название чаши

Бильдона по имени их изобретателя. Золото из шахт Кара-Кыза заключено в кварце. Руда дробилась и измельчалась в чашах, и туда же непрерывно поступала вода. Она подхватывала частички пустого кварца и уносила его из чаши потому, что он почти в шесть раз легче золота. Дальше вступали в работу ртуть и ловушки в виде карманов или ящиков.

Из-за здания фабрики выглядывало несколько круглых чанов, напоминавших открытые баки для хранения нефтепродуктов, а еще дальше виднелось крохотное озерко, окруженное светло-серыми отвалами измельченной породы,— иловый завод, на котором производили химическое обогащение — выщелачивание мелкого золота, обрабатывая тонко размолотую руду цианистыми растворами, залитыми в огромные чаны.

С горы дома и люди казались игрушечными. Отсюда можно было следить за ними и, не слыша звуков речи, только догадываться о том, что происходит.

Вот несколько человек прошли к зданию конторы от холмиков, которые должны были быть отвалами самой большой из шахт — «Параллельной». Правда, шахта фактически не работала. Несколько мелких старательских групп ковырялись на верхнем горизонте, нижние горизонты стояли на водяной консервации, проще говоря, были затоплены «по причине потери руды».

От группы строений, находившихся в стороне от поселка, отделились пять человек. «Пальщики!» — подумал Тарасов.

Представьте себе, что основная масса рабочих покинула выработки. Забойщики, крепильщики, откатчики ушли. Остаются только дежурные у стволов в больших шахтах, и хозяевами под землей становятся взрывники — пальщики. Они заряжают динамитом или другой взрывчаткой вырубленные забойщиками отверстия в породе — шпуры, вставляют запальные шнуры с капсюлями из гремучей ртути на концах, плотно утрамбовывают все это, закрыв сверху размягченной глиной, осматриваются, чтобы не оставалось поблизости какого-нибудь зазевавшегося человека, поджигают шнуры, и по выработкам покатится протяжный предупредительный крик: «Гооориинт, гооориинт!» Услышав об опасности, все, кто находятся в шахте, побегут к укрытиям... Глухие уда-

ры взрывов отзовутся на поверхности... Один, другой, третий...

Опасен труд взрывника. Не каждый пойдет на такую работу, да и не всякого возьмут. Тут нужны сноровка, смелость, выдержка.

...Интересно наблюдать сверху жизнь рудничного поселка, но пора и самому направляться на работу. Впереди трудная задача. От ее решения зависит дальнейшая судьба не только шахты или поселка, но прежде всего людей. Устало идущих со смены забойщиков, тех самых женщин, о которых рассказывал Польников, ребяташек, снующих между домами...

Докажет он, что здесь еще есть хорошая золотая руда и что ее хватит не на один год работы, сотни семей горняков не должны будут думать о том, где и как устраивать свою жизнь. Останется только разобраться в причинах неровной работы рудника, чтобы его не лихорадило впредь... А если... Подумать только, какую ответственность берет на себя эксперт, даже если его выводы и не являются окончательными.

«Разберитесь сами во всем объективно», — вспомнились слова руководителя треста, проводившего Тарасова в командировку.

Легко сказать «разберитесь».

Тарасов поднялся, еще раз оглядел всю панораму. ...Взгляд невольно остановился на недостроенном здании школы. Еще не было крыши, а из труб уже тянулся дымок. Школа жила, жил клуб, больница, жил весь поселок; пожалуй, именно здесь главная часть ответа — люди! Вместе с ними искать верное решение... К ним. Тарасов выпрямился и пошел вниз по склону, к поселку. Правда, это вовсе не означало, что кончилась буря в мыслях... Геологу бесконечно хотелось, чтобы не было всего происходившего здесь. Куда проще было в тайге, как бы трудно ни было физически... Подобных задач там решать не приходилось.

3

Воспоминания

действительно. Насколько все было проще до этого Кара-Кыза. Молодой, но, как говорят, удачливый геолог с ранней весны уходил в горы и тайгу; искал золото, редкие металлы, составлял геологические карты. Потом прибавилась работа консультанта разведок на месторождениях, открытых или возвращенных к жизни им и его друзьями. Повидимому, он плохо приспособлен для работы в качестве «уполномоченного представителя» треста, как его теперь называли.

В мыслях всплывали отрывочные воспоминания... То какой-нибудь из горных районов Алтая, то семья, то недавний путь из отпуска.

Вспомнился Новосибирский вокзал. Все было как обычно. Едва только спала суета посадки, как соседи по купе уже узнали, почему сидящая внизу старушка покинула насиженное гнездо и двинулась в непривычный далекий путь; куда и зачем едет человек, расположившийся наискосок от нее, и старались до поры не потревожить задумчивого молчания спутника, прижавшегося к окну.

Девушка, стоявшая у двери, завязала разговор.

— Далеко едете, бабуся?

— Далеконько, доченька. Почитай, на край света. Сын у меня командиром служит на границе. К нему собралась.

— Надолго? — вмешался один из пассажиров.

— Как проживется. Боюсь только. Я из ровных мест, рязанская, а вокруг Верного, сказывают, горы, да и трясет сильно.

— Горы там действительно высокие. Снега вечные на вершинах. Но красота и в них есть не хуже вашей рязанской. Особая красота, строгая. А насчет землетрясений, это вы зря беспокоитесь. Бывают, не без этого, но нечасто.

— Ну дай бог. А ты, милый, из тех мест, что ли?

— Бывал с молоду... С винтовкой ходил, под командой самого Михаила Васильевича Фрунзе.

— А теперь куда же?

— Теперь подальше твоего пробираюсь.

— Господи! Вроде и немолодой.

— В нашем деле возраст не помеха. Всю жизнь дороги строю и мосты лажу. Вот как за Семипалатинск заедем, начнется Турксиб, так начинай считать мосты — и те, что топором рублены, и что каменные и железные, почти все мои будут.

Тарасов хорошо помнил, что до этого разговора он не отрываясь глядел в окно на высокие сосны, одно из главных богатств широкой, чуть всхолмленной песчанистой долины Оби, и не замечал окружающего. Но теперь повернулся к соседям и, поправив широкой ладонью рассыпающиеся рыжеватые волосы, обратился к строителю мостов.

— Простите, что перебил, давно вы в этих местах?

— Смотря в каких. Около Верного я родился; когда настоящего города еще, можно сказать, не было. По имени старой казачьей станицы его называли Верным. Но жить пришлось больше на востоке, все около железных дорог. А как началось строительство Турксиба, так сразу сюда вернулся. Весь северный участок пешком вымерял. Кончили вот, теперь вместе с вами пассажиром еду. Отдохну, а там новые дороги пойду ладить.

— Да, будет что внукам рассказать, — заметила старушка. Строитель довольно улыбнулся.

— Не без этого... Плохо здесь было без дороги. О всем крае, считай, только и знали, что горы высокие

да трясет здорово. Правда, страшное землетрясение десятиго года я почти не помню. Знаю о нем больше по рассказам.

— Но и позднее там бывали землетрясения.

— Да, но не такие.

— Кстати, мне кажется, вы ошиблись датой. В этом районе большие катастрофы произошли в 1887 году, когда в городе было разрушено свыше трех тысяч зданий, и в 1911-м — несколько поменьше. Оба раза разрушения в городе вызывали не только подземные толчки, но и сель — бурный поток, хлынувший с гор. Говорят, на некоторых улицах и поныне лежат громадные камни, которые притащила взбунтовавшаяся речка.

— Верно, спорить не стану.

— Откуда вы все это знаете? — спросила девушка.

— А я геолог, — ответил Тарасов.

— Вот оно что! — простодушно сказал дорожник. — Выходит, нашему брату строителю родственник. Тоже всю жизнь по горам да по долам. Куда же нынче путь держите?

— На Алтай.

— На Рудный?

— Да. Проще скажем: в верховья Иртыша.

— Хорошие места, богатые. Только вот дорог еще нет. А сейчас откуда же?

— Позавчера из Москвы.

— Позавчера! Чего-то ты путаешь, сынок! — вмешалась старушка. — Я вона с Рязанщины вторую неделю еду.

— Нет, бабушка, не путаю. Первый раз в жизни самолетом. Ну и здорово же, скажу я вам!

Шли тридцатые годы, когда только появились первые регулярные пассажирские рейсы самолетов по весьма малочисленным воздушным дорогам страны. И понятно, геолога забросали вопросами.

Он рассказал, что перед концом отпуска отправился в железнодорожную кассу. Там его постигла неудача: на ближайшие дни билетов не было.

Любопытство заставило подойти к кассовому окну со скромным объявлением о продаже билетов на самолеты. Кассирша ответила, что билеты есть, и начала вежливо рассказывать о преимуществах воздушного транспорта.

Сзади кто-то перебил их разговор, потребовав: «До Казани на завтра!» За ним следующий удивительно обычно проговорил: «Два до Свердловска на вторник!» Спокойствие покупавших билеты подействовало.

— Один до Новосибирска! — выдавил он из себя.

У дверей аэропорта Михаила Федоровича встретил носильщик, одетый в форму с белоснежным фартуком; взял вещи и подвел к стойке с надписью: «Регистрация пассажиров».

Дежурная проверила билет, заполнила в списке графу «Домашний адрес пассажира», порекомендовала ему идти завтракать.

В буфете, уписывая за обе щеки яичницу, он совсем было успокоился, но заговорило радио. Диктор сообщал о подготовке к вылету очередного самолета. Кто-то из соседей начал нервничать. И он сразу подумал, что, может быть, и правда зря ввязался в этот перелет. Не ровен час!.. Аппетит испортился.

Наконец спокойный, немного торжественный голос из репродуктора объявил: «Самолет, вылетающий рейсом Москва — Новосибирск, подан к воздушному перрону».

Потом следовали (сохранившиеся до сих пор) перекличка пассажиров и «выход в сопровождении».

Захлопнулась дверь. Кабина сразу наполнилась острым запахом бензина. Назойливо запела какая-то визгливая машинка, а затем нестерпимый гул заставил пассажиров заняться ушами. Торопясь, они затыкали в них вату или мастику, переданную им работником с санитарной сумкой.

Когда же самолет оторвался от земли, никто не мог скрыть восторга. Тарасов запел, а обернувшись к соседям, заметил, что поет не один.

По расписанию полет должен был продолжаться всего девятнадцать часов с обязательной ночевкой в пути и многочисленными посадками.

Ночевали в Свердловске. Утром их небольшой самолет, с металлическими скамейками вдоль бортов пассажирской кабины, довольно быстро набрал высоту. Свердловск, а затем и отроги Урала, сверху казавшиеся полугими холмами, скрылись из виду.

Через час-полтора посадка на маленьком, плохо оборудованном аэродроме. Дальше их не хотели пускать.

Ожидалось затмение солнца, боялись, что оно повлияет на атмосферные условия.

Начальник аэродрома смиловился только после долгих уговоров. Решающим оказалось то, что экипажу очень хотелось до вечера попасть в Новосибирск.

...После нескольких минут прямого полета летчик неожиданно круто развернул машину и повел ее в обратном направлении. Потом новый вираж... Пассажиры прилипли к окнам. Сквозь мутные, желтоватые, исцарапанные стекла можно было смотреть на солнце без защитных очков. Оранжевато-золотистый круг казался необычайно большим. Снизу его закрывала тень. Даже простым глазом было заметно, как тень передвигается по солнечному диску. Прошло не более трех-четырех минут, и небо снова стало обычным. Вероятно, самолет под большим углом пересекал коридор полного затмения, поэтому лунная тень быстро покинула солнце.

Дальше все было без приключений. Как и следовало ожидать, самолет благополучно прибыл в Новосибирск.

На одной из остановок вагон оказался напротив кубовой, и дорожник побежал за кипятком.

Получилось само собой, что, как только поезд снова тронулся, каждый из находившихся в купе начал выкладывать на столик свои запасы для общего ужина.

— Едешь один, а чайник-то у тебя семейный, — заметила старушка.

— Один я никогда не бываю. В дороге — попутчики, а у костра в степи или в горах — там соратники. Главное, люблю чайку попить, хоть с сахаром, хоть с разговором.

— А ты, мил человек, давай вот с печенюшками.

— Ну это тем более. Если не зачерствели они у тебя за дорогу, зубы не поломать бы.

— Не бойся, я слово такое знаю, что, хоть сколько вези, черствей нынешнего не станут!

Утром поезд остановился у Семипалатинского вокзала. Проводив попутчиков, Тарасов довольно долго задержался на вокзале. Он хорошо помнил, как вышел на улицу в поисках извозца, чтобы ехать на пристань.

Ветер поднял пыльный смерч, прогнал его по пустынной улице со столбами посередине и разбил о чахлые деревца маленького привокзального скверика.

— А вот кому свежей холодной воды! — надрывно кричал мальчишка со стареньким эмалированным чайником и такой же кружкой в руках.

Несколько торговков в самых разнообразных позах сидели, прижавшись к ограде скверика. Перед ними на подстилках, брошенных прямо на песок, была разложена снедь. Заветрелые куски отварного мяса, крынки с варенцом, соленые и свежие овощи, лепешки, вареная картошка, шаньги. Покупателей не было, и торговки дремали в ожидании поезда.

Чуть поодаль, также прижавшись к ограде, на куче узлов ютилась группа женщин и ребятишек, напоминавшая беженцев или погорельцев.

Извозчиков не оказалось. Геолог нехотя сошел со ступеней вокзального крыльца. Ноги погрузились в мягкую массу, по щиколотку увязли в горячем песке. Невольно вспомнил ругательную кличку города — «Семи-проклятинск»; поднес вещи к оградке скверика и, покорившись обстоятельствам, сел на них рядом с «погорельцами».

Грязный полураздетый малыш играл с коркой хлеба. Он то прокапывал канавку в песке, то размазывал грязь на голом пузе, то засовывал ее себе в рот.

Тарасов не выдержал.

— Что же вы смотрите, женщины, он ведь песку налопается, заболит.

В ответ послышалось: «Туда и дорога!» и чье-то всхлипывание. Затем раздался звонкий шлепок. Малыш выронил корку и заревел во весь голос.

У Тарасова оказался в кармане кусок сахара, и он протянул его крикуну. Мальчуган замолчал, недоверчиво отодвинулся, потом, убедившись, что опасности нет, потянулся и схватил подарок. Этот эпизод положил начало беседе.

Оказалось, что рядом с ним семьи рабочих, несколько месяцев назад завербовавшихся где-то в Приуралье для работы на рудниках Алтая. Мужики давно уехали вперед, а когда прижились на новом месте, вытребовали жен и ребятишек.

За старшего с женщинами ехал паренек Коля, лет пятнадцати-шестнадцати от роду, расторопный, а главное, грамотный. Ехали дружно, все шло хорошо, пока в Новосибирске во время пересадки парень не отстал от

поезда. И вот уже три дня как осиротевшие женщины высадились в Семипалатинске, а он все не появлялся. Кроме того, по дороге они где-то потеряли все деньги и документы.

Увидев перед собой человека, сочувствующего их горю, женщины наперебой рассказывали ему о своих злоключениях. Но как только он спрашивал: «А как же думаете дальше?» — они замолкали или отвечали полуслопом: «Может, приедет еще он-то».

— Билеты, вишь, по чугунке у нас только сюда и были. Дальше, сказывали, водой... Мужики должны встретить на пристани, а на какой, не знаем, врать не буду, — продолжала разговор самая старшая.

— Коля говорил до большой пристани, — вмешался мальчуган лет восьми, напряженно вслушивавшийся в разговор взрослых.

— Пристаней много. Сказали бы вы, как она называется, я бы постарался сообразить, на какой рудник вам надо. Вот растяпы-то, — не выдержал Тарасов.

— Ты на нас не сердчай. Мы и сами не рады. Сидели бы уж дома.

— Ну хоть что на том руднике добывают: медь, свинец, золото?

— Что ты, милый, какое там золото, ни к чему нам оно. Наши мужики плотничать нанимались.

— Но есть же у вас хоть какие-нибудь бумаги, документы, может быть, хоть письмо от мужиков?

— Справка из сельсовета на всех одна, в деньгах была завернута. Нету ее. Может, еще у Коли что есть, так он ведь отстал. Одни мы теперь. А ну как не придет.

Кто-то из женщин всхлипнул. Это послужило сигналом для ребят. Двое или трое сразу поддержали матерей громогласным ревом.

Мальчуган, что вставлял реплику относительно пристани, подошел ближе к Тарасову и доверительно заявил:

— А Коля мне сказку говорил, что пристань та на гусях держится, а мы туда поедem гусей смотреть.

— Как на гусях? — переспросил Тарасов.

— Молчи ты, непутевый, — оборвала малыша мать.

— Пойдите, давайте-ка разберемся, — перебил ее Тарасов, — какая, ты говоришь, пристань?

- Не я сказал, Коля.
- А ты кто?
- Я Ванюшка.
- Ну ладно, пусть Коля. Как он говорил?
- Так и говорил.

Тарасов перебирал в уме одну за другой пристани вверх и вниз по реке от Семипалатинска.

...Вспомнился правый берег в верхнем течении Иртыша. Маяча со знаками глубин на высокой террасе, несколько домиков и небольших складов. Пристань стояла в самом нижнем конце широкой равнины, и, если двигаться вверх по реке, она открывалась взору сразу, как только пароход выходил из ущелья*.

— Может быть, Гусиная? От нее недалеко и рудник есть Зыряновский.

— Бабоньки! Может, и правда Гусиная?

— А тебе что, легче? Пушай хоть Лебединая.

К зданию вокзала подъехал какой-то возчик. Тарасов, увидев, что извозец свободен, дал команду:

— А ну, растеряхи, давайте грузиться! Поедем на пристань. Попробую вам помочь до этих самых гусей добраться.

Женщины не сразу поняли, что им предлагает этот незнакомый человек. Посыпались вопросы: как это сразу встать и ехать? А как Коля? А кто их накормит в пути? А где взять деньги на билеты?

Тарасов еще и сам не все понимал, хотя главное было ясно: он должен выручить этих людей.

— Если ваш Николай не дурак, так сам доедет. А мы с вами доберемся до главной конторы всех алтайских рудников и найдем, где ваши кормильцы.

— Господи, вот ведь счастье-то! — выкрикнула одна из женщин, схватила первый попавшийся узел и сунула его в руки возчику, удивленно наблюдавшему происходящее. За ней вскочили со своих мест и остальные. Торопясь, точно боясь, что их спаситель передумает, загрузили на ходок вещи и ребятишек, а сами гурьбой двинулись вслед за возом.

Пароход уходил вверх по Иртышу через несколько часов, и впереди было минимум трое суток пути. Тара-

* Сейчас в тех местах расположены сооружения Бухтарминской ГЭС.

сов со своими «иждивенцами» удобно расположился в одном из углов крытой палубы.

...Только слепой может не увидеть, как по-своему красив здесь Иртыш, особенно когда первые утренние лучи солнца застанут тебя дремлющим на палубе и перед взором открывается то беспредельно широкая, то узкая с отвесными каменистыми берегами долина реки.

Почти бесшумно, но с немалой скоростью движется громадная масса воды, растекается по протокам, заставляет небольшой пароходик карабкаться вверх, как говорили здесь, выскребаться. Оно и верно, есть участки, на которых часами шлепают, скребут по воде дощатые колеса, а пароход почти не двигается с места. Кажется, вот-вот потянет чуть посильнее ветерком из любой боковой долинки, пароход не выдержит его прикосновения и, как щепка, покачиваясь, поплывет назад, вниз по течению. От одной только мысли об этом по спине пробегает холодок.

По левому берегу вплотную к реке подходят отроги Калбинского хребта — то голые холмы, то каменистые осыпи или даже скальные утесы. Они придают особую строгость пейзажу. На правом, долинном, больше растительности и больше селений. В конце весны, когда в самом цвету черемуха, пойменные луга особенно ярко расцвечены разнообразными цветами: белыми, синими, красными, фиолетовыми... Летом картина меняется: богатство красок постепенно перекочевывает из долины в горы, поднимаясь по горным лугам, все выше и выше к самой снеговой линии; в долинах же нежная и яркая зелень весны сначала сменится плотной и запыленной зеленью лета, а затем наступит время золотистых, оранжевых и красных окрасок осени. Да и зимой бесконечная ширь снегового покрова в левобережной степи совсем не делает однообразной картину гор и самой реки. Искрятся, переливаются перламутром снежинки; яркими пятнами на белом фоне проступают полыньи; под голубовато-белыми шапками особенно ярки окраски обнаженных от снега береговых обрывов...

На вторые сутки пути пароходом, уже недалеко от Усть-Каменогорска, со стороны правого берега к реке приближаются горы. Предгорья алтайских хребтов тянутся к своим левобережным братьям, все больше и больше сжимают долину Иртыша, загоняют ее в ущелье,

угрожают полностью закрыть путь. Но река сильнее. Она вгрызается в скалы, выравнивает пороги, то с ревом бьет о борта каньонов, то с невозмутимым спокойствием проходит широкими плесами.

В среднем течении, примерно от Усть-Каменогорска и вверх до начала Зайсанской котловины, Иртыш разрушает горы, а ниже постепенно откладывает вынесенные водой обломки, перебивает их вновь и вновь, превращает в песок, сортирует по весу.

В нижнем течении у реки много протоков, островов, покрытых богатой, но преимущественно кустарниковой растительностью. Здесь Иртыш петляет, образует старицы. В этих местах для обеспечения нормального судоходства мало одних бакенщиков-водомеров, выставляющих во время навигации свои нехитрые знаки, за которые не положено заходить баржам и пароходам. Нужна систематическая работа по очистке русла, неустанная, как и работа самой реки.

В самом начале тридцатых годов землечерпалок на Иртыше почти не было, а песчаные мели появлялись то и дело. Поэтому пароход двигался ощупью, в полном смысле этого слова. То и дело на нос вызывался дежурный матрос с наметкой — длинной палкой, раскрашенной так, чтобы можно было сразу заметить глубину, у которой наметка коснется дна. Но даже и эта предосторожность не всегда помогала.

В простейших случаях давался задний ход, и пароход медленно сползал с мелкого места. Иной раз приходилось использовать силу самой реки — дать ей возможность стянуть на глубокое место попавшую в беду посудину; но это опасно, так как мель могла не размываться, а намываться и еще больше затягивать свою жертву. Бывало и так, что без посторонней помощи вообще выбраться не удавалось. Тогда стой и жди, пока появится какой-нибудь транспорт, который зачалит буксир и стянет с мели.

Часто посадка на мель означала для пассажиров вынужденную прогулку по берегу. Если пароход сел не очень плотно, близко от берега, то капитан торопился сразу же выгрузить пассажиров, чтобы облегчить судно. Иной раз люди довольно долго шли берегом к месту, где мог безопасно причалить снявшийся с мели пароход.

Потом перед взорами пассажиров появлялась цепь гор. Если смотреть вверх по течению, то справа стена уходила вдаль, смыкаясь с идущими к ней навстречу горными цепями Калбы. Слева же хребет закрывал все до самого горизонта. Пароход медленно двигался по бесконечным извилинам — меандрам реки, петлявшей по долине. По мере приближения к горам вырисовывались их каменистые вершины, а у подножий — игрушечные коробошки домиков.

— Усть-Каменогорск! — прокомментировал кто-то.

— Верно, что Усть-Каменогорск... Прямо под самыми камнями и стоит. А дальше-то, видать, и дороги нету? — спросила одна из спутниц Тарасова.

— Раньше городок-то Пьяногорском назывался. Невеселая жизнь была вокруг. Горы да степь, в горах руды рыли, в степи скот пасли; а как вырвутся, с гор сползут или из степи притащатся, расчет какой-никакой получают, так весь его здесь, в казенке, на базаре и оставят, — медленным говорком рассказывал сидевший рядом случайный попутчик, невысокий белесый старик с пушистой бородой, без какого-либо перерыва переходившей в такую же пушистую шевелюру, одетый в домотканую и домошитую одежку. — А как пристань построили, так при ней, конечно, кабак, питейное заведение — словом, открыли еще, почитай, до первого парохода. Значит, те, кто и хотел куда сплавиться, первым долгом к штофу в гости попадал, а как с его благородием досыта нагуторится, так, глядишь, и все баржи ушли, а на пароход разве что зайцем залезть удастся по причине полного пропития. Дела-то нынче, конечно, не те, да память осталась, — закончил старик.

Мимо парохода проплыли избушки пригородной деревеньки; протянулся древний крепостной вал, а потом насыпь, выложенная для защиты города от весеннего паводка *

Каждой осенью или ранней весной сотни местных жителей выходили укреплять вал, подтаскивали или подвозили грунт. Но, как бы активно эта работа ни проводилась, опасность не исчезала. В периоды ледохода огромные массы льда с большой скоростью и притом очень

* Теперь с завершением строительства Усть-Каменогорской гидроэлектростанции опасность затоплений полностью исключена.

неравномерно поступали из скалистого участка реки, что выше города; они легко могли образовать заторы и поднять воду на значительную высоту. Тогда люди вынуждены были проводить дни и ночи на крышах домов или перебираться на склоны ближайших гор, передвигаться по улицам на лодках, а по окончании наводнения со слезами подсчитывать убытки.

Наконец с палубы парохода стал виден дебаркадер — плавающая пристань, намертво зачalenная у самого склона крутой горы, чуть дальше которой река скрывалась в каменистых обрывах. Внимательно приглядевшись, можно было заметить, что там она делала новый поворот и уходила в ущелье.

Жена и дочь Тарасова уже не первый год жили в Усть-Каменогорске. Здесь был его дом, или, как часто говорят геологи, «постоянная база». Отсюда геологические отряды каждую весну отправлялись в различные районы Рудного Алтая на поиски и разведку месторождений полезных ископаемых. Возвращались разведчики поздней осенью, нередко вместе с шугой. А семьи напряженно ждали. Сначала ждали хоть какую-то весточку от ушедших в тайгу, а потом конца сезона и возвращения своих близких.

«Иждивенцев» Тарасов повел домой и на немой вопрос жены ответил просто:

— Потерялись люди. Ну куда же им с ребятишками, не на улице ночевать.

Уже в первые минуты Михаил Федорович узнал от жены такое, что не сразу пришел в себя.

— Кончились твои гулянки по горам да долам. Теперь дома будешь жить.

— Это как же понимать?

— В трест переводят, районным инженером.

— В какой еще трест?

— В золотой, конечно.

Тарасов знал, что в Усть-Каменогорске организовался трест по разработке золотых месторождений довольно большого района «Алтайзолото»; слышал, что наряду с работниками, присланными из центра или других золотопромышленных организаций, туда подбирали специалистов, хорошо знакомых с районами Алтая, Калбы, Казахстана вообще. Но он никак не собирался менять свою беспокойную жизнь геолога-разведчика на

сидячую канцелярскую работу в любом учреждении, как бы ни было велико желание находиться вместе с семьей.

— Ну ладно. Завтра я им устрою этот самый трест. Захотели таежного волка на бумажную гору загнать.

И только под утро, когда уже было переговорено все, разобраны все главные новости, Нина решила:

— Ну хоть на год-то согласишься, а, Мишенька?! Знаешь, как нам одним без тебя трудно.

И «Мишенька» согласился.

...Через несколько дней близ пристани Гусиная действительно отыскиались родственники «иждивенцев».

4

Чудак

Угловое здание недалеке от базарной площади было одним из самых заметных в Усть-Каменогорске. Белокаменное, оно резко выделялось среди прочих строений. Большинство домов этого сибирского городка были либо одноэтажными рублеными с высокими завалинками, либо строились так: низ каменный, иногда кирпичный, редко штукатуренный, но всегда побеленный, а верх деревянный. Если нижний этаж не был занят лавкой или какими-нибудь мастерскими, то служил складским помещением, а верхний — всегда жильем. Такие дома считались наиболее удобными, ибо создавали некоторую гарантию безопасности при наводнениях.

На облезшей стене углового дома сохранились остатки росписной вывески: «Торговый дом... и сыновья». Остальное было смыто или стерто временем, а поверх старой надписи было намалевано во всю стену: «Анонс».

Лаконичная новая надпись удостоверяла, что часть дома, уходящая в переулок и некогда служившая складом, теперь занята кинотеатром. Весь же «перед» с широкими дверями и большими окнами был отдан только что организованному тресту «Алтайзолото».

Парадный вход, срезавший угол, придавал учреждению определенную солидность. Той же цели должна была служить первая в Усть-Каменогорске, сделанная

на стекле маленькая вывеска, прибитая огромными штырями к стенке около двери.

Два больших торговых зала, расходящихся в обе стороны от парадного входа, разделялись временными перегородками на кабины. Внутренние помещения, в том числе и еще один торговый зал, выходивший окнами во двор, были отданы бухгалтерии и различным отделам треста.

Тарасов получил стол в дальнем углу комнаты, на дверях которой значилось: «Производственный отдел». Над столом кем-то уже была приколота бумажка: «Районный геолог».

Соседняя дверь вела в кабинет главного инженера треста, высокого, хорошо сложенного человека с седыми вьющимися волосами, недюжинного специалиста по разработке и металлургии золотых руд.

Рядом, по той же стенке стояли еще два конторских стола. Они принадлежали проспекторам, как называли в тресте бывших местных золотопромышленников. Проспекторы обязаны были оказывать содействие при поисках оставленных или забытых месторождений золота и в качестве специалистов участвовать в составлении проектов по освоению вновь найденных месторождений; откуда взялось название должности — сказать трудно, но говорили, что старые промышленники ее придумали сами.

В те годы государственные разработки золотых россыпей и руд были еще невелики, и большую часть добычи золота давали старатели, работавшие либо артелью, либо одиночками — бобылями, на долгие месяцы уходившими в тайгу. Находились и такие, что забирались в самую глушь с семьей, селились там в наскоро сбитой курной избушке и работали, пока хватало сил и припасенного продовольствия.

Понятно, что для старательских артелей нужны были легкодоступные участки, работа на которых могла бы оправдать труд и затраты. Их подыскиванием также должны были заниматься проспекторы.

Эти самые проспекторы вовсе не были такими безобидными и преданными Советской власти старыми специалистами, как это могло показаться с первого взгляда. Не были они и бессребрениками. Время от времени появлялись сигналы о взятках, об излишней пристраст-

ности проспекторов, о направлении неугодных им старателей на плохие участки. Только звучали эти сигналы глухо, больше намеками. Люди побаивались мести.

Теперь проверить заявки первооткрывателей, то есть людей, заявивших о находке месторождений золота или других полезных ископаемых, руководители треста поручили молодому геологу.

Проспекторы отнеслись к этому приказу с плохо скрытым раздражением, и прошло немало дней, пока Тарасову удалось раздобыть у старичков документы, толком нигде не учтенные, и переписку со старателями.

Оставшись по существу не у дел, проспекторы вынуждены были теперь заниматься поисками заброшенных или ими же утаенных от Советской власти золотых участков. Время от времени они обращались к руководству треста с соответствующим рапортом, а потом долгие месяцы проводили на названных участках.

Почти одновременно с Тарасовым в тресте начал работать в должности заведующего старательскими работами опытный горняк Дмитриев. Он когда-то был старателем, годами ходил с лотком и лопатой за плечами по самым захолустным уголкам Алданской и Баргузинской тайги. Недостаточную грамотность этого человека с лихвой покрывали отличное знание дела и исключительная честность. О себе Дмитриев любил говорить в третьем лице: «Пробы сам Иван Митрич брал, ручаюсь» или: «Побывал в тех местах Иван Митрич, выдывал». Снаряжаясь в любую командировку, он натягивал на себя штаны, сшитые на десять полотен, такой ширины, что в них могли бы уместиться еще три человека; влезал в большущие болотные сапоги, наполовину отвернув голенища, а остальную часть их собрав гармошкой. Потом вытаскивал из фанерного чемоданчика желтое кожаное пальто. По мнению Ивана Дмитриевича, пальто придавало ему особенно почтенный и даже шикарный вид. Надев кожанку, он подчеркнуто небрежно совал в карман наган, выданный ему в пожизненное пользование командиром партизанского отряда еще в 1919 году.

Главный инженер треста все сложные дела по разбору старательских жалоб поручал Тарасову и Дмитриеву вместе. Как только подвертывался такой случай, они отправлялись к месту проверки вдвоем, часто на лодке или верхами.

В поездках Тарасов преображался. Без усталости бродил он по логовам и вершинам, брал пробы, разыскивал следы старых горных выработок, часами исследовал добытые образцы руды.

Первая совместная поездка во всех деталях запомнилась обоим.

Изыскатели ехали на легонькой тележке, ходке, запряженной парой лошадей.

Дорога долго блуждала по оголенным или покрытым редким кустарником холмам, столь типичным для Прииртышья, потом забралась на крутой перевал и вывела путников к залесенной долинке небольшой реки.

Отсюда виднелась заимка из нескольких дворов; ниже по течению пойменная часть долины была занята разнолесой рощей и кустарником — ягодником; на свободных от зарослей участках ярко зеленела высокая трава. Дальше, насколько можно было видеть долину, вытягивались узкие полоски пашен да лента дороги вилась вдоль берега.

— Ишь куда нас занесло, — пробормотал Иван Дмитриевич, — самая что ни на есть крестьянская стихия.

— Почему вы так думаете? — спросил Тарасов.

— Погляди на пашни. Неужели не видишь? Темнота! От межи до межи армяк положи, и тот не влезет. Рядом рудник, людей не хватает, а они тут присосались и ни с места.

Время приближалось к обеду; пора было дать передохнуть лошадям. Путники спустились в долину, выбрали полянку, распрягли и стреножили лошадей, сбросили с ходка брезент и улеглись на него почти у самой речонки.

Берег порос густой травой, а чуть выше по течению — разнообразными кустарниками. Верхний почвенный слой, скрепленный корнями растений, размывался труднее, чем подстилающие его песчаные или глинистые породы, и потому нависал, заворачивался, как бы подкопанный потоком. Противоположный оголенный берег полого поднимался до каменистой осыпи, сползшей со склона, и затем круто уходил вверх. В нескольких десятках метров ниже места, где расположились путники, пологий левый берег резко обрывался. Река упиралась в скалу, обходила ее и терялась за поворотом.

— Посмотрите, какая интересная коса, — обратился к спутнику Тарасов.

Недалеко, у скалы, реку надвое разделяла отмель с аккуратно рассортированными гальками и песком. В голове косы — ее верхней по течению части — лежали относительно крупные камешки, затем следовали более мелкие, потом еще мельче и наконец хорошо отмытый песок.

Если коса свежая, то есть появилась или обновилась недавно в результате любого паводка (но не ледохода!), то она обычно содержит обломки всех горных пород, которые поток размывает выше по течению. Кроме того, в голове косы или даже впереди нее вместе с крупной галькой располагаются самые тяжелые частицы, среди которых часто можно встретить обломки руды. Поэтому в верхней, головной, части свежей косы особенно хорошо брать поисковую пробу и на золото.

— Может быть, попробуем, Иван Дмитриевич? Все равно есть не хочется, да и нечего. Зря сидим.

— Конечно, ежели разговор со мной для тебя дело зряшнее и охота тебе в воду лезть, так лезь! Только здесь до нас верно сто разов пробовали. От займки сюда рукой подать.

Но Тарасов все же достал из мешка небольшую саперную лопату и широкий ковш с высокими стенками. Изыскатели почему-то называют такие ковши уральскими, хотя их можно встретить и во многих других районах страны. Он поднял голенища у болотных сапог и шагнул в воду.

Речка была шириной всего в несколько метров, и, кроме того, от берега наискосок к косе шел неглубокий пережат, по которому, казалось, можно легко добраться до цели.

Однако предположение было ошибочным. Горка воды, поднявшаяся около ног сразу у берега, забралась за голенища, а далеко не спокойное течение стремилось сбить с ног. Пришлось вернуться. Раздеваться и лезть в воду нагишом не хотелось.

Тарасов положил ковш и лопату около брезента, присел на него, подставив сапоги солнцу.

— Ну что, попробовал? — съязвил Дмитриев.

— Я думал, тут мельче.

Из-за кустов, что выше по течению, строем один за другим выплыли несколько серых гусей. Рывком поднявшийся Тарасов снова сел и расхохотался.

— Ты что? — удивился Иван Дмитриевич.

— Больно обед понравился, сам приплыл. А пригляделся, они опять домашние.

— Как это опять? Или было уже когда?

— Как не бывать. Только дороговат такой обед.

И Тарасов рассказал, как в одну из поездок по Алтаю группа геологов в глухом лесу на незнакомой дороге наткнулась на стайку гусей. Люди были голодны, и, конечно, немедленно зазвучали выстрелы.

В ответ на стрельбу послышалась ругань, из-за деревьев появились несколько человек с ружьями и косами. Изумленные и испуганные геологи растерялись. Кто-то из них успел выкрикнуть:

— Мы же думали, они дикие!

С большим трудом удалось уговорить разбушевавшихся хозяев на мировую.

Заплатив за потрапу втридорога, изыскатели собрались уже двигаться дальше, когда хозяева побитых гусей со смехом пригласили в гости.

— Ладно, пошумели и будет. Все равно их к осени на базар везти, а тут без хлопот. Давайте к нам на пасеку. Переночуете, а бабы вам со свежей гусятинкой лапшу сварят, а то, неровен час, ночью еще и заплутаесться.

Соглашаться казалось и неудобно, и боязно, но благоразумие взяло верх. Геологи остались на ужин и на ночевку. Утром расстались друзьями... Но все же долго еще и в самых разных местах Алтая над геологами подтрунивали: «А вы не из тех изыскателей, что на Красном Ключе гусей постреляли, за диких приняли?»

— Вот с тех пор я гусей больше любого хищного зверя боюсь, — откровенно признался Тарасов.

Дмитриев засмеялся, потом взял в руки лопату, отошел немного в сторону от русла.

— Давай здесь пробу возьмем.

— Так ведь копать придется.

— А там, где ты собирался мокнуть! Тут по крайней мере люди увидят, что шурф свежий, заинтересуются. Это же Алтай. Здесь зря не копают. Мы уедем, а кто-нибудь обязательно за нами следом пробы брать бросится. Это я по опыту знаю. Не один раз на сибирских речках завлекательные шурфы копал. Начну и уйду,

вроде спугнул кто. А через месяц придешь, уже разведка, как есть, по всем правилам проделана.

— И не попадало за это?

— А кто узнает, что я не взаправду разведывать собирался. Зато другое бывало. Я начну, люди кончат, глядишь, что-нибудь да и найдут.

Дмитриев сбросил кожанку, поплевал на руки и принялся копать, аккуратно выкладывая грунт в ровную кучку.

Тарасов промыл первую пробу. В ней ничего интересного не оказалось; во второй, взятой с большей глубины, после того как были отброшены наиболее легкие частицы, осталась темно-серая масса песка. Еще несколько осторожных движений, и на дне ковша осколками стекла блеснули маленькие кристаллики граната, черные обломки железной слюдки и тоненькая крохотная золотинка.

— Вот, выходит, верное я место выбрал,—не без гордости заявил горняк.

Проработав по очереди около часа, они добрались до воды. К этому моменту около шурфа оказалось несколько проходивших мимо жителей заимки.

Иван Дмитриевич сам набрал последнюю пробу грунта, промыл ее на берегу; показал зрителям несколько мелких золотинок и рассказал, что надо делать дальше: «Ежели, конечно, у вас интерес к нашему золотому делу найдется».

Кто-то пригласил путников «откушать чайку». За самоваром велись длинные разговоры о том, как лучше разведывать золото. Пришлось во всех деталях рассказывать, как брать пробы и как их промывать, о хитром искусстве промораживания шурфа, чтобы остановить приток воды и углублять шурф, постепенно выкалывая грунт вместе со льдом. Среди жителей заимки были когда-то работавшие на золотых приисках, но рассказ постороннего всегда кажется надежнее. Под конец хозяева проводили гостей на полянку, где отдыхали лошади, помогли заложить их в упряжку. Пригласили приезжать еще. А когда колеса ходка снова застучали по неровностям горной дороги и отдохнувшие лошади легко вынесли седоков на очередной перевал, Дмитриев заключил:

— Теперь я убедился: и мыть ты умеешь, и лопатой не брезгуешь, а что касается речушки этой, так я не я

буду, если они ее первыми заморозками по всем правилам не раскопают.

Действительно, когда через несколько месяцев Тарасову пришлось проезжать теми же местами, то через всю долинку была протянута аккуратная линия шурфов. «Завлечение» подействовало. Правда, по словам жителей, кустарная разведка оказалась почти безрезультатной. Содержание найденного золота в грунте было бедным — слишком малым для того, чтобы разрабатывать его вручную.

Сотрудничество Тарасова с Иваном Дмитриевичем не всем нравилось. Время от времени в тресте находились сочувствующие проспекторам. Началась болтовня о том, что вот, мол, честных стариков отстранили от их законной работы, поручив ее неопытному молодому человеку и сумасбродному партизану-старателю.

Большинство рассуждений сводилось к тому, что сами новенькие ничего путного найти не смогут, а старатели и вольные разведчики к ним не пойдут.

— Таким, как Тарасову, хоть что, — шепелявил высохший старик счетовод окружающим его служащим, — бездомная птица, перелетная. Сегодня здесь, завтра там. Все вещички в две корзинки уложит, завячит — и двайся. А нам каково? Только выбились на подходящую работу — и снова думай, где устраиваться; срывайся с насиженных мест, дом оставляй и езжай по приказам таких же чудаков к самим чертям на кулички. А ведь как хорошо было в конторе, пока эти двое не появились.

Чудаком Тарасова называли за спиной еще с первых дней его работы в тресте.

Вскоре после того как Тарасову было отведено место в производственном отделе, завхоз, одним из первых познакомившийся с ним, обошел все отделы и таинственным шепотом сообщал наиболее уважаемым, с его точки зрения, сотрудникам: «Главный себе какого-то районного инженера зачислил. Видно, выписал откуда-то. Уж больно с ним вежлив. Так что поосторожнее. Около самой своей двери стол приказал ему дать. Ну так я из кладовушки вытащил старенький, без сукна. Чтобы не зазнавался... Непонятно. Государство трест организовало, чтобы золото добывать, а главный геологов каких-то выписывает. Что они могут! Свой-то ста-

рики здесь небось все знают. Покорми их, подхвали — что хочешь откроют. Так нет же, чужаков везут».

Тарасов в это время познакомился с сотрудниками производственного отдела. Потом по совету соседей он пошел искать завхоза, чтобы добыть у него бумагу, чернильницу и прочий канцелярский инвентарь, и вернулся к началу обеденного перерыва.

Можно было сходить в столовую или просто побродить по улицам, но в окно забарабанил дождь, и геолог присел к своему столу, чтобы привести его в порядок.

Старенький, выдавший виды стол был заперт. Когда его двигали, что-то тяжело перекашивалось в ящиках. Никто не знал, кому он принадлежал раньше. Некоторое время назад в трест привезли новые столы, а старые грудой свалили в кладовую. Один из них и достался Тарасову.

Тарасов решил начать с тумбочки. Небольшое усилие — и перед его глазами предстали обломки кварца, плохо завернутые в обрывки газет. Ни на бумаге, ни на камнях никаких надписей не оказалось. Как правило, такие образцы не могут иметь практического значения, ибо невозможно точно установить, где, когда, почему и кем они взяты. Геологи называют их в шутку «собаками».

На самом дне ящика лежало несколько плоских коробок из-под папирос. Две из них были особенно тяжелыми.

«Шлих*, наверное!» — подумал Тарасов и открыл одну из коробок.

Золото?! Видно, придется искать хозяина.

Не удержался от желания внимательнее рассмотреть кусочки металла. Высыпал содержимое коробок на бумагу.

Тяжелые кусочки легли кучкой, почти не раскатившись по листу. Их было много. Окатанные, сглаженные со всех сторон, некоторые ноздреватые, отдаленно напоминающие губку, но тоже приглаженные сверху,

* Так называют горняки и разведчики массу тяжелых минералов, остающихся после промывки рыхлых или раздробленных горных пород. По составу шлиха, добытого в русле какой-нибудь реки, можно приблизительно судить о горных породах, которые разрушают поток, да и сам шлих нередко служит хорошим источником некоторых полезных ископаемых; из шлихов добывается большое количество олова, вольфрама, тантала, алмазов.

золотинки напоминали мелкие галечки размером в миллиметр и меньше и только отдельные, самые крупные были около полусантиметра в поперечнике.

Широко известно, что кусочки золота, выбитые из руды, обладают неправильными причудливыми формами. У таких золотинок обязательно найдутся острые углы, и их часто называют занозистыми. Причина в том, что золотинок в руде чаще всего образуются позднее других минералов. К моменту, когда из раствора осаждается золото, каркас будущего рудного скопления оформился, и остается только заполнять промежутки между зернами других минералов.

Но вот кусок такой руды покатился по склону горы, внизу его захватил поток и начал перекачивать вместе с бесконечным числом обломков других горных пород. Камень постепенно стачивается, шлифуется, как говорят, «окатывается». Если же это золотинок, то она быстро превращается в округлую галечку, а затем в тонкую лепешку. Но и лепешка будет истираться. Дело кончается тем, что в наносах горных потоков часто встречаются лишь тончайшие пластиночки золота.

Попадает такая пластиночка на берег или на косу, охватит ее ветерком, согреет солнечными лучами, высушит, и она оказывается способной плыть по поверхности воды. Любые сухие песчинки порой долго держатся на поверхности спокойной воды, пока случайно не перевернутся, не прорвут поддерживающую их пленку воды. То же самое происходит с пластиночками — знаками золота. О них так и говорят: плавучее золото.

Разрабатывать да и разведывать россыпи значительно легче, чем коренные залежи — материнские; но главный (по количеству, а часто и по богатству содержания на тонну руды) запас металла находится в коренном источнике. Поэтому разведчики всегда стараются найти именно его, коренной источник, жилу, или рудное тело.

Иногда по степени окатанности обломков судят о том, насколько далеко от находки расположен коренной источник минерала.

Некоторые геологи даже подсчитали расстояние, на протяжении которого горный поток произведет разрушение зерна того или иного минерала. Доказывали, что если взять кристалл определенного состава и размера, освободить его от остальных окружающих минералов и

отправить транспортироваться по дну ручья или реки, то через строго определенное число километров от него останутся только мелкие осколки. Кристалл превратится в тончайшие частицы ила — разилуется. Однако авторы подсчетов не приняли во внимание, что кристаллы выбиваются из руды не только на коренном месторождении, но и из обломков галек, валунов, крупных камней, которые тоже увлекаются потоком и разламываются в процессе транспортировки. В результате поток все время получает некоторое количество дополнительных свежих кристаллов, выпавших из породы.

Минералы разрушаются по-разному. Твердый и хрупкий касситерит раскрошивается, черно-бурые кристаллы вольфрамита колются на тончайшие пластинки, мягкий молибденит размажется так, что от него и следов не остается.

Золотинки, высыпаемые Тарасовым на бумагу, были хорошо окатаны, однообразны и по форме, и по размерам. Иначе говоря, были типично россыпными.

В третьей коробке он обнаружил связку ключей — металлических пластинок полсантиметра шириной, длиной пять-шесть сантиметров и не толще миллиметра. На конце каждой пластинки была сделана небольшая напайка из металла желтого цвета, напоминающего золото. Вместе с ними маленький черный квадратик — аспидная доска.

Ключи служат для определения пробы золота, то есть содержания чистого золота в образцах или изделиях. Техника работы с ними чрезвычайно проста. На аспидной доске или на неглазурованной фарфоровой пластинке, «бисквите», проводят черту золотинкой или предметом, пробность которого собираются определить, а потом подбирают ключ, дающий такую же черту. Чаще всего черта будет золотисто-зеленая, но разных оттенков. Когда ключ подобран, останется прочитать выбитую на нем цифру*.

* Раньше пробу золота, серебра, платины определяли в единицах, обозначающих число частей металла в 96 частях сплава (от русского фунта, содержащего 96 золотников). С введением метрической системы мер пробу (кстати говоря, само слово «проба» греческое и означает испытание) стали определять в десятых долях процента, а кое-где на Западе ее определяют в каратах, то есть в тех же единицах, в которых определяют размеры драгоценных камней (карат равен 0,2 грамма).

Тарасов подобрал черту для своих золотинок и прочитал на ключе: «875». Золото оказалось очень чистым, и это еще раз подтвердило, что оно взято из россыпи.

Как правило, в руде, в коренном источнике, золото содержит разнообразные примеси серебра, меди, железа, теллура или других элементов. По мере транспортировки золотинок в воде эти примеси окисляются, растворяются и выносятся, как говорят, «выщелачиваются», а сами золотинок становятся все чище и чище. Иногда, правда, на поверхности золотинок образуются корочки из труднорастворимых соединений серебра, меди или железа. Такие корочки в старину называли «рубашками».

Занявшись находкой, геолог не заметил, как кончился обеденный перерыв. Начали собираться сотрудники. Людей, потерявших золото, среди них не нашлось, но почти все подтрунивали над Тарасовым. Сходились на мысли, что коробочки можно снести в магазин «Золотоскупка» и неплохо отпраздновать назначение.

В ответ на шутки Тарасов смолчал и отнес коробочки с золотом в кассу треста, попросил лишь разрешения оставить у себя ключи.

— Настоящего горняка и разведчика только на золоте и проверяют,— назидательным тоном рассказывал один из стариков проспекторов.— Первым делом вот так же подложат новенькому человеку золотишка горсточку и подсматривают, что, мол, он делать-то будет. Если человек тот правильный, стоящий, то он, конечно, посмотрит, глазами пощупает и все поймет: откуда золото, какой пробы, сколько и зачем положено. Тот, кто с разведкой дело имеет или в тех местах впервой, обязательно в руках пощупает, повертит, ножичком чиркнет. И проверяй не проверяй — после правильного человека все как есть золотинок на месте останутся. На другой раз ему уже начинают разные камни давать, спрашивать, откуда, мол, они и что содержат. Чтобы ни соврал, перечить не станут. А вот уж на третий раз дадут ему ковш или лоток с пробой породы, а туда считанных золотинок кинут. Если все на месте останутся, считай, что проверку прошел сполна, окончательно.

— Рассказывают, что такую проверку учинили Обручеву, старейшему из русских геологов, работавшему в Сибири,— поддержал разговор кто-то из инженеров.—

Было это много лет назад. Молодой Обручев, окончив курс Горной академии, приехал работать на один из сибирских приисков и оказался там первым разведчиком с высшим образованием. Ну, конечно, устроили банкет по случаю благополучного прибытия из Санкт-Петербурга нового горного офицера — так в былые времена называли горных инженеров; подпоили его как следует, а потом давай всякое подсовывать. Определите, мол, а то мы люди темные, не знаем. Молодой геолог поглядел да и говорит: «Это медная руда, а вот это — мороженое медвежье сало». Ну, понятное дело, общий восторг. Сразу в него поверили.

— Не всегда проверка, даже самых больших специалистов, проходит благополучно, — заметил Тарасов. — Я знаю, например, что однажды геологи, работавшие под Ташкентом, в веселую минуту подсунули приехавшему их консультировать академику Ферсману несколько кусочков кристаллического сахара, который часто можно было встретить на местных базарах. Для его изготовления в густой раствор сахара опускают несколько суровых ниток. Через некоторое время на нитках появляются кристаллики то белого, то желтоватого цвета, хорошо ограниченные и по-своему красивые. Ну вот Ферсмана и попросили: «Скажите, мол, пожалуйста, какой это минерал?» Просьба прозвучала так невинно и убедительно, что академик, не заподозрив подвоха, аккуратно завернул кристаллы в бумагу и взял с собой, чтобы подвергнуть исследованиям. Вечером обман раскрылся, когда во время ужина к чаю подали целую миску точно таких же кристалликов. Посмеялись досыта!

— А что, может быть, и вас, товарищ Тарасов, кто-то проверить взялся? — усмехнулся один из проспекторов.

— Откуда же я могу знать.

— Только не сердитесь, — продолжал другой, — но не пойму, зачем вы его в кассу отнесли. В скупке золото спокойно принимают. Вы же всех опрашивали, хозяин не нашелся. Ваше право было...

— Но золото же не мое!

— Чудак!

Так с тех пор и пошло: «Чудак».

5

Знакомство

Большую часть времени Тарасов отдавал проверке заброшенных разработок и разведок, обследовал месторождения, найденные местными жителями. Такая работа была ему больше всего по сердцу. Он сразу же превращался в геолога-поисковика, сутками мог бродить по горам, отбивать или мыть пробы. А вернувшись в трест и едва успев получить новую заявку или раскопать в архивах материалы о каком-нибудь старом руднике, немедленно начинал доказывать руководителям треста, что разобраться можно, только побывав на месте, и просил о командировке.

Однажды в пачке заявлений и писем первооткрывателей внимание Тарасова привлек самодельный конверт, на углу которого стоял штамп: «Красноармейское».

Письмо начиналось с обычных приветствий. Затем сообщалось, что, будучи в армии, красноармеец многое понял и что желание принести посильную пользу родному краю заставляет его писать это письмо. «...Почти у самой нашей деревни Кисовки, в горе, за старой мельницей, есть канавы. Да и сама-то мельница, как говорят старики,—сообщал автор письма,—раньше была небольшой обогатительной фабрикой, выстроенной для добычи золота. Рассказывают, что здесь вел большую раз-

ведку частник-золотопромышленник Часов перед самой революцией. Почему забросил — неизвестно. Думаю, что надо бы все это проверить. Со своей стороны так считаю, что частный капиталист царского времени зря строить фабрику не стал бы... К сему остаюсь с ком-приветом...»

Подпись была неразборчивой, но к письму прилагалась записка политрука, хорошо характеризовавшая автора письма и содержавшая просьбу сообщить о результатах проверки факта, изложенного в письме, в часть.

Геолог заинтересовался письмом и месторождением, разведка которого была остановлена по неясным причинам. В письме, судя по всему, упоминался тот самый золотопромышленник Часовников, который теперь работал в тресте в должности проспектора и сидел в производственном отделе почти рядом с Тарасовым. Все его докладные записки по вопросам ревизии тех или иных старых разведок и рудников Тарасов внимательно прочитал. Теперь пришлось делать это вторично. Ни в одном из них Кисовки не значилось.

Тарасов насторожился. Невольно возникла мысль, что в этом случае Часовников пытался скрыть наиболее удачную разведку, сохранив ее результаты, как говорится, впрок, авось себе сгодится; а может быть, он, напротив, стремился скрыть собственную грубую ошибку. Решить, какое из предложений верно, можно было бы двумя путями: поговорить начистоту с самим Часовниковым либо выехать на место, провести внимательное геологическое обследование, взять контрольные пробы руды, может быть предварительно расчистив старые выработки.

Собрав по району Кисовки все данные, какие удалось найти в скудных местных архивах, геолог доложил главному инженеру треста о необходимости ревизии и попросил разрешения заняться проверкой на месте. С ним согласились, но порекомендовали взять с собой Часовникова, не открывая ему цели поездки, и посмотреть, как будет себя вести бывший золотопромышленник, прибыв на заброшенный им участок.

Часовникову сказали, что нужно поехать вместе с Тарасовым для осмотра объектов, указанных первооткрывателями. Старику явно не очень хотелось ехать

вместе с «чудаком», да еще на положении подчиненного, но послушаться начальства он не посмел.

Ранним утром ходок, запряженный приземистой бурой лошадежкой, выкатился из окраинной улочки Усть-Каменогорска. Дорога полого поднималась на холмы, разделяющие долины двух правых притоков Иртыша — рек Ульбы и Убы, впадающих в него чуть пониже города.

Спутники долго молчали. Невысокий Часовников казался совсем маленьким потому, что обложился сеном и согнулся, ежась от утреннего холодка. Тарасов, держа в руках вожжи, внимательно вглядывался в окружающий пейзаж невысокого нагорья и лишь временами легонько понукал лошадь.

Разговор начался с погоды, повертелся вокруг особенностей рельефа Прииртышья, перспектив сельскохозяйственного года, прошлого и будущего Усть-Каменогорска и наконец как-то сам по себе перешел на вопрос о целях их поездки.

— Очень хорошо, что наш маршрут выпал в эти места, здесь давно следовало побывать, — шепелявил Часовников.

— Ну и почему же вы не побывали? — спросил Тарасов.

— Сколько раз предлагал. Мне самому было интересно. У меня тут, знаете ли, разведка была, фабрику бегунную строил, а вот не помню результатов, хоть убейте.

— Я читал все ваши докладные, там ничего о таких разведках не сказано.

— Так, батенька, разве о собственном стыде пишут. Я же не помню, чем все здесь кончилось, а десятника, который работал тут, с тех пор так и не видел.

— Как же это так, Владимир Иванович, разведки вели, фабрику строили и не знали результатов? Не верится.

— Какая там фабрика! Пару бегунов или даже пару чаш я старался посылать на любую разведку. Вернее, знаете ли... оборудование несложное. Два или три чугунных колеса работают от центральной оси, бегают по чаше из хорошего листового железа с чугунным или стальным полом, дают руду, измельчают в порошок и выбрасывают на шлюз, покрытый листьями с амальга-

мой. Есть золото, так оно тут и останется, разведку оправдает, хотя бы частью, а нет так нет. Кроме всего фабричонка разведкам солидность придает.

— Все это, может быть, и верно, но почему так легко забылись результаты этой разведки?

— Тогда они у меня велись сразу в нескольких местах. Работали десятники, сам же я был занят другими делами.

— Вот так так!

— Да-с. Вы ведь еще очень молоды, Михаил Федорович, прежней горной жизни не знаете. Многое вам может казаться странным. Хотя мне говорили, что вы даже историей золотой промышленности Алтая занимаетесь. В наше время это редкость.

— Что именно?

— Ну такое увлечение, да и история рудников здешних неужели так интересна?

— Очень. Только слишком мало сохранилось документальных сведений.

— А, наверное, вы и не думали никогда, что придется с живыми золотопромышленниками встретиться, служить вместе, да еще вместе на одной лошаденке по общему делу ехать...

— Почему же!

— Так вот, уважаемый, в те дни, когда здесь шла разведка, я, понимаете ли, чрезвычайно и небезуспешно увлекался винтом.

— Чем, чем?

— Игрой в винт, в карты.

— Но, мне помнится, Владимир Иванович, вы не раз говорили, что чуть ли не всю жизнь отдали разведке и именно этим отличались от других золотопромышленников.

— Как вам это лучше объяснить... От слов своих я не отказываюсь. Разведку я действительно любил, главным образом потому, что в ней всегда есть риск, даже игра. А я всю жизнь провел в игре или в карты, или на разведках.

— Пойдите. У вас же были действующие золотые рудники.

— Добычей на любом руднике у меня занимался управляющий. Сам же я любил тайгу, охоту, поездки к вольным разведчикам, споры о столбах, о новых уча-

ствах... Праздники таежные. Конечно, если в это время не было какого-либо другого увлечения. Риск, знаете ли, щекочет...

— И только?

— Нет, почему же. Я, например, всегда очень верил, что мне когда-нибудь сильно подвезет. Не скрою. Время от времени везло. Деньги бывали, и не очень малые. Но хватало ненадолго.

— Как же так?

— Очень просто! Не успеешь приехать в Питер — появляется куча друзей. Дамам представляют: «Знакомьтесь, алтайский золотопромышленник, господин Часовников!» Правда, царствующему семейству представлен не был. Другие удостаивались... Конечно, рестораны, балы, прогулки. Приходилось и преподносить, и платить. Но я чувства достоинства никогда не терял. Вижу, что дело швах, переводов больше не поступает, сразу нанимаю шикарный выезд. Проводы в ресторане. Оркестр на площадке перед вагоном... Однажды только до Твери хватило на билет первого международного класса, а там до самого теперешнего Новосибирска ехал товаро-пассажирским, черным хлебом питался и варенцом. Дальше на перекладных надо было ехать, да еще и через такие места, где золотопромышленника Часовникова все знали. Пришлось занять кое-что у знакомого купца. Вот-с... Но достоинства не уронил и из Питера выехал блестяще.

— Действительно. Трудно понять,— заметил Тарасов.— Вы мне все время казались культурным человеком, хотя и не нашего времени. А сейчас рассуждаете, как старатель с Алдана из старого анекдота, работавший всю жизнь, что бы хоть один раз на двое суток владивостокский ресторан «Золотой Рог» откупить.

Часовников тихо засмеялся.

— Ну, знаете ли, Михаил Федорович, это уж вы чересчур.

— Но разве вы не мечтали о богатом золоте, а найдя его, не стремились пошкарнее кутнуть?

— Однако масштабы, знаете ли, иные. Да и вкус не тот, все же... Интересы, запросы... Я в императорском Мариинском театре по три ложки сразу откупал, а после спектакля в лучшем питерском ресторане по моим вкусам зал накрывали..

— А зеркала в ресторане не били?

— Не приходилось,— совершенно серьезно ответил Часовников.

— Да. Вкусы и запросы у вас были, конечно, несколько иные, чем у того старателя. Но разница, пожалуй, только в масштабах.

— Не забывайте, Михаил Федорович, что я горному делу все же во Фрайбурге обучался, в Германии. Родители настояли. Правда, несколько не закончил курс. Померли батюшка мой и изволили завещать мне немедленно вернуться домой, чтобы приступить к управлению делом.

— Странно. Мне, Владимир Иванович, пришлось уже видеть некоторые горные работы на бывших ваших рудниках. Неужели они пройдены по методам, преподанным в Фрайбургской горной академии?

— Почему же. Условия могут быть разными. Все приходилось учитывать. Я не был особенно богат и работал не напоказ, не для выставки.

— Исходили из принципа, как бы побыстрее вырвать самое богатое, не думая о завтрашнем дне и тем более о тех, кто работает в забое, под землей. Вылезут после смены — хорошо; не вылезут — тоже ладно, как-нибудь обойдется!

— Горячи вы чересчур, Михаил Федорович, многого не знаете. У меня в шахтах люди не погибали по моей вине. Условия и оплата были не хуже, а иногда и лучше, чем у других промышленников. Об этом по всему краю говорили. Я первый среди здешних промышленников у себя на приисках союзы разрешил, чуть с полицмейстером из-за этого не поссорился.

— Вот как! Говорят, что вы и за ворованное с других приисков или рудников золото платили дороже на три копейки за золотник, чем ваши соседи.

— Имейте в виду вообще, что наша семья была далеко не богата. Мы всю жизнь сами работали. Не то что другие.

— Работа работе рознь!

— Почему же. Именно поэтому я и революцию как должное воспринял. Не бежал-с. В услужение пошел к новой власти. Вот так-с.

— Но люди-то вокруг не слепые, и они обо всем этом думают иначе. Находили и добывали золото не вы

сами, а рабочие. И когда грянула революция, вы просто не успели или не сумели удрать, вероятно и денег было мало. Разве не так?

— Ну, это и бездоказательно, и оскорбительно, молодой человек.

Наступило долгое молчание. Собеседники нечаянно высказали то, что было у них на сердце, сказали много больше, чем следовало говорить в их положении, и теперь трудно было скрывать взаимную неприязнь.

Дорога шла на подъем. Лошаденка несколько раз останавливалась, тяжело дыша, и лишь после настойчивого понукания двигалась с места.

Тарасов соскочил с ходка и пошел в стороне, стараясь не видеть оставшегося сидеть Часовникова. Он уже жалел, что связался с ним. Конечно, старик знает здесь многое. Но какой от этого толк.

Молчание нарушил Часовников. Он заговорил тверже, чем обычно.

— Смотрю я на вас, Михаил Федорович, и удивляюсь. Молоды вы, хороши собой... Культурнее многих своих товарищей. Но вот почему же вы так возненавидели меня? А ведь я как раз мог бы вам куда больше других стариков пригодиться. Конечно, я бывший, но для вас нужный бывший... Не понимаю.

На этот раз Часовников говорил правду, если не считать аляповатого комплимента в адрес собеседника. Хочешь не хочешь, но сегодня он советский гражданин и даже сотрудник того же учреждения, «нужный бывший», который много знает и при желании мог бы передать знания. Известно, что за время работы в тресте Часовников показал несколько перспективных золотосодержащих точек, чем заслужил определенное уважение окружающих. Ссора была не нужна. Задача заключалась в том, чтобы извлечь из Часовникова максимальную пользу для общего дела, спрятать личную антипатию, как бы она ни была сильна.

— Не совсем так. Вы просто не разобрались, товарищ Часовников,— подчеркивая обращение «товарищ», ответил Тарасов,— просто мне стало обидно за себя да и за вас. Я был о вас лучшего мнения.

Такой тон разговора польстил собеседнику, и если он даже разгадал вынужденное отступление в словах Тарасова, то не подал виду.

Подъем кончился. Лошадь засеменила по пологому спуску, и Тарасов подсел на ходок.

— Мы отвлеклись,— заметил он,— вы так и не успели мне толком рассказать, как так у вас получилось в то время и почему разведка настолько выпала из поля зрения, что не удалось узнать о ее результатах. Наверное, совпала с очередной поездкой в Петербург.

Все это говорилось уже тоном доброй шутки.

— Не совсем так. В те времена моим главным рудником был Санташ; о его особенностях вы, наверное, слышали.

— Кварцевые жилы с небольшим средним содержанием золота и редкими, исключительно богатыми участками вроде «кустов». Это ведь в Калбинском хребте.

— Да, да! Сколько неприятностей и сколько удовольствий принесли мне эти самые кусты!

— Я несколько раз слышал, что у вас такие скопления богатой руды называли столбами. Если такое название соответствует истине, то, наверное, удалось заметить, что кусты расположены по какой-то определенной системе?

— Насчет системы сказать боюсь. Не замечал. Но отлично помню все, что связано с этим рудником...— Часовников замолчал, вспоминая.— Там можно было работать целый год, а то и два. Тянут выработку по жиле, встречая только плотный, почти безрудный кварц, переработка которого на обогатительной фабрике едва окупалась полученным золотишком. Потом вдруг совершенно неожиданно, знаете, с криком «Охрану в забой!» врывался десятник, и в один день добывалось золота столько, что оправдывалась работа всего рудника за пару, а то и больше лет. Помню, как-то я приехал на Санташ, чтобы прекратить работы. Дело было под вечер. А ночью разбудили. Все смеялись, что мне давно надо было приехать и припугнуть жилу.

— Опять не пойму вас, Владимир Иванович. Как это могло быть? Опытный разведчик, ученик одной из лучших в мире горных школ и вдруг не сумел разобраться в том, как, по каким причинам или хотя бы по каким направлениям образовались на вашем руднике эти самые столбы, кусты, пятна — как хотите называйте — скопления богатой руды. Не могут же они появ-

ляться без каких-то особых причин, сами по себе. Ни с того ни с сего в природе ничего не бывает.

— Забавный вы человек. Не я первый, не я и последний. Многие придумывали — кто теории разные, кто молитвы, кто колдовство, чтобы кусты отыскивать. Вот, например, золотопромышленник Хотимский, говорят, даже однажды цыганскую гадалку из Москвы привозил к себе на рудник. Только все это без толку. А я, батенька, об этих кустах самому Владимиру Афанасьевичу Обручеву рассказывал, когда он по приглашению к нам приезжал.

— Ну и что же? — заинтересовался Тарасов.

— Давно это было. Но помню во всех деталях. Как сейчас... Стоим мы, знаете, посреди зала в семипалатинском ресторане. Поднесли какое-то вино, предложили общий тост. Мы с ним чокнулись и выпили. Вокруг нас собрались гости, и я начал рассказывать про свои кусты. Заинтересовался Владимир Афанасьевич, отошли мы с ним в сторону. Он меня минут пять допрашивал.

— И ничего не порекомендовал?

— Не помню. К концу банкета я был сильно того-с... и все вылетело из головы, а встретился еще раз, переспросить не удалось. Кстати, и банкет был оплачен мной, и как раз за счет очередного куста. Все об этом знали. Говорили, что куст показался как раз вовремя, а сам гость предложил тост, чтобы кусты встречались почаще и покрупнее.

— Значит, консультация профессора на банкете оказалась безрезультатной, — заключил Тарасов.

Выбрав полянку с высокой и свежей травой, путники остановились, выпрягли лошадь, а сами уселись на дерево, сваленное бурей. Старик, раньше чем устроиться на импровизированной скамье, несколько раз обошел ее, постучал палкой, старательно примял траву.

Тарасов понимающе заметил:

— Таежник опытный, а змей побаиваетесь.

— Просто не люблю. Слишком часто с ними встречался.

— Но ведь дерево еще свежее. Смотрите, даже ветви не засохли и трава под ними примята. Наверное, его и свалило всего дня два назад, не больше. Откуда же здесь змеи.

— Плохо вы, батенька, их повадки знаете. Это как-никак Алтай, места змеевские. Недаром рудник есть — Змеиногорск, до него тут рукой подать.

— Да. Природа там, пожалуй, такая же.

— Конечно, если бы дерево было только что свалено и на голом месте, опасность встречи с этим пушным сырьем была бы меньше.

— Почему пушным?

— Контора-то по приемке шкурок одна и для лисы, и для змеи. Вот так и называют охотники. А здесь местечко влажное, прохладное. Трава великолепная, только им и устраивать гнезда, а гнилушка совсем необязательна.

— Пойдите, разве змей заготавливают?

— Лозунгов на этот счет я не замечал. А зря. Еще недавно змеиный промысел был делом прибыльным. Шкурка у змеи замечательная — красивая и прочная. Но требует особой выделки. Умелый мастер так делает — красота, загляденье и износа не будет.

— Простите за малограмотность. Но куда же такая шкурка идет?

— Как куда! А на обувь дамскую, для верха, конечно, на разные изделия. У меня, например, был жилет змеиной кожи. В Питере одному франту подарил.

Прошло несколько минут. Оба собеседника, занятые собственными мыслями, молчали, пока Тарасов не обратился к Часовникову с новым вопросом.

— Ну ладно. Со змеями разобрались. Но как же с вашими кустами. Очень уж они меня заинтересовали.

— Дались вам, батенька, эти самые кусты. Какой там может быть порядок. Неужели вы не знаете, как в россыпях богатые кочки находят. Работают, работают, россыпь наибеднейшая, и вдруг кочка. Какие же там законы?

— Эге! — обрадовался Тарасов. — Тут вы неправы. Разве во всех россыпях встречаются кочки?

— Всякое бывает. Но как только в почве* россыпи есть какие-то углубления, так в них набивается золотоносная глинка. Вот так, смотрите, — и он принялся рисовать палочкой по земле разрез воображаемой россыпи. — Вот это постель россыпи. Почва коренная, плотик.

* Почва, постель, плотик — так называют плотные горные породы, на которых лежит золотоносный пласт в россыпи — пески.

Выше идут пески, то есть все, что содержит золото, пусть это сплошная галька, щебень, песок, глина — все равно, лишь бы выгодно было мыть. Еще выше — торфа, все то, что не содержит промышленного золота; ну а совсем сверху, где травка растет, так и это торфами называют.

— К чему вы все это изобразили? Термины я знаю. А дальше что?

— Не обижайтесь. Я просто хотел вам показать, что предусмотреть кочки невозможно. Натащит водой металл в ямку — вот и кочка. Нашел — твоя, прозевал — смолчит, сама не покажется.

— При такой постановке вопроса и мне придется заняться рисованием.

— Ну-ну. Не обижусь.

— Представим себе, что постель россыпи сложена разными горными породами. Вот здесь тонкослоистыми плитками сланцев, да еще стоящими навстречу течению. Здесь песчаниками, дальше известняками, а потом опять хоть теми же песчаниками или гранитами.

— Хорошо.

— Что же, по-вашему, во всех частях такой россыпи можно рассчитывать на находку кочек с богатым золотом?

— Зачем же. Совершенно ясно, что хорошие ямки могут быть вот здесь и в известняке. Они если начинают растворяться, то иной раз целые пещеры получаются. На Балканах я не бывал, так что в настоящие карсты не лазил; но вот Кунгуры на Урале из интереса посетил, еще юношей.

— Значит, договорились. Особенно если прибавить, что в сланцах они будут обязательно, а в известняках — в зависимости от плотности породы, ее разрушенности и тому подобного.

— Согласен. Ну и что же?

— Ага. Раз так, то вы признали и наличие некоторых закономерностей. А ведь в россыпях куда больше случайности, чем в рудных месторождениях, конечно, если эти месторождения изучены.

— Хорошо, — ответил Часовников. — С россыпями я, может быть, и не совсем прав. Пример неудачен. Но уж с рудой! Тут я никак не могу согласиться. Конечно, есть и исключения. Кто из горняков не знает, что на многих

свинцовых, медных и даже железных рудниках самые большие залежи соответствуют хорошо растворимым породам, например тем же известнякам. Но это, батенька, не золото.

— Нет. Тут можно серьезно поспорить. Вы правы только в одном, что у нас еще очень многое не изучено. Но вы же в этом и виноваты. Если не вы лично, то такие, как вы. Хозяева не далеко уходили от старателей, лишь бы вырвать что побогаче. Вы науку терпели как неизбежное зло, вроде того как пришлось терпеть рабочие союзы.

— Но мы же и содержали всю науку.

— Ой ли!

— Примеров сколько угодно. На Урале в таких же самых местах при молчаливом согласии хозяина и на его жалованье изволил работать небезызвестный академик Федоров. А от его трудов прибылей было немного.

— Федоров — гордость всей мировой науки, а вы полчаса назад рассказывали, что некогда было даже поинтересоваться результатами собственных разведок. Хотя великолепно знали, что являетесь не только хозяином, но и единственным более или менее образованным человеком — специалистом среди массы кустарей.

— Зачем же так зло? Правда, от наших сотрудников в тресте я не раз слышал, что вы, Михаил Федорович, при любом случае не против поагитировать. Только меня, знаете ли, давно сама жизнь сагитировала. Был богат. Правда, не слишком... Ну а вот теперь вместе с вами честно работаю, паек продовольственный по карточкам получаю.

— Да. Я считаю вас знающим и по-своему довольно честным человеком. Вы проиграли. Поняли, что проиграли. А то, что вы сейчас работаете вместе с нами, это не подвижничество. Нет. Это необходимость. Извините, мне стало очень неприятно, когда я услышал, что работу многих людей, свои собственные планы, наконец, можно променять на карточную игру и не стыдиться этого.

— Я не все рассказал. Может быть, приговор можно будет смягчить.

— Не знаю.

— Понимаете. Санташ как раз дал два куста сразу. Меня это окрылило. Я собрался поехать за границу.

Меня шикарно проводили в Усть-Каменогорске... Ехал с бубенцами, на скаку меняли лошадей... Домчали до Семипалатинска. Как полагалось в таких случаях, устроили прощальный ужин в ресторане. Засел играть в карты. Мне чертовски повезло. Это продолжалось несколько дней. Везло так, что неудобно было прекращать игру. Потом фортуна изменила, и так же чертовски стало не везти. Все это продолжалось почти две недели, а когда я начал немного отыгрываться, даже заказал готовить лошадей, началась ваша революция...

— Вы сказали, что два куста сразу. В одной выработке?

— Нет. Хотя и по одной жиле. Только на разных горизонтах. Один взяли в шахте, другой — в штольне. Так, знаете, почти что один под другим.

— И это вас не удивило?

— Что именно? Ах, что два сразу. Да, конечно, это была исключительная редкость.

— Не то.

— А что же?

— Но ведь кусты были «почти один под другим»!

— Не понимаю вас.

— Мне кажется, что это могло быть если не полной разгадкой, то, во всяком случае, ключом к разгадке. Выходит, что то были не кусты, а столбы или столбы из кустов.

— Едва ли.

— Посмотрите. Вот так.

Тарасов снова принялся рисовать на земле, рассказывая о том, как горячие водные растворы поднимались к поверхности от застывающего где-то на глубине очага магмы; они заполняли трещины, откладывая по мере остывания те или иные минералы. Но вместе с тем внутри очага накапливались резервы, дававшие пищу новым порциям растворов, хотя и другого химического состава. Очаг пульсировал, а одновременно развивались трещины в окружающих горных породах. Уже залеченные, они могли раскрыться вновь, а рядом появлялись новые трещины. Жила, пересекая какой-то участок наиболее податливых к растрескиванию или химически активных горных пород, расплывалась в них. Иногда же она разбивалась какими-то нарушениями более позднего периода. По таким ослабленным участкам

или нарушениям устремлялись новые порции растворов. Они могли опять нести золото и осадить его, образовать кусты.

— Возможно. Ну и что же,— перебил его рассуждения Часовников.

— А то, что если даже теперь найти на планах точное месторождение возможно большего числа кустов да подумать над ними, то жилы начнут слушаться.

— Точных планов у нас никогда не было. Их составляли лишь для горнадзора. Полагалось. Я держал одного маркшейдера на все рудники для отвода глаз да для удобства исчисления налогов. А что касается кустов, так мы скрывали от посторонних и факты находок кустов, и даты, и правильное название жил, на которых они находились.

— Это зачем же?

— А вдруг придется продавать рудник?

— Ну?

— Это, батенька, целая наука. Уметь продать рудник или прииск, когда он вам стал в тягость или когда уж очень понадобились деньги, дело не простое.

— Мне кажется, что и для этой цели хорошие планы могли бы годиться.

— Как раз наоборот. Тут годится только одно — умение разговаривать с покупателем и горным начальством.

— Опять загадки.

— Никаких. Неужели вы никогда не слышали, что во времена открытия хороших участков вокруг них всегда происходила лихорадка столблени. Ставили заявочные столбы, кто раньше. Лишь бы успеть захватить места. А потом начиналась распродажа. Бывало, начнет хозяин разведку потихоньку. Пробы в закрытом помещении моет. Слухи, конечно, ползут. Только разве узнаешь, сам он их распускает да болтунам от себя платит или и правда доброе золото нашлось. Надоест ему возиться, объявит торг, а перед приездом покупателей в шурфы, в стенки, в почву из охотничьего ружья вместо дробы золотом! Начинают мыть — все хорошо, а продаст — и золото кончилось. Мне мудрить было не нужно. Вся округа знала про кусты. А вот в какой шахте они, на какой жиле? Это уж дело мое. Хочешь — поку-

пай, не хочешь — проваливай. Так что планы тут не помогут.

— Кустари! Хищники, да еще, если хотите знать, неумелые хищники. Для себя хотя бы надо было иметь такие планы.

— Жаль, что вы, Михаил Федорович, не работали в те времена с нами. Думаю, что при ваших знаниях и инициативе я не раз побывал бы в Париже, да и вас бы в обиде не оставил, это безусловно.

— Как знать.

— Хотя таким, как вы, тогда было особенно некогда. Либо чистая наука впроголодь, либо всякие подпольные дела, тоже не в сытость. А мы хоть и кустари, и хищники, а свое пожили и прожили... Доживаю я, конечно, не совсем так, как собирался. Но, должен сказать вам откровенно, никогда об этом серьезно не думал. Оно, пожалуй, и лучше. Я от природы всегда был любознательным. Куда бы ни приехал, сразу по музеям и памятным местам. Вот и теперь, все эти годы, кажется мне, будто бы поехал я в далекое путешествие. Наблюдаю. Все ново, многое интересно, хотя и непонятно, и далеко не все мило.

Такая откровенность вызвала улыбку у Тарасова, помогла ему справиться со злостью, которая непрерывно нарастала, и казалось, вот-вот наступит момент, когда трудно удержаться от соблазна ударить, плюнуть в физиономию или в лучшем случае отвернуться от противника, уйти в сторону.

— Но из путешествия в конце концов возвращаются домой.

— Нет, Михаил Федорович, я о возврате не думал и не думаю. Давно понял, что переиграть невозможно. Оба рассмеялись...

Снова потянулась дорога то вниз в ложину, то вверх на небольшой перевал, так и не приблизившая их к полосе высоких горных сооружений, все время стоявших где-то справа от их пути, хотя, как казалось, совсем недалеко.

— Вот за разговорами почти и приехали,— заметил Часовников, когда с очередного пригорка показалась относительно широкая долина с разбросанной по надпойменной террасе деревенькой.— Это и есть Кисовка. Видите следы старых канав на склоне. Это мои разведки.

— Такие канавы, снизу вверх по склону, всегда хорошо сохраняются,— ответил Тарасов.— Вот когда канавы вдоль склона, то в них наползает и накапливается все, что хоть чуточку выше.

— Верно. А вон на берегу рубленый дом. Там пробная фабрика стояла... Потом уже, когда разведки прекратили, бегуны куда-то вывезли, а помещение использовали под мельницу.

— Выходит, вы все здесь знали и помнили.

— Нет, не все. Это не главное. Кроме того, я часто так поступал.

— Почему?

— Сруб готовый, вода подведена. Всегда купят. А зато меньше разговоров о том, что здесь у Часовникова получилось. Кое-кто надеется, что время подойдет и рудник откроется, а другие, каким такой оборот что нож острый, успокоятся. Ушел, мол, Часовников-то. А он, оказывается, как сам знает, так и делает. Хочет — уйдет, хочет — вернется. Столбы-то не сняты. Участок за мной и есть не просит.

— Выходит, что результаты были неплохими, раз прятали.

— Боюсь сказать. Помнится, что поначалу ничего доброго не было. Я же говорил, маскировка была нужна и для того, чтобы перепродать участок.

— Что же, придется проверять.

...В следующие дни, пока бурая лошаденка отъедалась на луговине около маленькой мельницы, двое разведчиков с утра до вечера лазили по канавам, отбивали, толкли и мыли пробы, расчищали наиболее засыпанные места.

В первый же день жители Кисовки узнали в маленьком старичке бывшего золотопромышленника; с удивлением и даже некоторым недоверием наблюдали они, как бывший барин работает вместе с молодым человеком и явно подчиняется ему. Нашлись сочувствующие: «Довели... А какой силы человек был». Но большинство видело другое.

Хочешь не хочешь, но уж раз сам Часовников к Советской власти служить пошел, значит, и взаправду она крепка... Даже такой маленький факт помогал спокойнее, смелее действовать в поселке тем, кто завоевал здесь новую жизнь.

6

Заклученный

Худошавый, высокий, чуть сгорбленный человек встал с дощатого топчана, сделал шаг к узкому окну, пробитому в стене и за-

бранному массивной решеткой.

«Крепко строили!..— думал он.— Это еще до нас. Наверное, в те времена, когда город Пьяногорском называли... Говорят, лучшая казачья застава была на Иртыше, с любой пакостью расправлялась — и с бандитом, и с контрабандистами, а особенно с теми, что против порядка... Пьяногорск — здорово сказано. Выпить бы сейчас, как бывало после хорошей выручки или форта. Пил до того, что забывал все... Пил и компанией, но больше в одиночку. Не любил, чтобы кто-то видел, знал или, еще хуже, делил мое... Немного теперь моего осталось».

По ту сторону окна виднелись тюремный двор, покрытый чахлой травой, и часть крепостной стены.

Стена старая, выложенная из крупного камня причудливой вязью. Кое-где на ней выкрошился цемент и образовались углубления, как бы нарочито устроенные, чтобы в них ставить ногу.

Человек стоял у окна и невольно думал о том, как было бы удобно подняться по этим неровностям, держась руками за переброшенную через стенку веревку.

Но вдоль стены ходит охрана, и веревку кинуть некому. Он злобно отворачивался от окна, шел в глубину помещения. Пять шагов, и плотная дверь с глазком. Это все...

Прошло больше месяца. Первое время был доволен, что перевели в одиночку из общей камеры, где содержалось полтора десятка всяческих спекулянтов, вора — словом, уголовников. Правда, там можно коротать время за картами. Это было вдвойне выгодно: быстрее бежали часы и к тому же он почти всегда выигрывал.

Играли на передачи, которые заключенные получали с воли; Кузьму Макарова, так звали его соседи по камере, интересовала еда. Вещи он брал только для расплаты, на случай проигрыша, что случалось редко.

Досаждало, что в общей камере надо было рассказывать о себе, о допросах! Делать вид, что раскрываешь душу.

Но и одиночество быстро надоело. Появилась потребность видеть людей. Тут некого было обыгрывать и объедать. Здесь он оказался наедине со своими мыслями, ожиданием очередного вызова к следователю. Снова появилось и непрерывно росло чувство страха.

Особенно трудными были дни ожидания суда... Но и это осталось позади.

Завтра приговор войдет в силу. Десять лет — срок не маленький... Доживешь ли? С каждым днем терялась вера в возвращение своей, прежней власти. Становилось понятно: крепко держится новая. Советы. Да ведь, пожалуй, она теперь и не новая уж...

Скоро переведут в общую камеру. Для осужденных. А там угонят куда-либо. Чего доброго, еще работать заставят, иначе жратвы не дадут... Ну это им не удастся. Как-нибудь на харчи он выиграет или каких-нибудь пацанов найдет, и те ему заработают. Недаром же среди подобных ему Макаров считался непревзойденным мастером командовать.

Заключенный долго еще продолжал метаться по камере, присаживался на топчан, закидывал на него ноги, не разуваясь. Пытался заснуть, успокоиться. Но уйти от воспоминаний не мог.

Как в зале суда, когда он ждал приговора, так и теперь в хаотическом беспорядке громоздились в памяти страницы собственной биографии.

Родительский дом... Отец, торговец вином на одном из золотых рудников Прииртышья, держал в своих руках не только горьких пьяниц. Все, у кого не сходились концы с концами, шли к нему за долговой ссудой, шли куда смелее, чем к хозяйскому управляющему. Бумаг не писали, но договор был твердый. Крутого был нрава старик Макаров, опытный торговец. С посетителями, особливо если из начальства, был отменно ласков. Тем же голоском напоминал должникам, что время, дескать, паря, должок-то вернуть... Бывали, конечно, которые не сразу повиновались. Ну тем беда. Сам старик пальцем не тронет. Боже упаси! Но учить строптивых должников любил и имел достаточное число «гавриков», готовых за небольшую мзду разделаться с виноватым.

Да... батюшкина торговля не прогорала. Даже когда на руднике не было заработков, давал и водку, и снедь, и товар в долг. Не волновался, рано или поздно свое брал сторицей.

Жалованье рабочим выдавалось раз в полгода. Часть заработка до окончательного расчета всегда оставалась в кассе хозяина. А тот, раньше чем расплачиваться, посылал за согласием к лавочнику. Так что деваться было некуда.

В памяти всплывали дни, когда отец стал и его приучать к делу, к услужливости перед начальством и обману. Поначалу носил подарки то управляющему, то околоточному, бегал с посылками и к старшим из горнадзора. Лет с восьми начал получать деньги от покупателей.

Рано научился Кузьма Макаров делить людей на тех, «которые стерпят», и на тех, «которым подавать надо с умением».

Отец особенно был доволен тем, что мальчишка знал наперечет всех должников и его приемы вымогательства часто действовали сильнее, чем любые угрозы. Потому сквозь пальцы смотрел он на то, что сын начал вводить свои проценты за задержку выплаты долга и доплату забирал себе. Но когда вслед за этим Кузьма также рано приложился к штофу, да еще заделался гармонистом в развеселых компаниях, Макаров отдал сына в обучение горному делу.

С ранних лет Кузьма лазил по шахтам, сначала из мальчишеского интереса, потом за должниками. При-

смастеривался, учился мыть золото и даже прятать его. Видел, что как на поверхности, так и внизу одни работают, а другие командуют. Боязнь оказаться в подчиненных заставила учиться со всей старательностью. Кроме того, он всегда помнил, как отец угрожал лишить его всех видов наследства, если только узнает, что обучение не идет толком.

Шустрый, понятливый и исполнительный малец быстро приглянулся начальству. Его определили в разведку, куда посылали только опытных мастеров из числа самых преданных хозяину рабочих.

Школа оказалась тяжелой. В то же время она понравилась юноше — тайга, горы, реки, леса, охота, опасности, прелести и трудности бивачной жизни. Именно здесь он научился одинаково хорошо орудовать топором, лопатой, ружьем и веслом, ставить шалаш или палатку, разжигать костер под проливным дождем, полюбил неделями бродить по тайге в одиночку.

Однако, где бы ни был Кузьма, он всюду оставался достойным сыном лавочника Макарова — вымогателя, взяточника, ростовщика-обиралы, умеющего урвать себе кусок послаще и угол потеплее.

После зимы, проведенной на курсах, куда его послали за хозяйский счет, Кузьма Макаров получил официальное удостоверение «на право самостоятельного ведения горных работ», первый горный унтер-офицерский чин, и стал одним из помощников своего благодетеля золотопромышленника В. И. Часовникова. Не раз первым являлся на новые участки, выбирал места, ставил станы, то есть закладывал первые бараки для рабочих, начинал проходку шахт — словом, разведывал и добывал золото. В награду хозяева сумели откупить его от воинской службы в армии, спасти от фронта.

Незадолго до смерти отец заставил Кузьму жениться: «Пить меньше будешь!» Молодой Макаров обзавелся хозяйством, купил дом в Усть-Каменогорске, замыслил, что вот-вот откроет свой прииск, а тут как снег на голову революция, сорвавшая все его планы.

Первое время Макаров ходил как потерянный. То хватался за бутылку, точно пытаясь в пьяном бесчувствии потопить свою злобу; то, едва просыпаясь от запоя, с жадностью прислушивался к каждому слуху о непрочности или о неудачах Советской власти.

В очередную полупьяную ночь, заполненную поисками подходящей компании для обмена каких-то носильных вещей на водку, повстречал рыжего человека, служившего управляющим у английской концессии на одном из рудников. С радостью откликнулся на его предложение, пошел в помощники.

В дни гражданской войны концессионеры и их слуги еще надеялись сохранить богатейшие месторождения в своих руках. Когда же стало ясно, что расчет не удастся, началось расхищение рудников; варварски уничтожались механизмы и выработки, вода заполняла шахты. Макаров верно служил Рыжему и в этих делах. Он не менее злобно, чем победу революции, встретил сообщение о том, что Советская власть сама будет восстанавливать рудники, как это начали делать на Риддере, и что концессионерам на Алтае больше не бывать.

Можно было уйти за рубеж с остатками белых банд, но это показалось страшно.

Рыжий исчез. Макарову оставалось только одно — пить. Благо нет-нет да встречались такие, что угощали.

Когда-то у него был дом и семья, но он давно не интересовался ими.

Хозяйство вела жена. Когда она умерла, то ли от болезни, то ли от увесистых кулаков Кузьмы, договорился с соседями, что отведут детей в приют, а дом со всем содержимым пропил...

Время от времени он встречал кого-либо из старых знакомых — промышленников, полицейских, служащих концессии... Он готов был сделать для них все! Тем более они неплохо платили.

...Тогда начинались горячие дни и ночи... В результате переставали работать насосы в действующих шахтах и оказывались затопленными лучшие участки... Умело подложенная шашка динамита — и часть шахты, обрушенная обвалом, оказывалась надолго выбывшей из строя. Приказывали поступить на работу, чтобы втереться в доверие и получить доступ к документам или планам, он и это беспрекословно выполнял... Когда уходили концессионеры, Макаров не одну неделю просидел над тем, чтобы внести путаницу в планы горных работ. Пожалуй, теперь и сам не смог бы разобраться...

Приказали мешать разведкам. Это его особенно уstraивало. Еще бы! Идя вслед за разведчиками, всегда

можно первым воспользоваться удачными результатами — помыть или просто украсть готовое золото, а в случае провала прикинуться старателем, бродящим по тайге в поисках форта. Но опасность увеличивалась. Все чаще чувствовал, как затягивается петелька, как сужается территория, по которой можно ходить, не боясь, что схватят.

Была у Макарова заветная мечта. Разбирая старые архивы, еще во времена концессии, однажды наткнулся он на сведения об удачных разведках, проведенных чуть ли не сто лет назад. Богатая золотая россыпь была обнаружена на земле, принадлежавшей какому-то казачьему сотнику, имевшему особые льготы за заслуги, как «Медали императорской кавалер». Хозяин категорически запретил разработку на своей земле, и россыпь лежала нетронутой. Судя по всему, о ней забыли.

Макаров старательно выписал все данные, вырвал из архивной папки наиболее важные листы, рассказывающие об этой разведке. Уничтожить отчет полностью побоялся. Старикашка архивариус следил за каждым посетителем и легко мог бы обнаружить пропажу.

Казалось, все идет хорошо. Он уже подсчитывал, сколько сумеет намыть за лето, представлял себе, каким должно быть золото, лежащее под наносами забытой реки... Соображал, где перебежать государственную границу. Обдумывал способы сохранить добычу, чтобы ее хватило на время, пока сумеет получить место какого-нибудь горного надсмотрщика в любой части земного шара. Представлял себе даже, как это все произойдет... Рассказывал же Рыжий, что за кордоном неплохо устроились некоторые опытные люди из России.

Потом Риддер. В геологоразведочной конторе рудника случайно узнал самое худшее. Разведчики собирались отправиться как раз туда, куда многие месяцы готовился двинуться он сам. Решил уничтожить готовые материалы и поджечь контору, да помешала старуха уборщица.

Надо было остановить или хотя бы задержать выезд геологической партии. Он долго искал пути для достижения этой цели. Наконец решил убить начальника партии геолога Тарасова. Подкараулил его ночью на одной из темных улочек Риддера. Наносил удар за ударом, и

только голоса приближавшейся шумной компании заставили бросить жертву, не добив ее до конца...

В вырванной у Тарасова папке оказались все основные документы разведки, интересовавшей Макарова. Рыжий, к которому он прибежал прямо с места происшествия, сумел за несколько минут сфотографировать бумаги и планы, а папку приказал отнести обратно и бросить где-нибудь там под забором, в лужу или в су-роб...

Дальше была тайга. Он не мог, да и не хотел вспоминать все подробности того, как пробирался к заветной речке, но кое-что не могло забыться... Сначала решил идти один. Оставил собаку у Рыжего, благо тот сам собирался устроиться на работу где-то подальше от города бакенщиком на Иртыше или сторожем на лесосеке. Но пес Жук сорвался с привязи и догнал... Шел дальше вдвоем с собакой... Ограбил и пытался убить пьяного лесника... Очистил избушку пастухов-оленов-дов... Следил за каждым шагом разведчиков, засыпал выработки, путал пробы, спугивал мальчишек-практикантов. Понемногу мыл золото, отыскивая богатые участки...

Так продолжалось почти полгода, пока его не свалило воспаление легких... Пришлось вылезать из своего таежного убежища и идти на поклон за помощью к тем же разведчикам.

Прикинулся заблудившимся. Выходили, вылечили, даже собрались отправить в город. Какое-то животное чутье подсказало Макарову, что ему не очень-то верят. Пожалуй, подозрительнее других относился к нему радист. Но, к счастью, испортился передатчик, и он ничего не мог проверить... Макаров не выдержал и бежал.

А когда явился к Рыжему и выложил ему все, что произошло, тот рассказал, что к этому моменту под подозрение попал и их общий хозяин — бывший золотопромышленник, работающий проспектором в тресте «Алтай-золото». Рыжий посчитал за лучшее, не мешкая, уходить, решив, что Макаров, таежный волк, будет отличным попутчиком. А кроме того, раз он соглашается уходить за кордон, значит, у него есть золотишко, которое не худо бы прибрать к своим рукам.

Переходили границу с помощью местных контрабандистов-охотников. Затея сорвалась. Пограничники обна-

ружили нарушителей. Завязался бой, Рыжего ранили, а ему, Макарову, пришлось поднять руки... На допросах молчал или врал, прикидывался то охотником, то вольным старателем, называл себя вымышленной фамилией, пока не встретился с этим проклятым радистом.

Невольно вспомнил Кузьма, как неожиданность разоблачения едва не заставила его рассказать начистоту все и честно признаться, что борьба со столь ненавистной ему Советской властью порой самому начинает казаться бессмысленной.

Из вопросов следователя вовремя понял, что тому известно далеко не все... а Рыжий, может, сбежал, может, помер от ран либо, скорее всего, крепко-накрепко молчит... Конечно, чекисты, видимо, знали или угадывали почти весь его путь от Риддера до разведки и дальше, до государственной границы,— грабежи, покушения на убийства... Но ведь это были только попытки, и ему удалось представить свое дело как погоню за наживой, за золотом. Правда, в обвинительном заключении и приговоре вскользь говорилось, что он, Макаров, «является орудием в руках других людей». Но каких?.. «Это уж дело мое»,— усмеялся про себя Кузьма.

Бывало и раньше, что после пьяного угара, проснувшись с жестокой головной болью, он вдруг задумывался над своей поганой тревожной жизнью. Порой даже приходили мысли о возможности изменить эту жизнь, прекратить зловую борьбу с властью. Борьба эта в такие минуты казалась ему похожей на надоедливое жужжание мухи. Противно, но ничего не меняет.

Только подобные приступы философствования быстро проходили. На этот раз он впервые попал в условия полного одиночества. Днем и ночью любуйся на себя, как в зеркало... Лучше сказать—как в воду, в омут. Хочешь—поверху взглядывай, хочешь—в глубину ныряй... Теперь Макаров все дольше лежал с открытыми глазами или начинал метаться по камере, перебирая прожитое.

Время от времени приходила мысль, что пора смириться перед непреодолимой силой нового строя, попытаться пойти в услужение к Советской власти... Знает же он горное дело, знает, как не хватает опытных мастеров на шахтах и приисках. Глядишь, и заработает себе

спокойную уважительную старость. Но это были только минуты, которые сменялись приступами злобы.

Возвращаясь к действительности, Макаров приходил к выводу, что в ходе следствия и на суде он одержал две победы: выиграл собственную жизнь (ведь требовал же прокурор «высшей меры») и спас хозяев, которые теперь обязаны платить ему, хотя бы в благодарность за молчание... Казалось, Рыжего должны были судить вместе с ним, но этого не произошло. Видно, и вправду тот спасся!.. А Рыжий был не только начальником, но и главным связным с теми сильными людьми, что исправно пересылали издавека деньги, и порой немалые... Должны и теперь выручить!

Он еще не решил, в чем именно нужна будет поддержка... Пусть хотя бы помогут отомстить. Да, да, отомстить Советской власти, людям, отнявшим у него беззаботную, разгульную жизнь, лишившим надежды завести свое собственное прибыльное дело...

После приговора его перевели в исправительно-трудовую колонию, он попал в общую камеру, и сразу прекратились внутренние переживания: на них не оставалось времени.

Шли месяцы. В колонии, как об этом сообщалось в очередной характеристике, «Макаров отличался скромным поведением. Среди других заключенных пользуется авторитетом; используется бригадиром на хозяйственных работах, которые хорошо знает».

Люди, жившие с ним в одном бараке, знали и другого Макарова. Он раскрывался, когда вблизи не оставалось посторонних. В такие часы собратья Макарова забивались в дальний угол, между топчанами, возле плотно завешенного окна. Сидели на полу, чтобы в случае появления начальства можно было бы незаметно проползти под нарами к своим местам.

Загоралась коптилка. Появлялись карты. Макаров нечасто садился в круг, но если уж оказывался в нем, то неизменно выигрывал. Начиная осторожно, как бы прощупывая противника. Если игроки оказывались сильнее его, то, проиграв какой-нибудь пустяк — пайку хлеба, рукавицы или еще что-нибудь в том же духе, расплачивался и уходил. Если же он видел слабых или равных себе, дело затягивалось.

В колонии не было или почти не было денег. Игра

чаще всего шла на обязательство выполнить за кого-нибудь норму по работе; была еще ставка «на рабство», когда проигравший обязан выполнять любые поручения выигравшего в течение дня, недели, месяца или «навечно». В конце концов в бараке осталось немного людей, в той или иной степени не являющихся должниками Макарова.

К этому можно добавить, что он умел забирать в свои руки и не только тех, кто проигрывался в карты. Самыми разнообразными способами, не исключая и грубого шантажа, он подчинял всех, кто казался ему заслуживающим внимания.

Но эта сторона характеристики Макарова оставалась скрытой от администрации колонии, и, когда понадобилось набрать группу для посылки на лесозаготовки в отдаленный участок горной тайги, кандидатура Макарова была названа одной из первых. Мало того, именно его утвердили бригадиром, возложив ответственность за учет труда, расход продовольствия и инструмента.

День за днем надежный бригадир обходил участок заготовок, расположенный большим треугольником — вершина его упиралась в излучину реки, а основание тянулось вдоль невысокого хребта.

Весь участок хорошо был виден с перевала. На самом берегу реки стоял маленький рубленый домик, в котором жили охрана и десятник лесозаготовок; чуть поодаль на полянке длинный приземистый барак для бригады. Рядом дымились костры под котлами для варки пищи. Узкая тропка тянулась откуда-то снизу, подходила к рубленому домику и заканчивалась у барака. Другая тропа, ведущая к лесосеке, сверху казалась идущей к берегу, к водою, она упиралась в лежащие поперек речки бревна и там обрывалась.

На пойменной террасе, от самого уреза воды, стоял смешанный лес: высокие осины и кривые плакучие березы перемежались со стройными раскидистыми елями. По низу между деревьями шел сплошной кустарник, а на полянках пестрели цветы. Пятна или полосы то нежно-голубого, то фиолетового, то розового или малинового цветов указывали и на характер растительного покрова, и на его состав. Кустарник, ягодник, к моменту прихода лесозаготовителей был изрядно помят медведем. Теперь при людях зверь не появлялся.

В нескольких десятках метров от реки смешанный лес сменялся хвойным. Плотной стеной стояли ели. Среди них изредка проглядывали сосны, а у самого перевала — широкие кедры. Здесь был основной участок лесозаготовок.

Выше по склону картина постепенно менялась. Деревья становились мельче, меньше было кустарника, травянистый покров сменялся моховым ковром.

Обрубка ветвей и разделка сваленного дерева на бревна производилась тут же, так как узкая горная река не давала сплавлиять лес большой длины. Отрезали тонкую вершину и на нее набрасывали ветви, чтобы потом удобнее было спустить их на такой волокуше к свалке хвороста, к берегу.

В первое время раскряжевку, то есть разделку дерева на бревна, вели внизу, около реки. Хлысты — целые, опиленные с концов и очищенные от ветвей стволы — вывозили на конных волокушах. Потом кто-то предложил облегчить спуск леса, уложив во всю длину склона два ряда ошкуренных бревен, как бы два рельса. Нужно только поровнее положить на «рельсы» хлыст, и он начнет скользить вниз, приобретая все большую скорость, пока не закатится на общий штабель внизу. Но так отпускать хлысты опасно. В любую секунду может зацепиться за какое-то препятствие; перетянет более тяжелый конец — комель, бревно развернется, пойдет вниз, сметая все на своем пути. Делали иначе. Все работавшие на участке люди вооружались большими палками, попарно становились по обе стороны ската и спускали очередной хлыст, придерживая его посохами.

Макаров поднимался к перевалу и часами сидел на каком-нибудь пенке. Со стороны казалось, что бригадир следит за повалом леса и подготовкой его к спуску. Но Макаров в эти часы жадно всматривался в даль. Перед ним были горы, то залесенные, то голые, покрытые хаосом камней; то островерхие скалы, то нежные цвета альпийских лугов... Река... Она особенно хороша в утренние и предвечерние часы, когда косые лучи солнца, скользя по воде, придавали ей сказочную серебристую окраску... Там была жизнь...

На берегу уже накопилось множество бревен и дров. Приближалось время сплава, а потом и возвращение в ненавистную колонию... Правда, можно уйти отсюда.

Сделать это было бы относительно просто и не такому опытному таяжнику, каким был он. Но куда? Как отнесутся к его появлению «хозяева». Знают ли они, что он никого не выдал, или, напротив, какой-нибудь очередной провал отнесли на его счет. В последнем случае, думал Макаров, его ждала неминуемая, жестокая, беспощадная расправа. Приходится ждать весточки... Конечно, расправа могла произойти и здесь. О таких случаях он знал, но это было маловероятно. Слишком уж крепко он держал в руках всю бригаду. А вот в колонии, куда время от времени присылают новеньких, дело другое...

Все же исподволь Макаров накопил запас сухарей, сахара, табаку на неделю-полторы. В складки широких штанов надежно запрятал отличный охотничий нож. Конечно, этого недостаточно для одинокого путника в горах и в лесу, но в случае ухода можно добыть оружие посерьезнее. В мешок бригадир сунул запасные ичиги, подшитые двойным слоem выделанной конской шкуры. Все это, или почти все, было выиграно в карты.

Исчезновение бригадира заметят в первые же сутки. А достаточно ли нескольких часов, чтобы оторваться от возможной погони? Сомнительно... Да и долгожданной весточки все нет.

Что же делать?.. Прикинуться человеком, окончательно подчинившимся Советской власти? Надеяться на досрочное освобождение? Сказал же начальник колонии, что ходатайствует о значительном сокращении его десятилетнего срока заключения за добросовестную работу...

Макаров не мог найти ответа... Безразличие к опасностям боролось со страхом, стремление мстить — с сознанием бессмысленности риска; тяготило и одиночество. Всю жизнь считавшийся только с собой, со своими личными желаниями, он все более остро чувствовал зависимость от событий и людей.

7

По заявкам

После отлично проведенного обследования старых разведок близ Кисовки Тарасову поручили руководство всеми контрольными разведками заброшенных рудников для решения вопроса об их восстановлении или окончательной консервации. Большую часть времени он проводил в поездках. Его можно было встретить в самых различных районах Прииртышья, с самыми различными людьми.

Поездки совершались по большей части на ходке или верхом, зимой на розвальнях по льду застывших рек; потом удалось достать старенький газик — полуторку, и Тарасов, сидя за рулем по очереди с шофером, прокладывал новые и новые маршруты по самым, казалось бы, неезженным местам.

...Телеграмма с рудника Манко (недалеко от озера Зайсан) принесла сообщение, что после оползня на одном из склонов в долине обнажились старые, ранее неизвестные горные выработки и серия рудных жил, не отмеченных на планах. Предстояла поездка для обследования — осмотра и опробования подарка, приподнесенного самой природой.

Тарасов знал глубокое ущелье, на дне которого располагался маленький рудничный поселок Манко. Откуда бы ни подъехать к нему — снизу по речке или сверху через перевал, картина была одинаково неприглядной.

Долина ничем не отличалась от бесконечного числа ей подобных. Неширокая пойма, покрытая смешанным лесом, с извивающимся по ней потоком; пологие увалистые склоны, заселенные пихтой и лиственницей; водоразделы с огромными многовековыми кедрами. По мере приближения к верховьям склоны становились круче, то и дело начинали попадаться рыжие или серые полосы каменистых осыпей, полностью лишенные растительности; здесь деревья были мельче, кедры исчезали. Все громче становился голос потока, журчащего по камням; там, где сохранился травянистый покров, проглядывали обычные алтайские фиалки, незабудки, горечавка, а между пнями деревьев и кустарниками — пионы. Цветы окрашивали луговины и полянки то в голубой, то в фиолетовый, то в малиново-красный цвет. За крутым поворотом долины картина резко менялась. Сказывалась близость жилья — только редкие пеньки напоминали о былом лесном богатстве, но быстро исчезали и они. То голые, то скалистые, то одетые сплошным покровом каменистых или щебнистых осыпей склоны круто поднимались к небу и закрывали его настолько, что обычное понятие «горизонт» становилось бессмыслицей. Голубая или разукрашенная пятнами облаков бирюзовая полоса казалась крышей от сказочного каменного корыта, выход из которого закрывал поворот долины.

На склонах лепилось несколько домов. Разбросанные на высоких каменистых террасах, дома по окраске почти сливались с ними. Общий рыжевато-серый фон нарушало несколько труб, сложенных светлым кирпичом. Самая высокая принадлежала обогатительной фабрике, наполнявшей долину непрерывным зловещим скрежетом. Ночью, когда исчезали тени, дома и трубы становились совсем незаметными.

В нескольких местах на склонах зияли черные отверстия входов в штольни — горизонтальные выработки, уходящие в гору. Руда или пустая горная порода, погруженная в вагонетки, тележки, тачки, любым способом доставленная из глубины горы к устью штольни, может быть сброшена на склон либо перегружена для дальнейшей транспортировки. Выгодность такой организации разработок настолько очевидна, что всегда, когда позволяют рельеф и условия залегания полез-

ного ископаемого, стараются прибегать именно к штольням.

Около каждой штольни виднелась площадка, образованная постепенно накапливавшейся породой. Под такой площадкой склон становился еще круче и еще не приветливее.

Несколько иначе все это выглядело сверху, с перевала.

К концу длинного тяжелого подъема усталый путник почти не замечает окружающего. Движения становятся автоматическими, и часто остается только одно желание — поскорее добраться до места отдыха. Если человек изо дня в день ходит по этому маршруту, он старается так соразмерить силы, чтобы, войдя на перевал, можно было бы без длительного отдыха приступить к спуску. Ему не до красот окружающей природы. Только опытный изыскатель или охотник, да и то по привычке, увидит, как изменяются окраска и размеры камней, покрывающих склоны, исчезает или появляется растительность; заметит пятна травы над выходами родников или чуть заметные тропки, проложенные где людьми, а где и дикими животными.

Но вот перевал взят. Глубоко вздохнув, путник останавливается. Он долго смотрит туда, где лазурный небосвод смыкается с землей. Как бы человек ни был привычен к дивным картинам горного пейзажа, он не сможет отказать себе в удовольствии еще раз полюбоваться зелеными пятнами леса, серебряными змейками рек, расплывчатыми очертаниями гор на горизонте, такими четкими и строгими вблизи. Только насытившись картиной бесконечной дали, человек подойдет поближе к краю склона.

Устья выработок на противоположном склоне долины можно было видеть во всех деталях: и грубые косяки окладов, и защита из бревен, выложенная над входами в штольни, и площадки перед ними со всем их несложным хозяйством.

Если насыпать несколько кучек разного материала — муки, песка, галечки, крупных камней, они обязательно будут иметь различную крутизну склонов. Сколько бы вы ни старались, вам никогда не удастся сложить вертикальную стенку из сухого песка. Большая или маленькая кучка одинакового песка, насыпанная из одной

точки, будет иметь один и тот же угол откоса склона. Если же кучка сложена различным материалом, угол склона будет неравномерным. Здесь наблюдался именно такой случай. Скальные обрывы перемежались с каменистыми осыпями, то крупнообломочными, то щебнистыми; но всюду склоны были предельно круты.

Зимой на перевале накапливалось много снега, постепенно появлялся козырек, нависающий над долиной, и наконец наступал момент, когда в свист вьюги вплетался особый, ни с чем не сравнимый шорох. Он нарастал с огромной быстротой, заполнял ужасом сердце всего живого, находящегося в долине. Слежавшийся плотный снег, далеко не такой пушистый и легкий, каким мы привыкли его смахивать с одежды, громадным комом устремлялся вниз. Набирая скорость, захватывая все, что попадалось на пути, ком этот с каждой секундой становился все тяжелее и стремительнее. Свистящая масса мчалась вниз со скоростью современного экспресса. В лучшем случае лавина с размаху ударялась в противоположный склон и заполняла какой-то участок долины. Над местом завершения ее пути вставало снежное облако. Оно медленно опускалось, и только мельчайшие искрящиеся снежинки еще долго носились в воздухе.

Но случалось и иначе. На пути лавины оказывались строения, склады, запасы дров, леса, руды, без которых немислима нормальная жизнь горного поселка; наконец, на ее пути мог оказаться зазевавшийся путник, да еще с тяжелым возом.

Не один раз снежные лавины причиняли руднику Манко серьезные неприятности. Приходилось подолгу откапывать засыпанные жилища, спасать попавших в беду людей.

Летом, особенно после дождей, не меньшую опасность представляли оползни.

Вода по капелькам просачивается между камнями. Набухают, тяжелеют осыпи и быстрее сползают по склонам. Кроме того, вода постепенно разрушает многие минералы. Твердый полевой шпат с течением времени разламывается, растворяется, вступает в химические реакции с окружающими камнями или почвами, превращается в глину. Идут годы, столетия сменяют друг друга, и где-то на некоторой глубине от поверхности постепенно образуется слой, наполненный глинистыми

частицами. Глина не пропускает воды, хотя некоторые сорта глины могут довольно много поглотить ее. Теперь вода, проникающая сверху в промежутки между камнями или щебнем, будет стекать по поверхности глинистого водоупорного слоя.

Но кто не знает, какой скользкой становится смоченная глина. К тому же некоторые глинистые минералы, впитывая в себя воду, сильно изменяются в объеме (вспомните, сколько трещин покрывает поверхность глинистого такыра или просто глинистой почвы после того, как ее высушит солнце!). Таким влагоемким минералам уже не хватает их обычного места, а расширяясь, они сдвигают лежащие сверху камни.

Вода продолжает поступать, смазывать глинку, вымывает, подкапывает песчинки, оказавшиеся на ее пути, и вот все большее количество спокойно лежавших на склоне обломков начинает скользить вниз.

Если склон пологий, произойдет больший или меньший оползень, а если крутой... Как лавина, оползень наберет скорость, разгонится, нередко опрокинется всей своей массой, как только встретит хотя бы малейшее препятствие... Это обвал, по своим последствиям куда более страшный, чем любая лавина.

Именно такое событие произошло в долине Манко. Причем, сталкивая со склона накопившиеся на нем осыпи, оползень открыл людям древние горные выработки, вероятно когда-то очень давно уничтоженные или, вернее, скрытые подобной же катастрофой.

В доисторические времена на Алтае, да и в других районах Сибири, жили племена, занимавшиеся горным промыслом. Немало следов осталось от древних выработок, сделанных пришлыми «рудознателями».

Каждая хорошо сохранившаяся древняя выработка представляет большой археологический и геологический интерес. Она может содержать следы древней культуры, показывать, какие полезные ископаемые умели использовать люди; иногда помогает открыть забытые или затерянные месторождения.

В тресте имелись только самые краткие сведения об обнаруженных выработках. Но даже они заинтересовали Тарасова.

Удалось выяснить, что стенки выработок не везде ровные и местами как бы обожженные. Правда, никаких

сообщений об инструменте или останках трудившихся там когда-то рудокопов, если не считать фразы о находке кожаного выворотного мешка, примерзшего к почве выработки, не было. Но уже и эти данные позволяли приблизительно восстановить время разработок.

Как считают археологи на основании изучения находок каменных и медных орудий из районов Горного и Рудного Алтая, здесь приблизительно за тысячу лет до нашей эры велись разработки меди и золота. Рудокопы приходили на найденное ими месторождение целым родом. В распоряжении их еще не было железных орудий. В выработках разжигались костры, потом раскаленный камень поливали водой, а когда он с шумом растрескивался, осколки разбивали, пользуясь каменными или медными молотками и кельтами — деревянными клиньями; куски, казавшиеся самыми богатыми, выносили в выворотных мешках или тащили на санках к выходу, где дробили, промывали, либо прямо забрасывали в примитивную печь для плавки.

Тарасову нечасто удавалось вырваться в эти места, и, чтобы зря не терять времени в пути, он выбрал маршрут, позволявший по дороге осмотреть некоторые другие участки, ожидавшие очереди.

Видавший виды газик, поскрипывая на каждой неровности дороги, прогромыхал мимо складов Усть-Каменогорской пристани и спустился к Иртышу около самого въезда на паром.

Вода была небольшая, кроме того, и днем и ночью сновали по Иртышу то баржи, то пароходы, то плоты. Поэтому паромщики предпочитали работать только при дневном свете. Они устраивали ночлег на той стороне, где их заставляла ночь, и надо было обладать особым красноречием, чтобы заставить паром отчалить в неположное время. Обычно к утру у причалов живописным табором располагалась очередь ожидающих переезда.

Машина въехала на паром; с обеих сторон под колеса подложили бревна и прибили их к настилу скобами.

— Не ровен час, качнет... скатится, чай, не лошадь.

Вокруг машины плотно встали разнообразные повозки — брички, ходки. Лошадей привязали к перилам, задвинули слег, закрывающие въезд на паром, и приготовились к отплытию. Но именно в этот момент пронизывающий холод ворвался в тихое солнечное утро.

Откуда-то появился незаметный раньше ветерок, а вместе с ним туман, настолько плотный, что казалось, протяни руки вперед — и сможешь схватить комки ваты, раздвинуть их и в воздухе останется открытое к свету окно.

— Ишь ведь когда выкатился,— громко выразил недовольство паромщик.

Действительно. Видимо, туман накапливался где-то выше, за поворотом Иртыша, между скалистыми берегами, упирался в них, как в стену. Потом облако соскользнуло с опоры и вырвалось на свободу. К тому времени участок ниже ущелья еще не успел согреться, хотя уже появился дополнительный восходящий поток воздуха и ускорил движение холодной массы тумана.

— Давай! Плыви, неужто до обеда ждать будем,— выкрикнул кто-то из возчиков.

— А ежели чего, ты в ответе будешь?

— В тумане нечто кто без гудка едет. Услышим, так и мы заревем всей артелью.

— Ну ладно. Только, может, кто сирену покрутит,— заключил паромщик.

Сиреной оказалась большая самодельная трещотка с длинной ручкой, обладавшая противным пронзительным звуком. Если бы не трещотка да не скрип паромного настила, то без особого труда можно было бы вообразить себя где-то в море. Тонкая нитка каната чуть поднималась от воды и исчезала то ли в воде, то ли в тумане. Был момент, когда оказалось невозможным определить, двигается ли паром или стоит на месте; а если движется, то куда — к противоположному берегу или обратно.

Размышления такого рода нарушил легкий толчок и окрик: «Чалься! Приехали!»

Обгоняя везы, машина двинулась по проселку к старому Зайсанскому тракту, протянувшемуся вдоль левого берега Иртыша; и стоило подняться на террасу, на несколько метров над водой, как туман остался внизу.

Прошло около двух часов с момента переправы. Жаркий летний день вступал в свои права. Уже успел посидеть за рулем Тарасов, уступив шоферское место только при приближении к какой-то деревеньке.

На выезде из деревни группа людей подняла руки, а когда машина остановилась, один из «голосующих» обратился к шоферу:

— Подвези, мил человек! Дальние мы, а тут парходы по земле не ходят!

— Товарищ начальник,— вдруг переходя на сугубо официальный тон, обратился шофер,— разрешите людей подвезти. Тут и правда с транспортом негусто.

— Смотрите, дело ваше,— в тон ему ответил Тарасов,— только за билеты вперед,— закончил он шуткой.

Шофер выскочил из кабины, помог погрузиться путчикам, а когда вернулся на свое место и машина снова затарахтела по дороге, сказал:

— Нормально. Работяги строители. Да их сразу видно, что не спекулянты. Раньше срока дело закончили, а за ними ничего не прислали, так пешком подались.

— Далеко?

— В Самарку.

— Это же добрых двести километров!

— За неделю дотопали бы. Где пешком, где на попутных.

Около какой-то речушки остановились, чтобы подлить воды в радиатор. Пассажиры вылезли из кузова, и, разговорившись, Тарасов понял, что в их числе отец того самого Ванюшки, с которым он познакомился у скверика Семипалатинского вокзала. Но расспросить о том, как встретились и устроились семьи, не успел, да и не было желания рассказывать о себе.

Вечер застал путников в небольшом постоялом дворе. Большая, выметенная изба была пуста. Хозяева были рады редким в этих местах посетителям и обратились с традиционным вопросом:

— Может, вечеровать будете? Мы нынче бычка зарезали, мясо хорошее, с картошкой тушеное.

Шофер смолчал; строители переминались с ноги на ногу, видимо не решаясь разориться на такой ужин. Нашелся геолог.

— Давайте готовьте что есть на всю нашу компанию. Как-нибудь рассчитаемся.

Пассажирам осталось только согласиться. Разделись. Умылись, сели за стол, а когда разговорились, один из них осмелился:

— Вас не Михаил ли Федоровичем звать-то?

— А что? — откликнулся Тарасов.

— Батюшки! Как же я сразу не признал. Робята, так ведь это он. Ей-богу!

И, убедившись в своей правоте, уже скомандовал хозяйке:

— Все на стол мечи, что есть. Угощаю! Встреча-то какая, батюшки. А ты, хозяин, давай куды хочешь за четвертной, одним словом, чтобы мигом.

— Зачем это вы,— попытался успокоить разгорячившегося попутчика Тарасов.

— Не обижайте, сами знаете, да я с вами за жену да за ребятишек до гроба не рассчитаюсь.

Беседа затянулась надолго.

На следующий день машина въехала в Самарку. Здесь пришлось задержаться, побывать в гостях у новых знакомых. Уезжали с полной корзиной пирогов и другой снеди.

Отсюда их маршрут сворачивал с тракта и шел невысокими холмами снова к долине Иртыша.

Чахлая растительность — мелкие кустики да выгоревшая на солнце трава — делала пейзаж особенно суровым и безжизненным. Но последнее впечатление было поверхностным. Стоило приглядеться повнимательнее, и высохшая полустепь оживала. Дорогу пересекали следы то горного козла, то зайца, то волка. Вот суслик встал на своем холмике на задние лапки и внимательно проводил машину взглядом. Тонконогий киик неожиданно поднялся из кустарниковых зарослей и помчался в сторону. Потом встретился степной орел, сидевший в отдалении от дороги на груде камней. Медленно, как бы подчеркивая свое превосходство, он два или три раза взмахнул крыльями и резко взмыл в воздух, делая круг за кругом, будто раздумывая, стоит или не стоит нападать на непрошенных гостей.

Пологий склон одного из холмов, близких к дороге, особенно заинтересовал путников. Остановились, чтобы осмотреть россыпи камней, как вдруг между пучками травы замелькали несколько фигурок, напоминающих крупных индеек. Переваливаясь с ноги на ногу неуклюже, но очень быстро, они бежали, непрерывно петляя из стороны в сторону.

— Дрофы!

— Вот это обед!

— Тут, брат, и обед, и ужин. И жаркое, и котлеты, да как взять.

— Я поближе подъеду, а вы, Михаил Федорович, попробуйте прямо с крыла.

— Смотрите, да они с цыплятами.

Несколько больших птиц бежали, останавливались и снова принимались бежать, как бы приглашая за собой других, поменьше ростом.

— Ничего себе, цыплята. Килограмма по три весом!

— А, была не была! Попробую! — Тарасов, осторожно приоткрыв дверцу кабины, выскользнул на приступку и лег на крыло. Но, как ни старался шофер, ехать пришлось по целине, по кочкам, мелкому кустарнику.

Два или три выстрела прошли мимо цели. Тарасов не вытерпел и соскочил с крыла. Дрофы были совсем близко. Остановился, а в тот самый момент, когда собирался вскинуть ружье для выстрела, поскользнулся. Нескольких секунд оказалось достаточно, чтобы дичь скрылась.

Огорченный неудачной охотой Тарасов собирался вернуться к машине, но вдруг заметил одного из дрофят, прятавшегося за кустом. Видимо, вся стайка разбежалась в стороны поодиночке.

Вдвоем с шофером они бросились ловить желанную добычу и, пробежав не менее получаса, взяли дрофенка живым. Решили везти домой, в Усть-Каменогорск, чтобы показать детишкам. Но уже на следующий день убедились: затея обречена на провал. Дрофа отказывалась и пить, и есть, а встреченные на ночевке охотники довольствовались над рассказом неудачников и разъяснили, что если изредка удастся выкармливать дрофу вместе с домашней птицей, то только такую, которая выводилась из яйца, подложенного наседке, а не пойманную на воле.

Выяснилось, почему встреченные нашими путниками птицы не взлетали. Дрофы вообще предпочитают не летать, а бегать. Кроме того, у калбинских дроф нет копчиковой железы, и они не смазывают свои перья жиром; перья легко намокают, а при малейшем заморозке еще и смерзаются. Перед злополучной охотой прошел дождь. Птицы намокли. Понятно, что, не надеясь на крылья, они предпочитали бежать от преследователей.

Полустепь кончилась. Дорога шла через залесенную часть правобережного Прииртышья. Снова пришлось вос-

пользоваться паромной переправой; потом начался трудный подъем, по которому автомобиль проходил впервые с момента появления здесь тележного следа. Уже через несколько километров путь оказался непроезжим для машины. Тарасов оставил ее в первой маленькой деревушке, благо у шофера здесь нашлись знакомые, сам же принялся искать верховых лошадей и проводника. На это ушел конец дня; только к следующему полудню ему удалось продолжить свой путь.

Видимо, сказалось напряжение прошедших суток, и Тарасов быстро устал. Он предложил остановиться на ночлег в стоявшем близ тропы домике пасечника. Но проводник с сомнением покачал головой.

— Проводят нас отсюда, однако. Особенно если хозяина дома нет. Я его по пути на заимке видел.

— Почему же проводят? — удивился Тарасов, привыкший к алтайскому гостеприимству.

— Как пошто? Киржаки-староверы. Моргуют* чужими. Воды попить не дадут, ежели своей кружки нету. Из ведра попробуешь сам напиться, так и ведро после тебя выбросят. Мы еще мальчишками не раз у них ведра так промышляли. Подойдешь, без спросу на глазах напьешься, а хозяйка-киржачка как бросится вдогонку и ну ругаться. Потом ведро это схватит и за ворота его, а нам только того и надо. Нынче, правда, ведрами не кидаются. Зато варят их после чужих часов десять подряд в святой воде, да еще с молитвой.

— Не верится, что-то.

— Попробуйте.

Подъехав к заплоту, не слезая с коня, Тарасов позвал хозяина. Какие-то лица появились в окне и исчезли, но дверь избы открылась только после повторного окрика.

— Кого надо-то? — отнюдь не гостеприимно спросила старуха, появившаяся на рубленом крыльце.

— Хозяева дома ли?

— Ну я хозяйка.

* Моргуют — презируют, брезгают.

Киржаки — местное название жителей мелких старообрядческих поселений. Вероятнее всего, происходит от реки Керженец (левый приток Волги), где в XVII веке создавались такие же поселения — скиты беглых крестьян, пытавшихся скрыться от помещичьего и монастырского произвола.

— Дальние мы, по служебному делу едем. Хотели у вас передохнуть до утра.

— Вижу, что дальние, а только ночевать у нас негде. Проезжайте, люди добрые.

— Может, хоть напиток позволите? Чаю не вскипятите ли? Заплатим. Мед-то есть, верно?

— Мед он хоша и есть, да настоящие люди в святой день не торгуют, а богу молятся. Пить? Ежели своя кружка есть, пейте. Нет, так в другом месте попьете. У меня поганой посуды нету.

— Ну скажу я вам...— чуть не выругался Тарасов и резко отвернул лошадь от плетня.

— Вить я же упреждал,— ответил проводник.

— Да! Ну и темнота...

Пришлось продолжить путь, несолоно хлебавши. Разговор вертелся вокруг бескультурья, все еще царствующего в таежных местах. Отдаленность от крупных поселений, недостаток учителей и врачей; бездорожье, превращающее заимки и пасеки в убежища для всяческих базграмотных изуверов-сектантов, делали эти поселения и впрямь напоминающими скиты XVII—XIX веков. Теперь они часто были местом, удобным для всякого рода контрреволюционной нечисти. Именно эти люди то и дело объявляли себя «святыми» и становились во главе религиозных сект.

Тарасов внимательно слушал рассказы проводника о диком изуверстве сектантов. Одна из артелей прыгунов в припадке религиозного безумия изрезала девушку. В другом пункте киржачье убило молодого человека, отошедшего от «истинной веры».

— Неужели за это не судят?

— Чтобы судить, так до того еще и поймать надо. А у них круговая порука. «Батьки» киржацкие покрепче иных кулаков. Они хорошо понимают: как только начнут разбираться, тут ихнему хозяйствованию конец. Все батраки разбегутся. Да и так уже бегут, кто посмелее.

Темнело. Тарасов истомился настолько, что не выдержал:

— Далеко еще до какого-нибудь жилья, а то, может быть, полянку выберем?

— Да уже, почитай, дотянулись.

Тропа перебралась через невысокий перевал в соседнюю долинку, и сразу почувствовался сильный запах гари.

— Что это? Лес горит?

— Однако, углежоги ямы зажгли. Здесь самое доброе место для промысла — и лес, и вода, а без древесного угля ни одна сельская кузница работать не сможет.

По мере спуска в долинку дым становился все плотнее. У самой тропы показалась невысокая дымящаяся куча земли.

— Забросать толком не успели, — спокойно заметил проводник. — Придут еще подправят.

Как только проехали этот замурованный костер, дым исчез, а чуть в стороне стала видна группа людей, обкладывающих дерном длинные толстые поленья, сложенные пирамидкой.

Тарасов спешил и, пока проводник готовил лошадей к ночному отдыху, познакомился с закладкой угольных ям.

На длину дров выкапывается яма глубиной не более метра с откосом по одной длинной стороне. Дрова укладывались и закрывались так, чтобы они не горели, а медленно тлели. Каждая яма горела не один день; углежоги зажигали их поочередно: «Сегодня загружаем, завтра выгружаем, без дела не сидим». В свободное время они же занимались смолокурением, драли бересту и лыко, а женщины и дети собирали грибы и ягоды. Лыко с осины и топольника драли узкими, в ладонь, лентами на всю длину дровяного долготья. Часть луба использовали для плетения лаптей и корзинок; береста же широко использовалась для изготовления туисков и другой такой же посуды.

Промысел этот был сезонным. Большая часть семей углежогов поселялась на время работы в лесу в бараках-срубах без окон и дверей; проемы в стенах завешивали тряпками.

Ужинала артель сообща за длинным самодельным столом, укрепленном на козлах. Части такого стола обычно скрепляли деревянными гвоздями без единого кусочка металла, а верх, столешницу, собирали из тонких жердей — накатника. Никакого освещения, кроме костра, у сезонников не было.

Тарасов и проводник досыта наелись щей и каши, после которых началось самое главное — чай, да еще какой! Цветочный с ягодой, со свежим медом и длинными, до рассвета, разговорами на самые разнообразные

темы. Подобные гости в тайге появлялись нечасто. Именно поэтому старались выжать из свежего человека все новости, высказать все сомнения.

Утро следующего дня застало Тарасова снова в пути. Тропка извивалась по узкой каменистой долине, покрытой густым нетронутым лесом. Она то шла над самой водой и десятки раз пересекала речку, то, поднимаясь на склон, круто вползала кверху, обходя скалы и водопады.

На одном из скалистых участков долины послышались громкие голоса. Подъехали ближе. Несколько мальчуганов и бородатый старик, казалось, играли в прятки около крошечного озера под небольшим водопадом. То и дело они переходили с места на место по берегу, тщательно прячась за камнями или кустарниками.

— Что это они затеяли? — удивился Тарасов.

— Хариуса ловят. От него и прячутся. Хитрая рыба, на что уж дикие места, а как человека заметит или леску в воде, так и не ищи. Уйдет. Хош день будешь сидеть, хош два — не выырнет.

— А чего же они кричат? Спугнут ведь?!

— Эта рыба на голос мало чувствительная. Она по таким речкам ходит, где перекаты да водопады. Сам видел, как по водопаду, почитай, на сажень, не менее, хариус вверх прыгал. К шуму он привычный, это тебе не таймень. Тот хотя и на быстрине, а все же тишину уважает.

— Ну не знаю, — ответил Тарасов. — Мне не раз приходилось рыбачить и на тайменя, и на хариуса. И тот и другой прекрасно забираются в ловушки, идут на перемет.

— А с удочкой?

— С удочкой я в детстве ходил, а потом некогда было. Если ловить, так надо наверняка, чтобы и людей, и себя накормить.

— Это где как. Здесь все больше удочкой ловят. Если от артели человека на полдня отрядить, умелого, конечно, так дня три уху хлебают аль пироги с рыбой пекут.

— Что-то на сказку похоже, — усомнился Тарасов.

— Посидим, посмотрим.

Внизу все выглядело иначе — и проще, и серьезнее. Стоявший в тени скалы старик вел над самой водой, еле

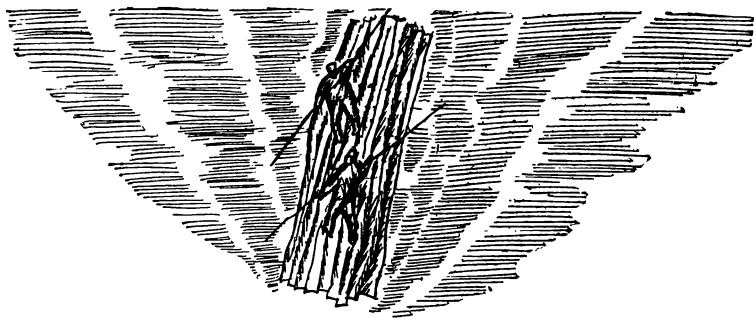
касясь ее, и то не все время, бесцветную леску с наживленной на крючок стрекозой. Под наживой блестел дополнительный крохотный трезубец. Три-четыре движения над озерком, и в воздухе вспыхивала серебристая спинка дальней родственницы европейской форели. Хариус попадался крупный — граммов по пятьсот — семьсот. Движениям старика подражали мальчишки. Один из них обходил рыболовов, снимал добычу с крючков, совал в закрытое плетенкой ведро и насаживал новую стрекозу.

На вопросы Тарасова старик словоохотливо рассказывал:

— Ловить можно. А вот искать его плоховато. Бывает, дней пять ищем, а ловим часа два всего. Окромя того, ежели не под базарный денек угадаешь, так хоть мимо проходи, хоть сам съешь. Тонкая рыба. Портится.

Тарасов распростился с рыбаками. Доехал до места, обследовал заявленный участок, взял контрольные пробы. Перед отъездом хозяева лесничьей заимки — первооткрыватели, нашедшие руду, угостили геолога многолетним медом, янтарным и жидким. Тарасов пил его с удовольствием, не чувствовал хмеля, но уже через несколько минут заметил, что ноги отказываются сдвинуться с места, и только с помощью хозяина сумел добраться до постели.

Обратный путь показался короче. Он пересел на свой газик и вскоре спустился с гор к Зайсанскому тракту.

8

На сплаве

В большинстве районов Алтая лес заготавливают зимой, а сплав проводят по весне, как только спадет большая вода. Расчет в том, чтобы успеть прогнать лес, идущий моём, то есть просто сброшенный в воду без какого-либо крепления. Главное, чтобы он успел пройти по небольшим речкам до их обмеления к устьям, где обычно устраивают ловушки — бамы.

Если начать сплав раньше, лес может разнести по прибрежным заливным равнинам и собрать его будет невозможно. Если запоздать со сплавом, бревна и дрова могут застрять на порогах или отмелях, пристать к буреломам и в конечном счете тоже погибнуть. Наконец, есть еще опасность, что свободно плывущий лес вырвется на основную реку и будет мешать навигации.

На этот раз заготовители опоздали, сплав предстоял трудный — летний. Бесспорно, сплавщикам легче работать в теплой летней воде, чем в весенней ледяной, но летний сплав требует значительно большего умения и труда, таит в себе немало самых разнообразных опасностей. Представьте себе, хлынет дождь. Разольется, выйдет из берегов речка и понесет всю массу заготовленного леса куда ей заблагорассудится, перемешает, свалит в одно с выкорчеванными деревьями, переплетет ветвями кустарников, травой, смешает с песком и илом, растащит по протокам, растолкает по старицам. Спра-

виться с такой стихией людям часто не под силу, даже если есть специальные приспособления вроде стальных канатов, на ночь перекрывающих реку, чтобы остановить сплав. Но исправительно-трудовой колонии не хватало леса и дров. Ждать до весны или до зимней дороги было нельзя.

Для работы по сплаву из заключенных отбирали опытных и, с точки зрения начальства, вполне надежных людей.

Заранее было известно, что сплавщикам придется все время разбирать завалы, проталкивать застрявшие бревна, бредя по пояс в воде, орудуя шестами с утлой лодчонки или с маленького плота-сплотка, наскоро сделанного из двух-трех бревнышек, скрепленных тальниковыми прутьями. Понятно, что на такую работу охотников было немного.

Макаров отлично справлялся с обязанностями бригадира, и на него пал выбор, когда надо было назначить старшего по сплаву. Он долго отказывался, ссылаясь на ревматизм; убеждал, будто в воде у него сводит ноги. Не помогло, пришлось согласиться. Несколько дней подряд работу вели бессменно. Круглые сутки с крутого берега катился лес. Бревна тяжело плюхались в воду, поднимая фонтаны брызг; иногда ныряли и выскакивали из воды, вздымаясь вертикально в воздух чуть ли не на всю свою длину. Но чаще всего, оказавшись в воде, бревно долго вертелось, потом вдруг останавливалось и, несколько раз качнувшись, нехотя отплывало от берега.

Ночью свалку не прекращали. На берегу загорался огромный костер; сжигались отходы заготовки — сучья, гнилье.

Когда весь заготовленный лес оказался на воде, вслед за ним двинулись в путь и люди. Большинство отправилось пешком к ближайшему населенному пункту на берегу Иртыша, с тем чтобы дальше ехать на пароходе, а из бригады сплавщиков, готовой двинуться за лесом вниз по реке, вперед вышли разведчики. Обнаружив мелкий перекат, на котором легко могут зацепиться хлысты и образовать залом, глухую протоку или иной, опасный для сплава участок, они ставили предупредительные знаки.

Перед протоками забивали колья, к которым привязывали спиленные здесь же деревья. Через несколько

часов к ним наносило достаточно всяческого плавника, и получалась довольно серьезная изгородь.

На перекатах ставили угольники вроде тех, что таскают за трактором по проселочным дорогам, чтобы разгрести и немного утрамбовать снег. Подойдет к такому угольнику хлыст, скользнет по ошкуренной поверхности и обойдет препятствие.

В бараке кроме сплавщиков, проводивших здесь последнюю ночь, оставались только заключенные, назначенные для уборки лагеря.

Макаров долго копошился в своем бригадирском углу, отделенном от общего помещения тонкой дощатой перегородкой. Обычно ни храп, ни шум в бараке не мешали ему спать. Сегодня же раздражал малейший шорох.

За перегородкой сдержанно разговаривали. Голоса то затихали, то усиливались. Несомненно, люди о чем-то спорили, хотя и старались не привлекать к себе внимания. Но до Макарова долетело упоминание его имени, и он невольно вслушался.

— Видишь, как получается. Разве с обдиралой кашу сваришь,— бубнил один из голосов.

— Да ты расскажи толком.

— А что тут болтать. Просил я гада Кузю, чтобы нас вместе на сплав забрал.

— А он что?

— Что, что! Сначала, говорит, за старое рассчитайся, а потом о новом проси. Должен я ему с зимы, проигрался. Думал, забыл. Черта с два!

— Пообещал бы.

— А то нет. Хотел даже и его пригласить, да вовремя спохватился: куда он от начальства; сказывали, что срок ему скинут.

— Хорош бы ты был!

— Так я же только подумал...

— Чем же кончилось?

— Когда сказал, что долг и проценты не забыл, обдирала ответил, ладно, мол, одного тебя и возьму, хоть на реке ты мне только в обузу, а насчет дружка своего лучше не лезь, слушать не стану...

— Вот гад...

— Как же теперь быть? Такого случая не враз дождешься.

— Иди один. Ждать меня будешь, как говорили, два раза в месяц — пятого и двадцатого. Слушай, сюда не части... Адрес они укажут. Если какую мелочь будут заставлять, дело твое; но ежели что посерьезнее, жди меня. В пекло не суйся, ты мне для задуманного нужен.

— А если застукают? У меня и липы никакой нет.

— Нет, так будет.

Макаров по голосам опознал сговаривающихся. Вспомнил, как несколько дней назад к нему подходил здоровый одноглазый детина. Просил, чтобы его вместе с дружкой-напарником взяли на сплав. Оба они были известны как скандалисты и отпетые лодыри. Правда, когда появлялось начальство, работали хорошо. Брать их Макарову не хотелось, и он согласился взять только одного, надеясь, что в этом случае одноглазый и сам не пойдет.

Теперь все стало ясно: оба они решили бежать, но отказ бригадира сорвал их затею. Только у одного, да еще менее опытного, осталась возможность побега. Слизняк! Макаров поморщился. Чего другого, а уж липовыми документами он мог бы хоть половину лагеря обеспечить. Но тут же поймал себя на мысли, что так было прежде, когда по советской земле ходил Рыжий, держалась крепкая дружба с бывшими хозяевами. Теперь же все может быть по-иному. Год прошел, как он ничего не знает ни о своих друзьях, ни о хозяевах. Кто из них жив и здоров, а кого, может быть, и на свете уже нет... Как-то встретят его, Кузьму Макарова, если он вырвется на волю...

Разговор между тем не прерывался.

— Значит, как в Семипроклётый доберешься, дуй прямо к железному мосту через Иртыш. Лучше искать от главной улицы. Конец ее к спуску на реку выходит. С правой стороны последний дом большой, белокаменный. Верно, раньше монастырь был либо хоромы какие. Пониже, вдоль берега, еще улочка идет, на ней хаты деревянные, мелкие. А вот напротив большого дома, что я тебе сказывал, есть пятистенный рубленый с большим забором. Доктор живет, толстый такой. На всю округу знаменитый. Ежели кто к нему попал, все карманы вывернет. Но от нашего брата не отворачивался. Коли деньги есть, от чего хочешь вылечи — только плати.

— Ладно. Дальше-то как?

— Успеешь. Аккурат позади докторского дома, к берегу ближе, стоит избенка. Ни собак, ни ограды. Постучишься в окно, откроют. Да ночью, смотри, туда не являйся. Лучше всего утром, когда бабы на базар уходят, или в крайности днем. Иди смело. Ежели хозяев дома нету, не трись. Уходи. Когда выйдут к тебе, спросишь: «Нету ли рыбы продажной?» Ответить должны, что, мол, была, да вся три дня тому назад продана. Еще раз проси: «Иван, малый мой, захворал, больно рыбы хочет или грибов». Ответ слушай хорошо. Должны сказать: «Ничем за углом подают, на базаре, и то с приговором, а у тебя, видно, и платить нечем». Отвечай: «Не наберу, так поменьше возьму, а то в получку донесу». После того не жди, а заходи прямо в дом. Запомнил хорошо?

— Вроде бы.

— А ну проговори.

Одноглазый дважды повторил и адрес, и пароль.

— Ладно. Разговоры води, где они покажут, но не с порога. Обо мне спросят, ответишь, что скоро, мол, будет... Люди надежные, не раз выручали.

Кто-то в другой части барака, видимо во сне, пробормотал непонятные слова и вскрикнул. Говор смолк, а когда возобновился, то Макаров, как ни прислушивался, ничего разобрать не мог...

В рапорте начальника охраны сообщалось, что на лесосплаве произошло следующее.

«На вечерней поверке не оказалось заключенного по фамилии Петряков, кличка Одноглазый. Петряков работал по разбору залама на середине реки. Искать его отправились боец охраны совместно с бригадиром Макаровым. Выехав на лодке к залому, они обнаружили заключенного Петрякова, который лежал на бревнах и стонал. На вопросы ответил, что сломал ногу. В лодке три человека поместиться не могли. Макаров перевез бойца охраны на берег, сам же в темноте отправился за пострадавшим. Было слышно, как бригадир ругается с Петряковым. Потом чуть ниже залама раздался крик: «Помогите, тонем!» Крики повторялись несколько раз. Другой лодки для оказания помощи на месте не нашлось.

Утром недалеко от места происшествия была найдена перевернутая лодка с пробитым бортом, а у самого берега шапка Петрякова. Утопленников искали два дня

всей бригадой,— сообщалось в рапорте.— Одноглазого обнаружили между бревнами ниже по течению, нога сломанная, голова разбита. Труп заключенного Макарова не найдено. Видимо, бригадир потонул по причине пробития лодки плывущим лесом, неумения плавать и сильного ревматизма, о чем он заявлял, отказываясь быть бригадиром на сплаве, а заключенный Петряков потонул, как потерявший сознание по причине сильной боли и испуга. Голова его была разбита уже в утопшем виде, когда Петрякова прижало бревнами. Во время происшествия и поисков шел дождь. Вода поднялась и могла пронести труп Макарова в любую протоку, где и забросать плавником или затянуть илом и песком. Просим оных заключенных в списке бригады не числить...»

Прошел месяц, за ним второй...

Худошавый, чуть сутулый человек с седеющей бородой спокойно вышел из избы, стоявшей позади докторской усадьбы в Семипалатинске, и начал медленно подниматься на улицу, ведущую к центральной части города. Даже близкие едва ли узнали бы в этом бородаче бывшего горного техника недавнего заключенного К. М. Макарова. Абсолютно уверенный, что его никто не опознает, он прошел мимо большого каменного дома и вдруг почувствовал идущего следом за ним человека.

Ускорив шаг, Макаров дошел до угла, свернул в пустынный переулок и резко обернулся... Перед ним стоял невысокий шупленький старичок в старомодном пальто.

— Хоть и поседел ты изрядно, Кузя,— не без усмешки заговорил старичок,— и бородой обзавелся, а все же узнать можно.

— Хозяин?! Владимир Иванович!

— Он самый.

— Господи боже мой...— только и смог вымолвить Макаров.

— Про тебя наслышан. Все знаю. Что перед судом наболтал и как тонул.

— Да разве я...

— Помалкивай, Кузьма. Повадки-то старые у тебя остались. Сейчас иди, куда шел. Вечерком явишься, наговоримся.

Часовников назвал адрес и неторопливо побрел в другую сторону.

Вечерний, затянувшийся до глубокой ночи разговор

происходил в одном из неприметных деревянных домов пристанского окраинного района города рядом с заезжим двором, где никому и в голову не приходит удивляться появлению нового человека.

Войдя в комнату, Макаров увидел компанию, занятую преферансом. Во всяком случае, об этом говорили исписанный цифрами и значками большой лист бумаги, лежавший посередине стола, и карты. В стороне от играющих на огромном цветном подносе стояла бутылка водки, оформленная в виде обрубка дерева с сучками, покрытыми мохом, рюмки, закуска.

Первый, с кем встретился Кузьма глазами, был Рыжий. Страх и удивление перед смелостью и наглостью этого человека смешались в голове Макарова. Явиться снова сюда, в самое пекло, после разоблачения и ранения на границе, неизвестно как вырвавшись из рук чекистов... Невольно подумалось: а зачем, почему собрались здесь все хозяева... Может быть, его ждут суд и расправа, о которой не раз предупреждали?.. Вспомнил, что за успех лесозаготовок обещали сбросить срок... Но теперь это все ни к чему... Сам пришел.

Макаров выпрямился после общего поклона и собирался обратиться к сидящим за картами, но Рыжий опередил:

— Рапорта не нужно, все свои... Стареее вы, Макаров. Потеряли зря по крайней мере полгода. Слишком длительный отпуск у вас получился. В людях плохо разбираетесь. Уничтожение Одноглазого пустяки, рассчитаетесь делом, но зачем вы второго там оставили? Он нам нужен не менее, чем вы, если не больше. Придется вам отработать за Одноглазого, за безделие и за то, что ценного человека оставили. Кстати, а сами-то вы от нас удирать не собираетесь? Запомните, мы знаем гораздо больше, чем могли бы мечтать ваши следователи, и сами о вас руки марать не будем. Поняли, Макаров?

— Чего уж тут не понять.

— Вот и хорошо. Господа, игра продолжается. Пусть гость посидит. Он человек свежий, вы ему разъясните новые правила игры, а мне пора. Желаю удачи.

Рыжий залпом выпил большую стопку водки, небрежно поклонился и вышел.

— Какой был, такой и есть,— вымолвил, глядя ему вслед, Макаров.

— Нет, не так,— ответил кто-то из сидевших за столом.— Иностранный корреспондент, да еще какой-то либеральной газеты, пожелавший лично убедиться, как Советы осваивают Сибирь. Ездит в международных вагонах первого класса, а ввиду того что якобы ни слова не понимает по-русски, держит при себе весьма смазливую переводчицу.

— Это еще что,— поддержал говорившего прихлебывавший из рюмки мужчина в купеческой поддевке,— главное, теперь этот господин требует больше, грозитя чаще, а платит меньше.

Тон разговора и откровенность, с которой рассказали о Рыжем, убедили Макарова, что он может не опасаться этих людей; больше того, сами хозяева стали относиться к нему дружелюбнее, чем раньше. Либо они очень уж довольны его поведением на суде, либо собственное положение их изменилось отнюдь не в лучшую сторону.

Однако через несколько минут, когда Макаров начал было рассказ о том, что произошло с ним за последние два года, Часовников резко оборвал его излишняя и начал говорить сам.

— Наш зарубежный друг предложил доверить вам наблюдение за подготовкой к консервации и уничтожением рудника Кара-Кыз. Туда должна приехать из Москвы комиссия, не без участия наших людей. Если вы будете убеждены, что дело срывается или задерживается, действуйте, но совершенно самостоятельно. Учить не буду. Нас не ищите.

Разговор в таком тоне, касавшийся деталей задания, тянулся долго.

Гости постепенно разошлись. Макаров остался наедине с Часовниковым. Только тогда старый хозяин согласился выслушать некоторые из воспоминаний и кое-чем поделился сам, на каждом шагу подчеркивая, что барин разговаривает с холопом, хотя и с приближенным.

Макарову не дали отдохнуть, не разрешили даже просто походить по городу, увидеть, что изменилось в его отсутствие. Приказали не высовывать носа из избушки, в которой он появился в первый день после бегства из лагеря. Кормили, давали водку, хотя и не вдоволь. Когда же инструктаж был завершен, изготовлены подложные документы, куплен билет, из дверей домика

вышел и направился к железнодорожному разъезду человек, еще меньше напоминавший прошлого Макарова.

Прихрамывая и опираясь на длинную палку, пришел он в контору рудника, расположенного в нескольких километрах от небольшой станции Туркестано-Сибирской железной дороги.

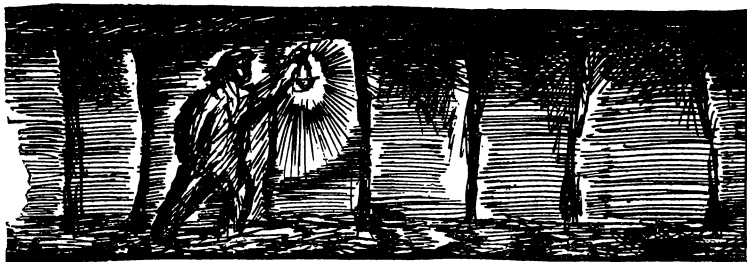
Поступление на должность ночного сторожа не потребовало особых формальностей. Некоторое время Макаров пробыл сторожем в рудничной больнице, а потом перешел на ту же должность в раздаточный склад взрывчатых веществ, расположенный по соседству с действующими шахтами.

В его обязанности входила наружная охрана помещения, и молчаливый старик отлично выполнял свою работу. Понятно, что, когда наступили холода, взрывники предложили Макарову топить печку, обогревающую зарядную. Все чаще ему оставались ключи от склада для передачи первому, кто явится на работу.

Жил Макаров в большом бараке. Занимал один из углов, отгороженных фанерой, в котором еле умещались железная койка и тумбочка. Ел и пил отдельно, хотя и из общего котла. Решительно отказывался от участия в попойках, друзей не заводил. Как говорила старуха повариха и уборщица, обслуживавшая артель: «Жилец спокойный. Придет со смены, поест и спать, а к вечеру опять соберется и на работу до утра. В беседы не вмешивается, больше помалкивает, горными делами не интересуется, разве что кто ему рассказывать начнет. Он и в выходной-то сходит куда не куда, ненадолго, придет домой трезвый, не слышно. Одним словом, спокойный человек. Всем бы таких жильцов».

На вопросы, откуда же взялся на руднике этот молчаливый старик, чаще всего можно было услышать: «Говорят, из железнодорожников он, что ли. Работал там, заболел, вышел из больницы, оказалось, ни жены, ни детей, ну и подался куда глаза глядели. Вот и прибился здесь, а как пенсию выправит, так, сказывал, сразу уедет в Россию, к родине поближе, доживать».

Страна только недавно зализывала раны войны, разрухи, голода; тяжелое состояние сиротства было понятно многим. Сочувствие к нему делало свое дело, и Макаров становился на руднике своим человеком, да еще нуждающимся в поддержке.

9

Недочет

О тчетные документы о работе рудника Тарасов внимательно прочитал еще в тресте и поэтому на Кара-Кызе начал прямо с систематического осмотра горных выработок.

Правда, первые два дня оказались потерянными. Директор не мог удержаться от того, чтобы не показать гостю, да еще уполномоченному представителю треста, все главные объекты рудника и рудничного поселка.

Каждый спуск Тарасова в выработку обставлялся как большое событие. К назначенному времени здесь появлялись председатель артели или заведующий шахтой, горный мастер, главный инженер рудника или маркшейдер, исполнявший обязанности рудничного геолога, наконец, просто любопытные. Иной раз среди сопровождающих можно было увидеть и председателя профсоюзного комитета, и комсомольского секретаря, и парторга. Свита не давала возможности работать; не выдержав, геолог отправился в кабинет директора рудника.

Директор уже знал, что уполномоченный отпустил всех сопровождающих и отказался от дальнейшего осмотра шахт. Он встретил его явно недружелюбно, прервал на середине беседу с каким-то посетителем и сухо спросил:

- Что случилось?
- Почему обязательно что-то должно случиться?
- Но вы же отказались от плана, который мы вместе разработали.

— Чепуха! Просто не к чему мне по руднику в компании разгуливать. Я не дама, требующая сопровождения. Народу у вас не хватает, план не выполняете, а со мной то одни отрываются, то другие.

— Не понимаю. Твоя работа в интересах рудника,— переходя на «ты», видимо, чтобы ликвидировать возникший было между ними холодок, возразил Польников.— Подумаешь, если на пару часов оторвется горный мастер. Походит с тобой, покажет. Посоветуетесь. Быстрее все станет ясным.

— Нет. Меня такие экскурсии не устраивают,— отрезал Тарасов.— Первое представление о руднике у меня есть, и на пару часов, как ты говоришь, я в шахту спускаться не собираюсь. Мне там работать надо.

— Что же ты хочешь?

— Вместо взвода сопровождающих прошу дать какого-нибудь немудрящего проводника — одного, лучше из стариков; они знают не только новые, но и старые выработки. Да и тот нужен мне ненадолго.

— Что же, ты начальство, сам и решай,— ответил Польников.

— А как с проводником?

— Поищем.

В разговор вмешался посетитель, сидевший около директорского стола и с явным интересом прислушивавшийся к беседе.

— Вот, поди, Иван Васильевич, как раз для меня самая подходящая работа. Похожу с вашим гостем по старым дыркам. Лучше меня их на всем Кара-Кызе едва ли кто знает.

Польников оживился.

— А нетрудно вам будет за товарищем Тарасовым поспевать? Он ведь быстрый, да и норовистый.

— Почему. Не в цирк пойдем, в шахту. Что знаю, покажу. Вперегонки там бегать не место, а норова и у меня на троих хватит.

— Простите, а вы кто будете? — заинтересовался Тарасов.

— Устиновы мы, я то есть. Почитай, всю жизнь на этих шахтах проработал. С подручного мальчика начал, до штейгера дослужился да провоевал в округе лет пять. Правда, из того стажа еще года два надо выбросить: то от хозяев, то от белых скрывался либо у около-

точного в темной сидел. А теперь, видишь, говорят, не гожусь. То ли возрастом, то ли рылом, стало быть, не вышел.

— Зачем же так, товарищ Устинов,— перебил его Польшников.— Вопрос о вашем уходе на пенсию решал не я один, а и партийная ячейка, и местком. В контору вы идти не хотите, да и работы тут для вас пока подходящей нет, а в шахте по возрасту трудновато.

— Но без дела-то я все равно не могу, хотя бы и так было.

— Найдем что-нибудь.

— Когда это еще будет.

— Иван Васильевич,— вмешался Тарасов,— верно, прикомандируй мне Устинова. Пожалуй, он и есть тот человек, которого мне здесь не хватает.

— Смотри, если хочешь, ладно,— нехотя согласился Польшников.

— И еще раз прошу. Дай команду, чтобы за мной никто не таскался. Если понадобится, я дорогу найду и к главному инженеру, и ко всем другим. А тебя самого каждый вечер и кое-когда по утрам вижу.

С той поры Тарасов и Устинов почти не разлучались, хотя старик действительно оказался норовистым. Когда поселок только просыпался, они уже встречались у какой-нибудь шахты и, едва обменявшись приветствиями, начинали спуск.

Помимо обязанностей проводника на Устинове лежала заправка шахтерских ламп, он же подготовлял и несложный инструмент, который они брали с собой.

Тарасов любил ходить с геологическим молотком и зубилом. Молоток был для него самым удобным, а главное, привычным инструментом. Его делают из отличной стали. Одну сторону заостряют, а другую оставляют квадратной, как у обычного слесарного молотка. Только отверстие для деревянной ручки длиной шестьдесят — семьдесят сантиметров вырубается строго по центру тяжести. Длинная ручка позволяет нанести сильный удар с размаху или воспользоваться молотком, как крючком, которым можно залезть в такие места, куда не достанешь рукой. А если сделать на ручке деления через каждые пять — десять сантиметров, то она может служить еще и для приблизительных измерений. Широкое зубило

незаменимо при расчистке стен и кровли выработок от пыли, копоти, окисленных кусков породы.

При помощи этих простых инструментов геолог стал видеть действительное строение горных пород, по которым шла выработка, а при надобности брал пробы.

Существует целая наука об опробовании и испытании полезных ископаемых. Чаще всего первую разведочную пробу берут простым отбором на глаз наиболее типичных кусков руды. Такая проба называется штуфной *. Она служит только для решения вопроса, есть ли здесь искомым полезный материал.

Затем начинается систематический отбор проб для определения содержания полезного элемента. По жиле или рудному телу пробивают аккуратную канавку — борозду обычно не больше десяти сантиметров по ширине и трех — пяти по глубине. Все осколки, выбитые из такой бороздки, собирают на подстилку — брезент, мешковину, а иной раз на плащ или куртку — и складывают в мешочек, снабженный номерком. На поверхности пробу разделяют: ее дробят, тщательно перемешивают, измельчают, снова перемешивают. Потом начинают сокращать: насыпают в виде конуса, разрезают его на четыре равных сектора и отбирают две противоположные части. Так сокращают пробу до тех пор, пока не останется пакетик весом в сотню граммов, достаточный для лабораторного исследования. А чтобы уменьшить возможность ошибки, и его делят пополам. Одну половину посылают на анализ, а вторую — дубликат — сохраняют до тех пор, пока не минует необходимость в повторном анализе.

Иногда рудное тело обладает большой толщиной, как говорят горняки, — мощностью. Тогда пробу берут по частям, секциям, обрабатывая каждую секцию отдельно. Очень часто полезное ископаемое заключается не только в хорошо отличимой от вмещающих горных пород руде, но и в самих окружающих породах. Тогда отдельными секциями берут пробы и из этих пород.

Бывает, что полезный минерал очень неравномерно распределен в руде, и тогда приходится брать пробу большего размера. Брезент расстилают перед забоем и со всей поверхности забоя начинают снимать небольшой слой — пленку толщиной всего в несколько миллиметров. Такая проба называется задиркой.

* От немецкого слова «штуф» — образец.

Когда же надо узнать, как будет обогащаться руда, какие машины или какие реактивы лучше всего применять для ее обработки, то берут большие, весом во много тонн, технологические средние пробы, собирая руду из разных участков месторождения, которое предстоит разрабатывать.

Тарасов брал только штучные и изредка бороздовые пробы. Молоток, зубило, брезентовая куртка да несколько мешочков — вот и все, что было нужно для такой работы. И был удивлен, когда в очередную встречу Устинов вместо молотка принес маленькое кайло, немного напоминающее альпеншток.

— Так, Михайло Федорович, вам сподручнее будет, вес у него, как у молотка вашего, ручка не короче, а кое-когда посодействует.

Тарасов проворчал что-то про себя, взял кайлушку, только чтобы не обидеть старика, но очень быстро оценил подарок и потом многие годы не расставался с ним.

Час за часом проводили они в шахте; иной раз только с темнотой выбирались на поверхность. Устинов уносил пробы в лабораторию, а кайло и зубила — в кузницу, чтобы выправить затупившиеся за день края. Добравшись домой, Тарасов наскоро съедал оставленный для него ужин, валился на постель и немедленно засыпал.

По утрам два обитателя директорского дома уже несколько дней подряд молча поднимались с постелей, молча садились за стол. Бывало, что за все время завтрака оба не произносили ни одной сколько-нибудь значащей фразы. Со стороны можно было подумать, что этим людям либо не о чем разговаривать, либо они настолько надоели друг другу за много лет совместного проживания, что ждут не дождутся, когда смогут разойтись в разные стороны.

Дело обстояло, конечно, не так. Оба были полностью осведомлены о положении на руднике, и каждый из них по-своему все острее переживал создавшуюся обстановку.

Польников знал о каждом шаге Тарасова и не хотел его ни о чем расспрашивать.

Геолог весь день, а порой и большую часть ночи проводил под землей. Он не оставлял без осмотра ни одного доступного участка шахт, ни одного забоя; про-

бирался в давно заброшенные выработки. Иной раз часами выкладывал камень за камнем только для того, чтобы сделать лаз и боком проползти по засыпанному участку; загружал лабораторию бесконечным числом срочных проб, но не делился впечатлениями и, видимо, не спешил с выводами.

Как рассказывал Польникову Устинов, на память знавший все закоулки подземного хозяйства Кара-Кыза, угнаться за Тарасовым в шахте было трудно. Но как только они приходили на место, предназначенное для очередного осмотра, старик мог спокойно присаживаться к крепи и дремать, пока геолог не звал его, чтобы справиться о руде, которую добывали из этого забоя, или показать выколотые образцы. Начинался разговор; Устинов обычно рассказывал многочисленные были и небылицы о шахте, в которой они находились. Геолог с интересом слушал, изредка задавая вопросы, заставлявшие старика вспомнить давно забытое или детали, казавшиеся ему мелочью. При этом, если Устинов пробовал повернуть беседу к другим рудникам или делам, не касающимся шахты, Тарасов его неизменно обрывал:

— На-гора́ поднимемся, там повспоминаем. А здесь ты мне, Устиныч, про эту шахту побольше.

— Ведь я к слову, Михайло Федорович!

— Сам же ты говорил: «Закон шахтовый — в горе о горе и толкуй, а чужого без надобности не затрагивай». Было?

— Говорил.

— Ну и нечего закон нарушать.

Впрочем, Тарасов не забывал начатых разговоров, и не раз, выйдя из шахты, они подолгу засиживались в тесной раскомандировке — небольшой комнатке у ствола шахты, а то и просто на бревнышке или камнях, беседуя о самых разных делах.

Больше недели геолог вел подробнейший осмотр горных выработок, не привлекая в помощь никого, кроме своего постоянного спутника. Но ему не удалось обследовать и половины того, что было намечено. Кроме того, выяснилось, что нужно еще расширять план обследования. Теперь Тарасов даже боялся назвать срок окончания работы. Польникова волновало: не слишком ли увлекся трестовский представитель геологическими

изысканиями и не забыл ли о главной задаче? Но спрашивать своего постоянного он считал неудобным.

Тем временем и у Тарасова появились предположения и вопросы, о которых следовало бы посоветоваться. Однако геолог считал преждевременным вмешиваться в свои, как ему казалось, рабочие «промежуточные» догадки директора рудника. Пусть даже он жил с ним под одной крышей.

Тарасов рассчитывал найти единомышленника в главном инженере рудника Корчмарева, сутулом высоком человеке в очках, чем-то напоминающем вечного студента из чеховских рассказов. При встречах он пытался подсказывать ему необходимость самим работникам Кара-Кыза еще и еще раз проверить правильность консервации некоторых шахт или, может быть, поискать пути для резкого улучшения работы за счет новых участков с высоким содержанием золота в руде.

Однако, как бы вежливо ни делались намеки, каждый из таких разговоров выливался в обоюдоострый спор.

Тарасов постепенно приходил к выводу о том, что главный инженер больше всего на свете боится начальства. Здесь, на руднике, и в тресте его считали весьма дисциплинированным специалистом, отличавшимся от многих других, в частности, тем, что его мнение всегда почти совпадало с мнением «вышестоящих товарищей». Становилось ясно, что, если потребуется провести какие-то более серьезные работы, чем осмотр и контрольное опробование выработок, он не помощник. Хуже того, еще и всячески воспротивится такому самоуправству, а в самую решительную минуту может оказаться «крысой, бегущей с тонущего корабля», или, во всяком случае, «человеком, умывающим руки».

Тарасов предпринял еще одну попытку. Войдя в кабинет Корчмарева и обнаружив там нескольких посетителей, геолог заявил:

— Хочу воспользоваться вашей любезностью. Мне нужна помощь.

— Я всегда готов, моя обязанность. Кроме всего прочего вы представитель...

— Не в этом дело,— Михаил Федорович перебил слащавую фразу.— Хочу просить инженерного совета по некоторым вопросам, возникшим при осмотре шахт.

— С удовольствием, если смогу,— ответил Корчмарев, явно польщенный таким обращением.

— Вот и отлично. Тогда собирайтесь. Пошли.

— Куда?

— Да в шахту!

— Сейчас? Но почему же так сразу?

— Но ведь мы с вами горняки,— ответил Тарасов,— а если товарищи не могут подождать до нашего возвращения, так я посижу.

Чей-то одобрительный смешок заставил Корчмарева обратить свое возражение в шутку. Он нехотя поднялся из-за стола и начал натягивать на себя спецовку. Посетители вежливо покинули кабинет.

— Зачем я вам вдруг понадобился? — настороженно спросил он, когда инженеры остались одни.

— Вы напрасно волнуетесь,— спокойно ответил Тарасов.— Я действительно очень хочу вместе с вами посмотреть несколько интересных мест и надеюсь, что наши точки зрения совпадут.

— Мы не раз встречались в шахтах, и пока наши точки зрения не совпадали,— пробовал возразить Корчмарев.— Быть может, лучше попробуем обсудить все здесь?

— Нет, уж лучше пойдем. Тем более что участки, на которых идет добыча, мне без вас и осматривать неудобно.

На этот раз они долго ходили по выработкам. Каждый из участков, где происходила добыча руды, поражал своей мизерностью. А запас, подготовленный к выемке, как правило, исчислялся лишь десятками тонн, а это значит, что работы могли оборваться в любой час и кто знает, когда возобновятся.

В одном из забоев они присели, продолжая начатый разговор.

— Ну вот, Виктор Иванович,— говорил Тарасов.— Теперь, пожалуй, мы вместе обошли все ваше главное горное хозяйство. Говоря откровенно, я излазил это уже сам. Скучновато...

— Что вы хотите этим сказать? — перебил Корчмарев.

— То, что не вижу возможности такими темпами и на таких участках выполнить план.

— Согласен. Больше того, как вам известно, я сообщал об этом тресту, неоднократно просил перенести часть нашего плана на другие рудники. Словом, выполнил свой долг.

— И по-вашему, так будет верно?

— Но, насколько мне известно, так же думают даже в Москве.

— Думают, но не все.

— Тем не менее, Михаил Федорович...

— Дайте досказать... Приходят сводки — одна, другая. Рудник Кара-Кыз в них прочно занимает последнее место по добыче золота, иначе говоря, по доходам и солидное по расходам. Причин немало: большой конторский штат, и электростанция, и поселок, и больница, и начатое строительство клуба, и... да еще много всяких «и»... Выводы сами напрашиваются.

— Кажется, они уже сделаны. Само ваше присутствие здесь разве не подтверждает эти выводы? Кстати говоря, насколько я понял, вы также далеко не в восторге от возможностей рудника.

— Но неужели лично у вас никогда не возникало протеста против подобных выводов? — с горячностью и обидой сказал Тарасов. — Неужели вы, главный инженер, не пытались найти путь, чтобы изменить эти выводы, если даже их кто-то поспешил сделать?! Что дало вам право утверждать, что здесь у природы взято все и пора перебираться на другие квартиры?

Корчмарев молчал. Обычно он не курил, но на этот раз потянулся к раскрытому портсигару Тарасова.

Штрек, который они выбрали для отдыха, почти под прямым углом отходил от длинного квершлага — выработки, идущей по пустым породам. Квершлаг соединял несколько штреков, выработок, пробитых по руде. Войдя в штрек, спутники прошли мимо небольшой расщелины, по которой шли двое рабочих, сообщивших в ответ на обычное приветствие, что закончили подготовку к следующей смене. Горняки ушли, оставив начальство вести разговоры.

Через несколько метров штрек круто обрывался. Забой был засыпан глыбами пустой породы. Тарасов и главный инженер присели на камни; рядом с ними расположился и Устинов. Старик внимательно слушал разговор, но не вмешивался.

В кровле была видна старая крепь. Можно было предположить, что над ними находится пустое, когда-то отработанное пространство. Крепь поблескивала каплями воды, кристалликами снега, сверху тянуло сыростью и холодом.

Корчмарев нарушил молчание:

— Так что же, по-вашему, я должен был делать?

— Как это что? А разве нельзя было смелее искать потерянные участки жил?

— Почему потерянные? По заключениям, которые имеются и у меня, и в тресте, выработки оставлены на постепенном выклинивании рудных жил.

— Позвольте в этом вопросе мне высказаться как специалисту. Возможно, что на вашем руднике и есть такие выработки, но в большинстве случаев я успел увидеть совсем другое.

— Не знаю, что вы наблюдали,— перебил его Корчмарев,— но я не могу отбросить мнение ранее работавших здесь горняков и геологов. Как вам известно, я не геолог, а обогатитель. Фабрика наша хотя и плохенькая, но в образцовом порядке, и у треста нет, да и не может быть, никаких претензий ко мне.

— В народе говорят: «Была бы корова, подойник найдется». А у вас наоборот. Подойник в полном порядке, а корова-то и не доится.

— Мне не нравится ваш тон, товарищ Тарасов.

— Но вы же горный инженер, да к тому же главный! Как же можно прятаться за чистоту обогатительной фабрики.

Блуждающий огонек шахтерской лампы привлек внимание разгорячившихся собеседников. Из темноты вынырнула фигура человека с большой сумкой через плечо, немного напоминающей санитарную.

Это был взрывник.

По неписаному закону, существующему во всех действующих шахтах мира, в часы, когда происходит зарядка, паление, да и проветривание после отпалки, взрывник становится полноправным хозяином на всем участке своей работы. Он, и только он, вместе с горным мастером участка отвечает за безопасность взрывных работ, за судьбу находящихся в шахте людей, за сохранение горных выработок. Никто не имеет права ослушаться его предупреждений.

Уважение к труду взрывника проявляется любым горняком независимо от чина, положения, возраста. Стоит ему появиться со своей сумкой, как смолкают споры, становятся серьезными лица. Любой из встречаемых уступает дорогу.

Рассерженный Корчмарев сорвал свою злобу на взрывнике.

— Почему у вас сумка раскрыта, как у торговли семечками. Главного инженера не постеснялись. Растеряете патроны, кто отвечать будет? Правил не знаете!

— Не ко времени разговор, товарищ главный. Как знаю, так и работаю,— огрызнулся рабочий.

— После смены приходите ко мне в кабинет, разберемся. Кстати, лампу в порядок приведите. Коптит, как плохая керосинка.

— После смены сколько угодно... Ну а вы скоро?

— А вам-то что?

— На работе я. Получаю сдельно. Палить мне надо. Вот что.

— Делайте свое дело, что сказано. Мы уйдем старыми работами.

— Вы начальство, вам виднее. Я пошел заряжать. Взрывник полез в расщелку.

Прерванный спор разгорелся с новой силой. Пытаясь вернуться к нормальным отношениям, Тарасов начал излагать свою точку зрения.

— Смотрите,— говорил он, рисуя кайлушкой на глинистой почве выработки.— Выклинивание, о котором вы говорили, очень скользкий термин. Одно дело, когда жила остается внешне неизменной, хотя бы по форме, но не содержит больше полезного ископаемого. Тогда уверенно говорят: «Выклинилась по содержанию», хотя и тут может оказаться, что через несколько метров полезный минерал опять появится. Но ведь у вас-то здесь совершенно другое.

— С каких пор геологи перестали называть выклиниванием постепенное сокращение мощности жилы, превращение ее в тонкий проводник, а затем и полное исчезновение.

— А разве кто-нибудь это отрицает?

— Я назову вам немало забоев, где жилы постепенно сошли на нет,— не меняя тона продолжал Корчмарев.

— Хорошо. Пусть так. Но давайте рассуждать,— продолжал Тарасов.— Иногда жила начинает уменьшаться по мощности, потом разделяется на тонкие проводнички — прожилки. Вот так, например, на манер конского хвоста. Тогда все правильно. Но если ваша жила на протяжении двух-трех, пусть даже десяти метров, сходит на нет или просто встречается пустую породу, оборвавшись сразу, то тут дело принимает другой оборот. Смотрите, разве такое выклинивание не может быть нарушением, разрывом, по которому потерянное вами продолжение жилы отодвинуто в сторону.

— Мы не раз пробовали объявить жилу потерянной и искали. Но безрезультатно.

— Видел. Но не могу считать эти поиски достаточными.

— Это больше теоретический, чем практический вопрос. Для решения научных проблем у нас нет ни времени, ни рабочих рук, ни денег.

— А для того чтобы ставить одну шахту за другой на консервацию, у вас есть и время, и люди, и деньги,— зло ответил Тарасов.

— Решения о консервации утверждаются трестом.

— После ваших представлений. Но зато ваших предложений или просьб об усилении разведок или о поисках потерянных рудных жил я в тресте не видел.

— Зная отношение к нашему руднику, я даже не ставил подобных вопросов. И уверен, что ничего не дадут. Только бумагу да нервы тратить.

Пальщик снова появился в штреке.

— У меня готово. Палить?

— Зажигай, говорили же тебе,— ответил Корчмаев. Рабочий не стал вступать в прения и скрылся в выработке, а через минуту вылез оттуда уже со всем своим багажом, крикнул «гоориит!», пошел к квершлагу, и огонек его лампы исчез за поворотом. В наступившей тишине несколько раз гулко отдались и замолкли шаги. Теперь стал слышен шорох капель, стекающих по крепи и падающих вниз на почву выработки.

На мгновение Тарасова охватила тревога. Взрыв должен был произойти с минуты на минуту и совсем рядом, всего в нескольких метрах; но тут же успокоился. Он ведь был не один, а вместе с главным инженером и своим испытанным проводником. Не будут же

они подвергать себя смертельной опасности. Вероятно, они знают обстановку, тем более оба не обратили внимания на предупредительный крик.

То и дело поправляя сползающие на нос очки, Корчмарев рсточал красноречие по поводу того, что бессмысленно хвататься за весьма проблематичную задачу поисков потерянных жил. А тем более без разрешения свыше приступить к какой бы то ни было ревизии или деконсервации заброшенных рудников.

Его прервал Устинов.

— Пошли, однако, товарищи. А то не ровен час, стукнет раньше времени. Парня-то вы зря подзудили. Это дело такое...

— Пошли,— согласился Корчмарев.

Все трое поднялись и попробовали двинуться в глубину забоя через кучу камней, на которых они сидели. Но шахтерские лампочки-карбидки осветили лишь узкую лазейку, а чуть дальше сразу же блеснули капли воды на сплошной стене нетронутой породы.

— Давайте кверху, в старые,— подсказал Устинов.

Он подтянулся на руках, держась за перекладки крепи. Попробовал протиснуться в отверстие между редкими бревнышками, но, выругавшись, спрыгнул.

— Завалено, сплошь...

— Попробуем назад,— дрожащим голосом предложил главный инженер.

— Поздно, Виктор Иванович. Проспорили самое время. Да и я-то, старый дурак, заслушался...

Три человека стояли, прижавшись к хаосу камней у стены заброшенного забоя. Лишь несколько метров отделяло их от надежного укрытия в квершлагге... Но оно было недосягаемо...

Теперь все зависело от бесконечного числа причин, случайностей.

У каждого из них мелькала мысль: «А что если попытать счастья? Пробежать эти предательские несколько метров. Точнее, всего два-три метра мимо самого устья рассечки... Была не была!» Но это было слишком опасно.

— Какие у него шнуры? — спросил Тарасов.

— А я откуда знаю,— признался Корчмарев.

— Неушто же подрезал покороче. Не может того быть,— заключил Устинов, но не сдвинулся с места.

В пылу спора, даже когда Корчмарев сделал пальщику столь неуместный выговор, а Тарасов и Устинов понимающе переглянулись между собой, никто не обратил внимания ни на глубину подготовленных к зарядке шпуров, ни на материал, с которым пришел пальщик. Пороховой шнур разных марок горит с разной скоростью... Кто знал, какой именно заряжен в этот раз. Да, кроме того, даже самые точные сведения теперь уже не могли помочь... Никто не мог сказать, сколько времени прошло с момента, когда шнуры были зажжены.

— Но этот-то подлец знал наверняка, что отсюда выходы закрыты,— выругался Корчмарев.

— Сами же вы ему сказали: зажигай, старыми работами уйдем,— напомнил Тарасов.

Напряжение росло. Казалось, с момента возникновения опасности прошло столько времени, что можно было бы не только пробежать мимо рассечки, а вообще подняться из шахты на поверхность.

— Эх вы! Главным называется,— не выдержал Тарасов.— Так рудник знаете, что себя спасти не в силах, да и...

Закончить фразу не дал глухой взрыв, за первым последовал второй...

Рассечка оказалась короткой. Вместе с облаком пыли, в первую же секунду погасившим лампы, к ненадежному убежищу полетели осколки камней...

Третий удар! Четвертый...

Дышать становилось все труднее. Пыль смешивалась с удушливым запахом газов. Трое людей, прижавшись друг к другу, неподвижно и молча стояли на месте...

Взрывы прекратились. Начало понемногу тянуть свежим воздухом.

Но теперь появилась новая причина для беспокойства. Еще до того как подойти к выброшенной из рассечки породе и найти путь перебраться через нее, у каждого из оказавшихся в ловушке возникал один и тот же вопрос: «Все ли взорвалось?..» Корчмарев проклинал свою беспечность, он даже не поинтересовался, сколько должно быть взорвано шпуров.

Обычно, когда проходится любая горная выработка и «зеркало» забоя подрывается сразу, шнуры распола-

гают по определенной схеме. Какая-то часть из них должна быть взорвана первой, чтобы облегчить отрыв остальной массы породы. Это так называемый вруб. Иногда его располагают внизу, чтобы к силе взрыва прибавить еще и силу тяжести пород, облегчить отрыв от материка. Часто вруб делают посередине забоя. Три-четыре шпура наклоняют друг к другу. Получается подобие пирамиды. Она создает свободное пространство, в которое могут устремиться обломки, отрывающиеся следующими взрывами в боковых частях забоя.

— Вроде у нас четверья никогда не рвут,— вымолвил Устинов.— Меньше пяти, так и вруба не получится.

— Недочет, наверное,— заметил Тарасов.

— Рано каркать. Подождите еще,— попробовал успокоить спутников осрамившийся главный инженер.

Потянулись томительные минуты ожидания... Недочетом часто называют заряд, невзорвавшийся по каким-либо причинам. Он всегда очень опасен... Не исключено, что в груде камней, где-то совсем рядом, у ног людей, тлеет шнур, и, оставшиеся невредимыми после основного взрыва, они будут отброшены и искалечены взрывом недочета.

«При обнаружении недочета,— говорилось в инструкции,— не разрешается приближаться к взорванному забою и вывалу из него раньше чем через 30—40 минут...»

Терпение истощалось. Сначала Устинов, а за ним остальные засветили лампочки-карбидки.

Медленно колеблющееся пыльное облако все еще держалось в штреке. Постепенно оно рассеивалось. Стала видна куча породы, выброшенная из расщелины. Тарасов первым шагнул к ней, рядом с ним Устинов, а за ними боязливо двинулся Корчмарев.

Породы оказалось немного, и разбирать ее не пришлось. Согнувшись в три погибели, тщательно осматривая и ощупывая ногой каждый шаг, они продвинулись вперед и уже почти перебрались через преграду, когда Тарасов, забыв об осторожности, вонзил в обломки свою кайлушку, а вытянув ее, едва не выронил из рук... На остром конце блеснул чудом не взорвавшийся капсюль. Кайлушка прошла его насквозь, но по самому краю, не касаясь смертоносной начинки.

— Капсюль! — крикнул Устинов.

Но Тарасов и сам понимал опасность. В первый момент было желание отбросить кайлушку с капсюлем в сторону... Но в навале породы могли быть еще недочеты, и от небольшого взрыва они сдетонируют. Можно, конечно, отойти в сторону и отбросить кайлушку там... Но капсюль медный, а кайло стальное. Чиркнет случайно, появится искра — и конец!

Тарасов шагнул по штреку, неестественно вытянув вперед руку с находкой. Несколько раз он останавливался, как бы подыскивая место, куда лучше всего отбросить капсюль. Но, опомнившись, шел вперед по штреку, по квершлагу, поднимался по лестницам, ходам, не останавливался на промежуточных площадках, упорно добираясь к поверхности.

Только там, присев на первое попавшееся бревно, чуть в стороне от устья шахты, когда сознание пришло в норму, Тарасов спокойно снял капсюль и положил его в карман, хотя это можно было сделать сразу, на месте. Он заметил рядом Устинова и рассмеялся:

— Как же это мы с тобой, Устиныч, а?

— Бывает...

— А где же главный? — спросил Тарасов.

— Переодеваться пошел, — с усмешкой ответил старик.

— Жаль! Надо бы доспорить.

— Без толку. Видно, без него придется... Устинов был, безусловно, прав. Надо было делать, делать многое... а времени оставалось все меньше.

Спустя несколько дней Тарасов встретил приземистого парня с сердитым взглядом, палившего в рассечке, когда они оказались прижатыми к старому забою.

— Здравствуй, знакомец! Ну как, здорово тебе попало от главного тогда? — шутиливо спросил Тарасов.

— Да ну! И не ходил. Я же ничем не виноват. Видно, с вами поспорил, а на меня с выговором. Надо было спокойно повернуться и уйти, пускай сам бы он палил. Людей я пожалел. Смену им надо было обеспечить.

— Но кое-то в чем он ведь прав был. А?

Взрывник рассмеялся.

— А разве по-человечески это же сказать нельзя?

— Сколько вы тогда шпуров заряжали? — спросил Тарасов, уходя от необходимости давать характеристику человеку, виноватому во всем, что могло случиться.

— Пять. Про недочет знаю. В квершлагге стоял, как вы капсюль свой выносили. Да теперь, пожалуй, уже весь рудник об этом знает. Смеется народ. Говорят, Тарасов мужик подходящий, что хошь найдет, недочет враз ликвидировал.

— Ну? А что я его на-гора ташил, молчат?!

— Просто счастливый вы человек, и только,— не замечая шуток продолжал взрывник.— Хотя я тогда шнуры чуть не в два раза дольше отрезал, чем надо. Думал, опомнитесь, что уходить надо. Слышу — нет. Срок подходит, а они сидят, Корчмарев разливается... Минуты три я ждал, может и меньше, пока сам не напугался. Тушить — поздно; вам крикнуть — еще хуже: люди могут разум потерять. Не дай бог с испугу от крика бросились бы кто куда, замешкались, поскользнулись, да мало ли. Пока рвало, меня всего как в лихорадке било. А тут еще недочет! Только когда голоса ваши услышал, полегчало. Живы, думаю, целые. Тогда сразу про обиду свою вспомнил... Не наш он, главный-то, не горный человек.

— Ишь ты какой...

— Мы все такие... А он, Корчмарев, фабрику свою знает да, рассказывают, бумаги может сочинять, и все... А тут надо вместе с народом, артельно в горе дело делать.

Вот и этот говорит — надо, но как?..

10

Тарасовка

Польников приходил домой после тяжелого рабочего дня. Хозяйство у него было небольшим, но разнообразным и потому сложным, особенно если принять во внимание, что рудник жил на очень ограниченные средства. Нужно было напрягать все нервы, всю волю, чтобы не опустить руки, чтобы поддерживать рабочее состояние всего коллектива, пресекать неверие в завтрашний день, которое нет-нет да проскальзывало.

Тарасов все дни, а иногда и сутки напролет проводил в выработках. Подолгу беседовал со старыми горняками, много лет поработавшими в шахтах Кара-Кыза. Уходил с первыми лучами солнца, как и Польников, а возвращался, когда ноги уже подгибались от усталости. Бывало, выбившись из сил, Устиныч просил пощады и отправлялся домой. Он знал, что любые попытки вытащить Тарасова из шахты, особенно если найдено что-то интересное, безнадежны.

Польников чувствовал, что Тарасов поверил в возможность сохранить огни рудничного поселка и, значит, стал союзником коллектива. Главным, но не самым сильным. Отдалить или отменить приезд московской комиссии, которая должна вынести окончательное реше-

ние о судьбе рудника, могли только какие-то коренные изменения в его делах. Прежде всего следовало выполнять план добычи золота или хотя приблизиться к нему, иметь запас руды, который можно разрабатывать, и реальные доказательства перспективности дальнейших разведок.

Директору казалось, что геолог действует слишком медленно, забыл об опасности, нависшей над рудником, о задачах, которые нужно решать немедленно. Ведь даже если он что-то и придумал, то едва ли представители центра станут считаться с высказываниями какого-то районного инженера.

Как вернуть Тарасова к суровой действительности? Подсказывали же Польшникову в тресте, что «чудак» в этой комиссии человек неподходящий. «Попросили бы вы назначить кого-нибудь постарше, поопытнее»,— говорили ему. Может быть, и правда... Хотя, конечно, от него никак не зависел состав комиссии.

Однажды он специально просидел за столом до глубокой ночи в ожидании своего сожителя, рассчитывая за крепким чаем либо за рюмкой водки поговорить начистоту. Но Тарасов пришел лишь под утро. Заряд пропал, а утренний разговор вылился в стычку.

Польшников обратился к лежащему на кровати геологу.

— Скажи, долго еще твои экскурсии будут продолжаться? Не пора ли хоть что-то решать.

Тарасов вскочил, рывком натянул на себя одежду.

— Немного еще потерпи; кажется, начинает получаться. Кое-что я уже теперь знаю твердо.

— Я-то могу ждать и потерпеть, а вот дело не ждет.

— Неужели ты вообразил, что я ничего не понимаю?

— Пока я вижу, что ты, Михаил Федорович, тянешь, да еще и молчишь.

— Скоро заговорю.

— Смотри, как бы не опоздать.

— Тебе не нравится, как я работаю? Так попроси у треста другого эксперта. На мне свет клином не сошелся.

— Теперь просить поздно, все сроки прошли,— в сердцах ответил Польшников. Стукнул дверью и вышел на улицу.

Размолвка продолжалась почти всю неделю. Просвет появился в день выздоровления соседки. Оба еще спали, когда она, потихоньку войдя в дом, ахнула и принялась за уборку, затопила печи.

Хозяин и гость проснулись в тепле, да еще наполненным вкусным запахом жареной картошки. Дружно встали, плотно позавтракали и, получив команду «без бани домой не являться», в отличном настроении разошлись на работу.

Вечером впервые за много дней вместе сели за стол, накрытый чистой скатертью.

— Как с планом? — осторожно спросил Тарасов.

— Не спрашивай. Опять за месяц сорок пять — пятьдесят процентов, не больше.

— Все дни?

— А что? — насторожился Польшников.

— Интересно.

— Несколько смен фабрика давала лучше, чем обычно. Дня два совсем хорошо, даже больше плана. Но я теперь радоваться не тороплюсь. Раньше тоже бывали дни, когда какой-нибудь государственный участок или артель старателей вперед вырвутся. Дадут немного хорошей руды, смену-две отработаем, а там опять все по-старому.

— Да ты, я вижу, скептиком стал.

— На каком же основании такой вывод?

— Даже мечтать боишься.

— Зато ты сегодня, Михаил Федорович, больно весел.

— Давай-ка лучше спать, а то опять поругаемся.

— Нет. Давай серьезно поговорим. На днях собираемся послушать твою информацию в партийной организации. Пойми же, терпения не хватает.

— Ванечка, дорогой, только не злись. Прошу тебя, помолчим еще недельку, не больше. Честное слово!

Ответ Тарасова, да еще в такой неожиданно теплой форме, вызвал улыбку у готового разозлиться Польшникова.

— А что тебе даст такая отсрочка?

— Не мне, а нам, всем нам. Хочу, чтобы огни Кара-Кыза не потухли, веришь?

— Пожалуй, верю.

— Вот и все. Большого я и не хочу.

— Ладно, несколько дней потерпим.

Утром Тарасов опять ушел до рассвета.

В последующие сутки он являлся домой в самое неопределенное время, чаще глубокой ночью. Спал часа три-четыре. Съедал, что оказывалось на столе, и убежал снова.

Непрерывна и бесконечно многообразна жизнь Земли. Свыше трех миллиардов лет насчитывает одна лишь достоверная история ее каменной корки, доступной для непосредственного наблюдения.

Человек нашел способы определять возраст камня с точностью до нескольких тысяч лет. Но для этого нужно иметь этот самый камень и подвергнуть его очень сложному анализу. Обнаружить радиоактивные минералы и выяснить, какое количество их успело подвергнуться распаду, скорость которого известна.

Ученые долго спорили, что считать земной корой. Многие согласились называть этим термином каменную оболочку планеты, как говорят, литосферу. Однако никто не знал, где кончается камень и начинается то, что следует относить к мантии, и где ее граница с ядром Земли. Решение принесли детальные исследования скорости прохождения через Землю сейсмических волн, вызываемых землетрясениями. Оказалось, что они ведут себя удивительно оригинально. Распространяясь всюду вблизи поверхности Земли с почти одинаковой скоростью, на некоторых глубинах они испытывают резкое ускорение или замедление.

Так, на глубине от восьми до семидесяти километров от поверхности (глубина эта больше в горах, а меньше на дне океанов) скорость резко возрастает. По мере дальнейшего движения волн к центру Земли происходит еще несколько скачков скорости. Каждое такое изменение, несомненно, свидетельствует о том, что волна вошла в среду, находящуюся в каком-то другом состоянии, обладающую, например, большей плотностью или иной электропроводностью. Эти изменения удалось измерить, а значит, и выяснить некоторые данные о состоянии внутренних частей Земли.

Так было установлено, что внутренняя часть Земли вовсе не огненно-жидкая, как предполагали некоторые ученые, и вместе с тем не состоит из сплошной массы железа и никеля, как утверждали другие.

Неопровержимо доказано, что внутреннее вещество нашей планеты находится в исключительно уплотненном состоянии. Оно много тверже самой крепкой стали, хотя по химическому составу, вероятно, не очень отличается от веществ, слагающих поверхность Земли. На больших глубинах господствуют колоссальные давления и довольно высокая температура; благодаря этому любое вещество приобретает новые свойства. Уменьшаются расстояния между составляющими его ионами или атомами, а затем и между частями атома — электронами. Как говорят, вещество становится металлизированным.

Но если только сократится давление, например в результате появления какой-нибудь трещины, металлизированные массы разнообразных веществ потекут в сторону этой трещины. Так образуется расплав-раствор, который называют магмой. Иногда через открытые жерла вулканов магма выливается на поверхность, и тогда ее можно наблюдать либо в виде потоков расплавленного камня в момент извержения, либо в виде скоплений застывшей лавы, например громадных масс черного базальта.

Широко известны извержения лавы из Везувия, Этны, Ключевской сопки или лавовые озера на Гавайских островах. В различных частях земного шара можно встретить следы извержений ныне потухших вулканов.

В зависимости от химического состава лава может быть жидкой и будет течь, почти как вода, или, напротив, окажется настолько густой, что не выдержит и взорвется вся вулканическая постройка. Так, относительно недавно на глазах человечества произошли страшные взрывы вулканических гор Бандайсан в Японии и Рокота в Индонезии.

Но может случиться, что магма, устремившись в трещину, расплавит окружающие горные породы, а затем застынет, не достигнув поверхности. Пройдут многие тысячелетия. Вода, ветер, солнце, разрушая горы, обнажат эту застывшую на глубине магму. Она предстанет перед взорами людей в виде массы кристаллических горных пород, например гранитов.

Большинство ученых считают, что образование магмы и ее кристаллизация происходят в верхних частях земной коры. Особенность этой части Земли заключается в ее подвижности; здесь идет непрерывное разделение

веществ по удельным весам: легкие частицы всплывают вверх, а более тяжелые остаются на месте или даже несколько опускаются вглубь.

В момент образования магма содержит практически все химические элементы, известные человеку. По мере того как снижается температура магмы и изменяется давление, из раствора-расплава начинают выпадать различные минералы.

Дольше других задерживаются в расплаве соединения с летучими элементами, например бором, фтором или хлором. Здесь могут быть и олово, и золото, многие редкие и цветные металлы. Такие части магмы легко подвижны. При малейшей возможности они устремляются в стороны по порам или трещинам. Посланцы магмы будут вступать в химические реакции обмена с окружающими их породами. Начинается образование самых разнообразных по форме тел. Если такое тело выполнит открытую трещину, то получится жила.

Но разнообразные жилы или скопления магматических пород непрерывно подвергаются изменениям. Их разрушают или изменяют новые порции магмы на глубине, а вблизи поверхности — выветривание; кроме того, их будут разбивать новые разнообразные трещины.

Доказательства справедливости приведенных рассуждений Тарасов встречал на каждом шагу, когда ударами кайла обнажал свежие участки в кровле или стенках горных выработок. Устинов напряженно следил за своим спутником, стараясь разгадать, что же наконец сможет узнать этот человек, полюбившийся ему работоспособностью и желанием полностью разобраться в делах рудника.

Тарасов отколол кусок сланца, прорезанного тонкой кварцевой жилой, и протянул его Устинову.

— Хороша, а?!

На поверхности обломка красовалась створка раковины, как бы высеченная искусным художником. Камень сохранил мельчайшие детали рисунка.

— Этого добра нам не занимать. Правда, здесь они попадают реже, чем в известняках, только нам-то к чему эти ракушки.

— Вот тут уж мы не сойдемся,— твердо ответил Тарасов.

— Я к тому говорю, что в них нашего металла нет. По крайней мере жизнь прожил, а не слышал, чтобы из каменных ракушек золото или другой добрый металл добывали.

— Давайте разберемся.

— Ну-ну.

— На глубине из магмы образовались, к примеру, граниты. Прошли миллионы лет, и наши граниты оказались на поверхности земли, открытые теплу и холоду, ветру и воде. Да вот смотрите,— Тарасов поднял обломок породы.— Сколько в нем разнообразных минералов. Один темный, другой светлый, один твердый, другой помягче. В одном содержатся железо и сера, в другом — алюминий и кремний. Попала вода. Тот, что из железа и серы, начнет окисляться, какой-то из минералов растворится, а третий, кварц например, останется таким, как был.

— Это понятно.

— Ладно. Допустим, что солнце согрело камень. Темные минералы нагреются быстрее светлых, а ночью или в дождь быстрее остынут. В результате появятся трещинки, а потом и вся порода рассыплется. Оторванные куски покатаются по склону. Их подхватят потоки, отшлифуют, отсортируют — тяжелые и крупные камни останутся на месте, легкие или мелкие частицы поток понесет вниз и там где-то отложит. Пройдут снова многие миллионы лет, и обломки сцементируются, превратятся в каменьясадочные горные породы. Покрываясь новыми толщами, они будут опускаться на глубину, сомнутся в складки или разорвутся, а там, гляди, новые порции магмы захватят их и переплавят. Однако даже и в этом случае у геолога остается немало данных, по которым можно судить о возрасте и условиях образования пород. Самое простое — искать остатки животных или растительных организмов, погибших и захороненных природой в период накопления слоя песчаников, сланцев или известняков.

— Это все понятно. Ну а где же золото?

— Сейчас. Представьте себе, что осадочные слои были не только смяты в складки, но еще разорваны трещинами. По таким трещинам прошли растворы с золотом, отложились рудные жилы. Но позднее могли оказаться разорванными не только слои горных пород, но

и эти жилы. Часто такие разрывы сопровождаются подвижками. Куски жил или слоев вместе с жилами могут еще и передвинуться на десятки, а то и на сотни метров.

— У нас говорят: сброшены.

— Правильно. Сброшены или сдвинуты, когда как. А то бывает, что сбросит, да еще и подвинет в сторону. Попробуй найти такое сброшенное крыло, если не знаешь, как лежат горные породы на всем участке.

— Да, дело замысловатое...

— Вот тут-то и пригодятся ракушки. В одном слое они есть, в другом нет. А если и найдутся, то каждый раз иные. По ним можно приблизительно определить возраст горных пород, а значит, и строение участка.

Горная выработка, по которой шли Тарасов и Устинов, была штреком, то есть шла по рудному телу. Она прорезала устойчивые горные породы и почти не имела крепи. Редкие стойки и поперечные лежни на них не мешали осмотру. Среди массы темно-серых, почти черных осадочных пород хорошо выделялась белесая полоса кварца толщиной в полметра.

Стеклянный, местами чуть жирный блеск кварца особенно хорошо выделялся в центральной части жилы, где было меньше разнообразных включений. Ближе к краям располагалось много рыжеватых пятен окислов железа и золотисто-желтых скоплений сернистого железа (пирита) иногда с медью (халькопирита), подернутых радужной пленкой с синеватым оттенком.

— Взгляните, Устиныч,— заметил Тарасов, отбивая образец,— вот вам доказательство. Обратите внимание, как идет выработка. Прямая как стрела, и жила все время посередине кровли. Мощность ее почти не меняется. Только местами отходят прожилки, да вот тут раздвоилась, обтекла кусок породы и снова сошлась.

— Ну и что же из этого? — сказал Устинов, явно не понимая, к чему Тарасов завел такой длинный разговор.— На Кара-Кызе у нас почти все жилы, почитай, такие же.

— Вот-вот!.. Пошли к забою!

В забое жилы не было. Свет карбидок открывал ровно окрашенные темно-серые пустые породы. По трещинкам просачивалась вода, и только ее капли да ржа-

вые пятна поблескивали на немой стене. Ни единого пятнышка кварца.

— Жилы-то и след простыл, Устиныч!

— Кончилась она. Выклинилась. Помню я эту жилу. Хорошее золото брали. Тут и вверху, и внизу все вынуто.

— Нет, Устиныч, не так все просто.

— Я же сам здесь работал, знаю.

— На какой работе?

— Дай бог памяти, пожалуй, из откатчиков уже вышел. Наверное, сам в забое стоял.

— В это можно поверить. Такие, как вы, работали, а те, кому смотреть полагалось, ушами щи хлебали.

— Почему же?

— Да потому, что если бы такая жила выклинилась, то на протяжении нескольких метров можно было заметить ее продолжение — след; пусть хоть трещинку с небольшим количеством кварца или полоску измененных пород, а этого нет. Шла, шла жила в полметра толщиной. До забоя дошла, раз!.. И нету. Кончилась. Так не бывает.

— Не сброс ли, думаете?

— А что думать — вот он, край жилы. Как ножом обрезана. По самому срезу есть отполированные участки, а трещина, по которой прошел сброс, видна и в кровле, и в стенке.

— А почему тут точно рубцы на ране.

— Наконец-то заметил?! Это, Устиныч, следы скольжения. Огромная сила сдавливала породы, пыталась согнуть, они оказались хрупкими, разорвались. По трещине поползли в разные стороны крылья нашей красавицы. Смотрите! Вот в трещине притерты пластиночки глины. Осколки пород под давлением перетирались в пыль, получилась глинистая смазка. Только здесь этой глинки мало. Было бы побольше, так и вы, и другие горняки наверняка сразу сказали бы: сброс.

— Выходит, не выклинилась она...

— Безусловно. Это сброс. Помните, я Корчмареву говорил.

— Слушал я, только думал, вы это вообще.

— Просто так разговаривать мне с ним нечего.

— А ведь и наши старики, Михаил Федорович, помнится, говорили, что искать надо. Только не верили им. Раз обрезало, значит, выклинилась. Ищи новую.

— Но у вас же на руднике был геолог.

— Как его? Тундров, что ли, по фамилии? Так он же пьяница, мы его в шахте и не видели. Правильно нынешний директор сделал, чуть ли не первым его с рудника выгнал. Но то другой разговор. Теперь, выходит, надо крыло искать.

— Больно быстро.

— Почему же, вроде бы все ясно?

— Мы с вами, Устиныч, знаем, что жила сброшена, а не выклинилась. Но... На какое расстояние ее растащило, в какую сторону — неизвестно.

— Разве нельзя определить?

— Можно. Только данных еще мало. Мне думается, что сброс небольшой, а вот фактов... мало!

— Разведку бы пустить.

— Не дешевое дело! Вот когда изобретут такую машину, чтобы за несколько дней во все стороны прощупать, тогда дело будет проще.

— Долго ждать. А если попробовать рассечку задать?

— Это мог Часовников или какой-нибудь другой хозяйчик, хищник. Захотел шахту — задаст, захотел штольню — тоже можно! Отвечает только своим карманом.

— Ответа, что ли, боишься, Михайло Федорович?

— Не то. Народные деньги опасаясь потратить зря. Представь, что не получится. Делать, так наверняка.

— А если с народом посоветоваться?

— Пока сам толком не разберусь, никому и ничего говорить не буду. Одно дело думать, другое — доказывать. Я вот, например, считаю, что эта жила оторвана метра на три. Пройти бы вперед этим забоем метра два, а потом под прямым углом... Но ее могло оттащить и на десять, да не вправо, а влево. Вот тогда и будет мне цена, что старому венику.

— Так ведь здесь золото доброе шло. Если опять его откроем, сразу можно рудник на хорошее место вывести: и план будет, и рабочим заработка. А ты авторитет боишься подмочить.

— Ладно, Устиныч, хватит. Спорить не стану. Разберусь толком, тогда и подумаем, как лучше быть.

Разговор оборвался. В следующие дни Устинов не раз пробовал возобновить беседу о сброшенной жиле,

но Тарасов отмалчивался, а как-то даже рассердился и заявил:

— Видно, и вовсе, Устиныч, говорить мне о своих мыслях не следовало. Неужели все тут думают, что я плохого хочу.

— Чего ты хочешь, я давно понял. Только, по моему стариковскому разумению, когда дело пошло о жизни или смерти рудника, резинку тянуть нечего.

— А что, общее собрание созывать? Рано. Доказательств потребуют, а их пока с гулькин нос.

— А их никогда у тебя и не будет.

— Будут, и скоро! Да подумай ты, партизанская голова! Если сейчас затеять разведку и провалиться, что получится? Сразу же из всех щелей вылезут разные личности: выпросили, скажут, разведку, только деньги попусту извели, забыли, что они народные... Тогда, милый мой, одно нам останется — глаза замотать и ходу отсюда...

— А если, Михайло Федорович, на одной жиле попробовать тихонько, чтобы ни одна душа не знала?

— Чепуха!

После этого разговора Тарасов окончательно замкнулся и был доволен, когда проводник, ссылаясь на хвори, все чаще оставлял его в одиночестве. Геолог продолжал напряженно работать, искал и анализировал факты, подтверждавшие, что многие из заброшенных жил вовсе не выклинились, а потеряны на сбросах, и могут быть возвращены для разработки. Он был уверен, что некоторые из этих жил можно будет найти сравнительно легко. Все чаще вспоминалось предложение Устинова попробовать тихонько.

— Но как это сделать?

На руднике почти не сохранилось планов старых горных работ, а то, что удалось восстановить, далеко не полностью отражало истину. На чертежах часто попадались надписи: «Завалено, старые работы». Еще скуднее были геологические данные; приходилось опираться только на собственные, явно недостаточные наблюдения. А это всегда страшно.

Хорошо бы посоветоваться с Польниковым, но тот на несколько дней уехал в район. К главному инженеру Тарасов не пошел, считая, что этот только помешает столь рискованной разведке, а если она начнется

вопреки его мнению, то будет ждать ошибки или любого провала. Можно было посоветоваться с Устиновым — опытный горный мастер и старый коммунист, однако старик, видимо, не на шутку расхворался. Не видно его уже дня три.

Растерянный, с чувством одиночества Тарасов вылез на поверхность из выработок, в которых провел почти сутки, и, шатаясь от усталости, побрел домой. Выспаться бы! А там что-нибудь придумается... Чтобы сократить путь, геолог свернул с дороги на тропку, идущую через заброшенные отвалы.

Около входа в одну из старых шахт группа рабочих грузила руду на таратайки. Никого из них не удивило, когда Тарасов остановился и начал перебирать белесые куски оруденелого кварца.

— Откуда руда? Со второго горизонта, с западного штрека? Целики выдираете?

— Нет. С третьего, с востока.

— Что, опять завал перебирали? Но там же и руды-то почти нет.

— Нет, вроде маленько осталось.

— Интересно. Почему же ничего не сказали? Большой целик был? Все вынули?

— Почему целик? Из забоя берем, как положено.

— Ничего не понимаю!

— Так, товарищ уполномоченный, там же ваш помощник все время. Он лучше знает. Наше дело возить.

Тарасов почти бегом спускался по стареньким лестницам. Только у перехода на второй горизонт он остановился, чтобы зажечь карбидку, и немного успокоился.

Там, куда его направили рабочие, он был и никакой руды не видел. Мелькнула мысль, что второпях пропустил скрытый завалом сохранившийся участок жилы в старых работах. Конечно, не исключено, что старатели стали выпускать и сортировать закладку — смесь руды и породы. Бывало же прежде, что какой-нибудь горный десятник или артельщик, повздорив с хозяином, а то и про запас отправлял порцию хорошей руды в закладку... Но гадать было не к чему. До третьего горизонта оставались считанные метры.

Еще от шахтного ствола Тарасов слышал голоса людей, равномерные удары молотков о бур, скрежет тачки.

Работу вели невядалеке от того места, где геолог говорил с Устиновым о сбросах и выклинивании жил. Уж этот-то участок он излазил весь и вдоль и поперек. В чем же дело?!

— Поберегись! — крикнул откатчик, везущий тачку с рудой. Следом за ним показалась знакомая фигура Устинова.

— Кто же это тебе проболтался или сам сообразил? — спросил старик.

Тарасов опешил.

— Что все это значит?

— Просчитался ты, Михайло Федорович! Мы уже совсем было собрались в обе стороны метров по десять биться, а она оказалась на втором метре, да и аккурат вправо. Хорошо, что я левую рассечку не начал. Сил не хватало.

— Жила?!

— Она самая.

— Что же ты тянешь, черт полосатый, показывай! — закричал Тарасов.

— А кто тебе не велит. Смотри!

В следующую минуту геолог был в забое нового штрека. От почвы и до кровли шла та самая жила, о которой он столько мечтал. Тот же бело-серый кварц, те же пятна окислов железа, та же мощность, что были до сброса.

— Вернулась, выходит, потеря-то наша, по-твоему расчету, как Устинов нам толковал, — говорил кто-то из забойщиков взволнованному, ничего не слышавшему Тарасову.

— Пробы не брали еще?

— Как не брали! Второй день на фабрику сдаем.

— Не волнуйся, Михайло Федорович, золото как оно есть, то же самое. Сказывал же я, что работал на этом горизонте.

— Когда только вы успели?!

— Если люди захотят да поверят, не то еще смогут. Полторы недели по четыре смены бились, проветривать не успевали, так мокрой тряпкой лицо закрывали после отпалки.

— Почему же мне-то ничего не сказали?

— Может, поругаемся? Ты же, Михайло Федорович, не хотел с народом говорить да и на меня пофыркивал.

Тарасов присел на камни, но Устинов взял его за руку.

— Посмотрел свою желанную. Образцов братъ не будешь? Ну и ладно. Пойдем отсюда. Люди по доброй руде соскучились. Пусть работают.

Старик догадывался, какие мысли овладели Тарасовым, а у того радость победы смешивалась с горечью. Было обидно, что не ему удалось первому увидеть возвращенную жилу. Но главное — это был стыд. Стыд перед Устиновым и перед теми горняками, которые после основной работы приходили сюда, рискуя здоровьем, лезли в плохо проветренный штрек, с мокрой тряпкой, едва закрывающей нос и рот, били шпурсы и вытаскивали породу. Делали это, потому что верили коммунисту Тарасову, потому что любили свой рудник, свой дом, а он не распознал их и потерял столько драгоценных дней... Разведчики шли молча, пока, донельзя уставшие, не опустились на завалинку у домика, в котором жил старый горняк.

Первым заговорил Устинов, и Тарасову пришлось выслушать немало справедливых, хотя и обидных слов. А выговорившись до конца, эти два человека стали еще бóльшими друзьями, чем раньше. Здесь же началось деловое обсуждение, как быть, что делать дальше. Оба — геолог и горный мастер — одинаково хорошо знали: в тресте настолько привыкли к выводу о бесперспективности Кара-Кыза, что в находку не поверят или посчитают ее случайной, да и на самом руднике сейчас еще найдется немало скептиков.

Если пойти обычным путем, то на составление всяких докладных записок, плана ревизионных разведок, сметы и прочих бумажных материалов уйдет масса времени... Рудник будет продолжать лихорадить. Одна жила не сможет обеспечить всю фабрику хорошей рудой.

— Конечно, мимо начальства тебе не пройти, Михайло Федорович, — говорил Устинов, — только ждать нам нельзя, да и слушать тебя будут лучше, если мы еще хоть пару жил вскрыем. Когда народ тебе поверит, что не случайно мы ту жилу вернули, так горой встанет и любое начальство слушаться заставит.

— Обидно, слов нет, но ты прав.

— Вот так-то, вот. А пока что народ за мной пойдет. Знают. Но ты подумай, где должны быть ближе потери да чтобы жилы были побогаче.

Наутро Тарасов еле удержался, чтобы не поделиться своим счастьем с Польниковым, но, подумав, решил, что и ему лучше рассказать, когда будет возвращена еще хотя бы одна жила. Он решил даже воспользоваться гостеприимством Устинова и не появляться домой несколько дней, пока не наладится разведка и поиски сброшенных жил еще на двух-трех участках. Но на следующий день оказалось, что эта мера излишняя. Польникова срочно вызвали по каким-то делам в район, а затем не менее недели он должен был пробыть на отдаленных участках рудника.

Все шло, как было задумано, пока однажды во время беседы в забое с группой своих добровольных помощников-разведчиков Тарасов не обнаружил стоящего рядом Польникова.

— Здравствуй, друг, ну показывай, где тут руда твоего имени добывается?!

— С приездом! Только что это еще за выдумки, не знаю,— недоумевающе ответил Тарасов.

— Он еще прикидывается, вот волк-то!

— Правда, Иван Васильевич, не пойму я, что ты от меня хочешь.

Приход директора в старую шахту, вечно не выполнявшую плана, был делом привычным, тем не менее во-круг беседующих сразу собралось много людей. Польников начал рассказ, отвечая не только Тарасову, но и всем окружающим.

— Приехал под утро. Побывал в конторе, домой не пошел. Думаю, все равно гостя наверняка уже нет. Двинулся на фабрику. Иду прямо к бегунам мимо конторки, а оттуда кто-то кричит. Прислушался — голос знакомый: сменный мастер отличается, да так, что скрежет бегунов заглушает. Только о чем — понять не могу. Подошел поближе, оказывается, из-за транспорта. Польникова, кстати, раза два последними словами вспомнил. Ну, думаю, раз так, надо заходить. Не успел дверь открыть, а на меня сразу человек десять набросилось: «Как же это вы приказали нам лошадей под руду не давать или, может, на конюшне вашим именем прикрываются. Тебе, директор, план не нужен, что ли? А тарасовку мы на себе таскать будем?» Делаю вид, что все понял. Говорю, ошибся, думал, что все тут в порядке. Дал разрешение взять транспорт, а сам отзываю мастера в сторону,

спрашиваю: «Что это за тарасовка объявилась? Так вот, товарищи, ваш директор и узнал, почему рудник без меня всю неделю план выполняет. А не отбери я у фабрики транспорт, так бы и жил в темноте»,— под общий хохот закончил Польшников.

Тарасов в ответ на речь директора буркнул что-то не очень связанное. Смысл сводился к тому, что никакой «тарасовки» он не знает и знать не хочет и что рассказывать ему пока нечего и «вообще все это не он, а Устинов».

— Нет, подумайте только, люди добрые,— тем же шутливым тоном продолжил Польшников,— и я с ним под одной крышей живу. Пока руды не было, так все было хорошо и квартира годилась, а теперь, говорят, и домой не показывается,— и, сразу изменив тон, добавил: — Неужели ты не понял, что каждый наш шаг у всего рудника на виду. Люди с этой шахты глаз не спускают после того дня, как мы с Устиновым против твоего желания сюда первую смену разведки послали... И на «тарасовку» ты не обижайся. Знаем, что не сам придумал. Народ так назвал. Гордиться должен. А рассказывать и показывать теперь все равно придется, хоть ты и просил повременить.

Он, конечно, был прав.

11

Телеграмма

Теперь уже не двое, а трое — Тарасов, Польшников и Устинов — обсуждали планы наступления. Согласились, что еще рано просить о помощи трест, а пока необходимо развертывать работы своими силами. Перебирали одного за другим сотрудников рудника, которых можно было привлечь к разведкам.

Польшников пригласил главного инженера. Но тот наотрез отказался включиться в организацию разведок. Да еще заявил, что не обязан участвовать в авантюрах, даже если их разрешает директор.

Произошел долгий и недобрый спор. Единственное, что удалось добиться, — это согласия Корчмарева продолжать не вмешиваться в дела разведчиков и не сообщать о них в трест. Правда, он согласился, повторив при этом несколько раз, что как специалист интересуется только работой обогатительной фабрики, а добывать руду — дело горных мастеров и инженерного искусства не требует. Даже увеличение добычи золота в последние дни он относил в основном за счет введения некоторых усовершенствований в обогащение руд, не замечая изменений в их качестве.

На другой день после вызова в директорский кабинет главный инженер объявился больным и на шахтах не появлялся.

Разведка, начатая по инициативе Устинова, продолжалась. На различных участках рудника появились энтузиасты поисков «тарасовки».

Конечно, не везде все шло гладко. Далеко не каждая потерянная жила могла быть обнаружена вновь так просто, как первая. Особенно много неприятностей могло произойти там, где разведку начинали старатели на собственный риск, не посоветовавшись с геологом. Понимая, насколько опасны последствия неудачи и разочарования у любой из таких групп, Польшников и Тарасов потребовали без договоренности с геологом поисков не начинать. Теперь все чаще к нему приходили за советом, просили подтвердить у директора, что выбранный ими забой заслуживает внимания. А он едва успевал за день обходить новые участки, не прекращая в то же время своей основной работы.

Несмотря на предосторожности, провалы бывали. Обычно они вызывались технической малограмотностью старателей. В одной из таких неудачных выработок новый забой направили не к оторванной сбросом части жилы, а в противоположную сторону. Тарасов узнал об этом, только когда старатели зря прошли уже не один метр. А в ответ на вопросы расстроенного геолога председатель артели невозмутимо ответил:

— Так Устиныч же говорил, два метра вперед да три вправо — и порядок.

Тарасов не выдержал, расхохотался.

Пришлось разыскивать Устинова.

— Это они про «Красную», — объяснил старый горный мастер, — когда я первую разведку там задавал, так рассказывал людям про нашу беседу. Сам же ты говорил: «Пройти бы забоем вперед метра три, а там вправо, под прямым углом». Мы так и шли, аккуратно на два метра вправо.

— Но то же была просто мечта, Устиныч! Хорошо, что она оправдалась. Теперь мы знаем, что сбросы отодвинули оторванные крылья жил к востоку, на расстояние от двух до двадцати метров. В той шахте у нас забой шел к северу, вот и получилось, что надо было биться вправо; а здесь забой до сброса шел почти на юг, — значит, искать-то надо было не к востоку, а к западу.

Кое-где сказывались торопливость при организации разведок и то, что каждый старатель — собственник.

Особенно старатель-одиночка; он думает, как бы найти, добыть и обязательно скрыть «свое» личное, собственное золото от окружающих.

Поиски потерянной руды часто велись в старых, заброшенных выработках. Не везде сохранилась крепь, и кое-где предательски нависала кровля, готовая обрушиться при первом же неудачном взрыве. Даже если Тарасов или Устинов успевали заметить опасность и запретить работы, это вовсе не значило, что их послушают, да и знали они далеко не о всех разведках.

Особенно не везло в старой шахте, расположенной на краю рудника, почти перед подъемом к холмам. Когда-то здесь, по рассказам стариков, добывали доброе золото. Однако никаких планов не сохранилось, а внизу прямо в стволе чернела вода.

Теперь тут началось с того, что в одном из забоев во время разборки породы взорвался недочет. По счастливой случайности разлетевшиеся при взрыве куски лишь слегка оцарапали двух рабочих. Взрывник клялся, что недочета не было.

— Все точно помню, дождался я, пока забойщики ушли, зарядили все семь шпуров. Ждал у ствола. Когда сработал седьмой, так я еще минут двадцать просидел, чтобы упредить, ежели кто полезет, пока не проветрит. Потом пошел в зарядную. Кроме старика сторожа, там никого уже не было. Можете его спросить. Пересчитал патроны, сумку повесил, лист заполнил, запер все, ключи сторожу отдал и до дому.

— Ну, а уронить заряженный патрон ты мог?

— Говорю же, как пришел в зарядную, так все пересчитал. Потери не было.

Артель попросила выделить другого, более опытного и аккуратного взрывника. Но не успели люди успокоиться, как новое происшествие заставило прекратить разведку в этой шахте на довольно значительный срок.

Очередная смена, спустившись в выработки, встретила завал, целиком заполнивший еще вчера очищенный штрек, и воду, непрерывным потоком текущую откуда-то сверху. По-видимому, за время, пока шахта не работала, за целиками или перемычками накапливалась вода, и теперь она вырывалась на свободу.

Можно было представить себе, что вначале вода стекала через какое-нибудь небольшое отверстие, кото-

рое потом засосало обломками крепи, камнями, глиной. Но такая пробка далеко не всегда устойчива. По мере того как воды становится больше, она начинает искать выход. Если поблизости обнаруживаются трещины или водопроницаемые породы, вода снова будет двигаться вниз, подчиняясь законам тяжести. Старый путь останется закрытым навсегда.

Возможно иное. Мельчайшие капельки воды постепенно будут просачиваться в окружающие горные породы — в тончайшие, незаметные для невооруженного глаза поры между зернами минералов, а иногда и между ионами в самих минералах. В одном случае капли растворят минералы, в другом — разрушат их механически, в третьем — изменят состав и свойства.

Большая часть минералов — природных химических соединений — в разной степени подвергается растворению. Одни растворяются легко и быстро, другие чрезвычайно трудно. Но геологический возраст той или иной горной породы обычно исчисляется многими сотнями тысяч, а то и миллионами лет, а за такие сроки обязательно скажется результат любого, самого медленного процесса.

В конце концов золотистый пирит, известный своими красивыми кубическими кристалликами, превращается в рыжеватые охристые окислы железа. Он отдает всю свою серу воде, и она уже в виде частичек серной кислоты уходит в более глубокие горизонты и приступает там к разрушению куда менее растворимых минералов. Кристаллы полевых шпатов постепенно превращаются в глину; на месте блестящих сернистых минералов свинца или цинка окажутся бесформенные белесые массы карбонатов этих элементов; огненно-желтый халькопирит, главная сульфидная руда на медь, может нацело исчезнуть. Следы ее сохранятся также в виде рыжих скоплений окислов железа да голубых или зеленых выцветов, среди которых иногда попадаетеся и красавец малахит.

Некоторые минералы и горные породы могут растворяться без остатка, и на их месте останутся пустоты. Именно так, например, образуются карстовые пещеры с гротами, сталактитами и сталагмитами, подземными озерами и речками, с провальными воронками и глубо-

кими естественными колодцами-шахтами, о которых сложено столько удивительных легенд.

В самых верхних слоях земная поверхность то разогревается, то остывает. Темные минералы нагреваются быстрее, но также быстрее и отдают тепло. Соответственно одни будут расширяться или сокращаться, тогда как другие еще сохраняют прежний объем; в результате появятся трещины. В трещины проберется вода; замерзая, она расширится, и даже такая твердая порода, как гранит, постепенно превратится в «дресву» — рыхлую смесь разнообразных минеральных зерен.

Ведь и самые небольшие струйки воды выполняют механическую работу — перетаскивают, шлифуют, снова откладывают захваченные ими минеральные частицы, а если воде удастся подкопать вышележащие слои, то начинаются оползни. Оползни то уничтожат дорогу, проходящую по склону гор, то разрушат здания, выстроенные без учета геологического строения местности. Лес, растущий на склонах, подверженных оползням, начинает изгибаться, становится «пьяным». А если оползень начнется в горных выработках...

Подобный случай мог иметь место и на неудачных разведках в старых шахтах Кара-Кыза. Но когда после долгих усилий расчистили завал, то выяснилось, что какие-то причины потревожили пробку; не исключалось, что вышиб ее вес собравшейся сверху воды.

На счастье, эти происшествия не вызвали человеческих жертв.

...Вечером Тарасов вернулся домой счастливым. Очередной обход разведок показал, что поиски дали отличный результат уже на нескольких участках рудника. Вместе с Польшниковым они составили подробный доклад для треста. Неопровержимо доказывалось, что рудник сможет выполнить годовой план добычи золота, что есть перспективы для значительного улучшения работы в ближайшие же месяцы — конечно, при условии, если со стороны треста будет оказана помощь. Наконец, авторы доклада выражали уверенность, что о закрытии рудника не может быть и речи.

Теперь можно было написать подробное письмо домой, жене. До этого дня он посылал только коротенькие записки о том, что жив, здоров и очень много работы. Сейчас Тарасов не мог удержаться. Он делился

пережитым, советовался и просил рассказать об успешных поисках потерянной руды тем из работников треста, кого ей удастся увидеть.

Прошло несколько дней, простудившийся геолог сидел в конторе, обрабатывая записи предыдущих дней, когда к нему вошел радист.

— Посмотрите, как же это так получается, Михаил Федорович? Мы здесь бьемся, а начальство... Эх! — выговорил он и протянул радиограмму.

В радиограмме на имя директора рудника сообщалось, что комиссия из Москвы готовится выехать в ближайшие недели. Ей поручено оформление консервации Кара-Кыза. Руководители треста требовали у Польникова и Тарасова прекратить самовольничать и ускорить подготовку документов и материалов к акту о ликвидации рудника. Объяснения причин такого категорического и срочного решения в радиограмме не было. О докладной записке, посланной геологом, даже не упоминалось. Затеряться она не могла. Очевидно, все сделанное коллективом за последние недели отрицается полностью. Радиограмма заканчивалась ссылкой на ранее данные указания и, как обычно, грозными предупреждениями.

— Не волнуйся, все равно наша возьмет, — стараясь сохранить внешнее спокойствие, ответил Тарасов. — Неси Ивану Васильевичу.

Радист ушел, а Тарасов заметался по комнате.

«Распоряжение противоречит здравому смыслу, — думал он. — Но, быть может, записка еще не получена, а ежедневные сводки о добыче золота на руднике не привлекли внимания? Рост добычи могли счесть случайностью, как одно время полагал даже главный инженер рудника... Или неведомая подлая душа скрывает от трестовского начальства изменение к лучшему дел на Кара-Кызе?»

Через несколько минут Польников пригласил Тарасова к себе в кабинет и протянул радиограмму.

— Погляди, что там надумали...

— Уже читал.

— Предупреждение — шах, можно сказать, — горько усмехнулся Польников и тут же, вскочив, с силой ударил кулаком по столу: — А вот мата не будет, Михаил Федорович, не будет...

- Но неужели они не получили нашей записки?!
- Не придумывай. Доклад наш давно у начальства..
- Тогда я совершенно отказываюсь понимать.
- Обычная история — бюрократическая, одни полу-

чили, другие сделали вид, что не читали, третьи не доложили, а четвертым о таких делах и знать не положено... Думаю, что в тресте сильны людишки, кровно заинтересованные в ликвидации золотых рудников. Алтай.

— Что же будем делать, Иван Васильевич?

— Пришло время все рассказать нашему рудничному народу — горнякам. На атаку надо отвечать контратакой. Оружие у нас теперь есть. Сейчас соберутся товарищи, не уходи.

Польников занялся бумагами, а Тарасов приник к окну.

Хмурое осеннее утро казалось особенно неприветливым. Рыхлый туман окутывал поселок. Очертания домов и окружающие холмы выступали в нем близкими расплывающимися контурами.

Гряды холмов, поднимавшихся ступеньками, окрашенные каменистыми осыпями в рыжеватые тона, закрывали горизонт. Лишь в нескольких местах их ровные контуры разнообразили скальные обнажения, в которых угадывались выходы на поверхность кварцевых жил или других устойчивых горных пород. Правда, в этих местах кварцевые жилы часто содержат золото, и потому их пересекают яркие полосы разведочных канав — характерный признак пейзажа любого горнопромышленного района.

Холмы скрывали все, что было за ними, но с высоты, наверное, можно было бы увидеть, как холмы смыкаются с предгорьями Калбинского хребта, островерхими вершинами, круто спускающимися к долине Иртыша. Туман, обычный здесь по утрам, заволакивал окружающее, появлялся своеобразный зрительный эффект: даже очень далекие предметы казались ближе; резко сокращался кругозор.

В кабинет входили члены партийного бюро, начальники участков, парторг, главный инженер. Последними появились Устинов, несколько горных мастеров и председателей старательских артелей. Радиogramма переходила из рук в руки, и каждый из входивших реагировал

по-своему. Одни открыто выражали возмущение, другие обращались с короткими вопросами к угрюмо молчавшему Тарасову, остальные недоуменно покачивали головой и усаживались, ожидая, что скажут старшие.

Директор обратился к собравшимся:

— Распоряжение треста теперь всем известно. Нам необходимо посоветоваться. Прежде всего хотелось бы выслушать присутствующего здесь уполномоченного. Вероятно, он сумеет внести ясность в создавшуюся обстановку.

Для геолога это было неожиданностью. Он никогда не считал себя уполномоченным по подготовке рудника к консервации; ему до боли хотелось разобраться в причинах отставания рудника, помочь работающим здесь людям. Как инженера его очень интересовало строение золоторудного месторождения Кара-Кыз. Все его взгляды были хорошо известны присутствующим. А по поводу телеграммы ему вообще не хотелось говорить. Титул, который назвал Польшников, сразу отделил Тарасова от остальных участников совещания. На мгновение он почувствовал себя чужим, мелькнула мысль, что товарищи могут посчитать его причастным к злополучной телеграмме! Как смеет Польшников делать такие намеки. За что такая несправедливость?! Геолог резко поднялся:

— Все, кто находятся здесь, хорошо знают, что наша страна богата золотыми месторождениями, и, конечно, ей не нужно золото, добыча которого дороже золота. Но здесь дело не только в этом. Хищническая, технически безграмотная разработка Кара-Кыза привела к потере главных рудных тел. Работали последние годы на остатках прежней роскоши, случайно найденных маленьких обогащенных участках в давно заброшенных выработках да на перемысле отходов минувших лет. Теперь это в прошлом. Мы отыскиали потерянную руду. Сколько времени рудник сможет работать нормально, как будет расти или, допустим, сокращаться — покажет недалекое будущее. Уже сейчас мы обеспечены хорошей рудой месяцев на пять, хотя разведка только началась. Вместе с товарищем Польшниковым мы написали об этом в трест. Но видимо, доклад еще не получен либо в нем не разобрались. По-моему, телеграмма является недоразумением. Разве можно сейчас говорить о ликвидации рудника? Чистый абсурд.

— Вы закончили? — официальным тоном спросил Польшников.

— Остальное понятно и так.

— Что именно?

— Надо спокойно продолжать начатую работу; успешно завершить годовую программу добычи золота; вернуть государству долг за прошлые месяцы. Одновременно добиваться отмены...

Корчмарев вкрадчиво спросил:

— Выходит, что вы предложили нам не выполнять распоряжение треста и указание из Москвы? Но может быть, там есть какие-то другие соображения, о которых в телеграмме не сообщается.

— Думаю, что я не одинок в своих выводах, а кста-ти,— огрызнулся Тарасов,— впервые вижу главного инженера, желающего ликвидации рудника, которым он сам руководит.

— Боюсь, что вы чересчур увлекаетесь,— не остался в долгу Корчмарев.

В спор вступил кто-то из присутствующих.

— Не получилось бы, как с осиновыми дровами. Треску много, тепла мало. Сомневаюсь, чтобы у вас были полномочия выступать здесь с такими речами, товарищ Тарасов.

— Это право здравого смысла!

Начавшуюся перепалку оборвал Польшников, прочитавший сводку о работе рудника. В последние недели добыча металла непрерывно росла. Ежедневно в кассу поступало в три-четыре раза больше золота, чем месяц назад; почти двести процентов суточного задания. Польшников читал цифры за каждый день. Закончил он фразой, что если бы удалось сохранить достигнутый уровень, то годовой план будет выполнен. Несколько цифр будто подлили масла в огонь. Критика в адрес сторонников ликвидации обострилась предельно. Даже наиболее осторожным, не желавшим вначале вмешиваться, передался энтузиазм Тарасова и Польшникова. Совещание решило: продолжать разведку, усиливать добычу и всеми силами отстаивать рудник.

Довольно большая группа усталых людей осталась в кабинете по просьбе секретаря партячейки. Закурили в ожидании, пока беспартийные покинут контору.

Явно обескураженный ходом обсуждения и репликами в его адрес, Корчмарев, насупившись, сидел в углу.

Усталость брала свое, и людям, несмотря на то что они только что пережили столь бурную борьбу, начинало становиться безразлично. Именно эту усталость и попробовали использовать два-три сторонника отказа от спора с трестом. Один из них назвал Тарасова авантюристом, а Польшникова — идущим у того на поводу. Потом последовали выкрики, что руководитель рудника неправильно себя ведет по отношению к вышестоящему начальству.

В первую минуту люди молчали, не веря в то, что они услышали. Потом кто-то спросил.

— Ну и что же ты предлагаешь?

— Обсудить вопрос об их пребывании в партии, а решение треста немедленно выполнить.

Одним из первых опомнился Польшников.

— Если так, давайте соберем всех коммунистов рудника и расскажем им все, как есть. Это не так трудно, большинство уже здесь, — предложил Польшников, — такие разговоры должна слушать вся партячейка.

С ним согласились. В томительном ожидании прошло около получаса. Наконец люди собрались, встревоженные неурочным созывом. В президиуме оказались двое рабочих и Корчмарев. Прослушали сообщение Польшникова.

Снова началось бурное обсуждение. Председателю с трудом удалось успокоить собрание. Снова было поддержано решение бороться! А в связи со сложностью обстановки решили, что надо усилить партийное бюро.

После недолгих прений секретарем единогласно был избран Устинов.

Перед уходом из кабинета Польшников подозвал Корчмарева и сказал с необычной для него строгостью:

— Вы ограничились репликами на совещании — правильно сделали. На собрании вам ничего не оставалось, как воздержаться от голосования. Теперь же рекомендую вам снова заболеть, а лучше поехать куда-нибудь подлечиться — в Семипалатинск, Новосибирск, а то и подальше. Единственное условие: вы ничего, понимаете, ничего не знаете о положении дел на руднике. Вот так.

— Я... подумаю... — нехотя ответил тот.

Домой возвращались в серой предрассветной мгле, вполголоса обсуждая развернувшиеся события. Постепенно отставали попутчики.

Около директорского дома их осталось только трое—Польников, Тарасов и Устинов. Старик всю дорогу молчал, да и теперь ему, видимо, не хотелось говорить, но не хотелось и оставаться одному.

— Ну и ночь, Устиныч! — проговорил геолог.

— Ночь сурьезная.

— Теперь уже наверняка больше половины поселка знает о телеграмме и собрании,— заметил Польников.

— Собрал бы ты стариков, директор, да и поговорил с ними начистоту, глядишь кое-что ладное посоветовать смогут,— предложил Устинов, и в голосе его прозвучало требование.

— Мысль толковая. Но как собрать?

— А вот так и позови не на собрание, а просто для доброго совета.

— В гости, что ли?

— А почему бы и не в гости. Зазорного в этом ничего не вижу. Хочешь, так мы сами соберемся по всем правилам.

— Получится нечто вроде того, как старый хозяин десятников к себе звал на второй день пасхи,— вмешался Тарасов.

— Не то, Михайло Федорович,— улыбнулся Устинов,— хотя коли желаешь, так за десятников вы оба с директором как раз и сойдете. Нам, старикам-то, и знать, кого приглашать и о чем беседовать. Захотим, чайку подадим, а то и на дверь покажем. Всяко бывает.

— Если так, то никуда не денешься,— шутливо ответил Польников,— собирай, Устиныч, как считаешь лучше.

12

Старики

В тот самый день, когда должно было состояться «стариковское вече», как называл предстоящее собрание старейших работников рудника Польников, Тарасов получил срочный пакет. В пакете оказалась записка, написанная на бланке управляющего трестом.

«Мне доложили, что вы заняли ошибочную позицию и резко превысили свои полномочия,— говорилось в ней.— Пора бы стать более серьезным. Не ждал. Ваши выдумки идут против очевидных фактов. Продолжайте работать строго по заданиям треста. На днях приеду сам и тогда разберусь, как быть дальше». Дата и подпись: «Баринов».

В другое время, возможно, такая записка насторожила бы геолога. Но сейчас не могло быть никаких сомнений, что это реакция на появление каких-то фискальных сообщений о событиях, происходящих на руднике. Возможно, нашлись трусы, на всякий случай старающиеся доказать, что они ни при чем. Распоряжение начальства сначала вызвало злость, а потом дополнительный прилив задора. Теперь Тарасов знал, что расскажет старым горнякам, если, конечно, они захотят его слушать.

Только одна фраза заставляла задуматься: «На днях приеду». Это было и хорошо, и плохо. Кто знает, как

могут повернуться дела, особенно в первый момент, пока властолюбивый и часто очень горячий Барinov сам толком не успеет разобраться в обстановке.

С неохотой геолог снял с себя шахтерское обмундирование — брезентовые брюки и такую же, далеко не новую куртку, вымыл и как мог вычистил сапоги. Парадного костюма у него все равно не было, и этим исчерпалась подготовка к выходу в гости. Польникова дома не оказалось, и Тарасов отправился один.

Около входа в один из жилых барачков, такой же приземистый и оштукатуренный грязно-серой глиной, как и все окружающие, толпилась группа людей. Часть из них разместилась у самого входа; другие — чуть поодаль, делая вид безразличных независимых наблюдателей; третьи прилипли к окнам.

У дверей стояли два дюжих молодых человека, одетых, как и положено было в те времена горняку-старателю, в широкие штаны с толстым кушаком, сапоги, завернутые ниже голени, распахнутый ватник; на головах — меховые шапки-ушанки. Они внимательно оглядывали каждого подходившего и только после сигнала стоявшего в сторонке старика отступали. Гость раскланивался в пояс, дожидаясь ответного поклона караульных и если был с женой, то, пропустив ее вперед, исчезал в дверях.

Толпившиеся люди внимательно наблюдали за происходящим, иногда пробовали заглянуть в дверь и в окна, явно не решаясь приблизиться к караулу.

Но вот, покачиваясь, вразвалку подошел молодой мужчина в широких шароварах. Он смело отправился к двери и широким жестом попытался отстранить охрану.

Это оказалось не просто.

— Ты куда? — строго спросил один из караульных.

— А тебе что? На собрание!

— Молод еще. Зеленоват.

— Это я-то! А ну сгинь.

— Не озоруй. Не поможет.

— Слышь, паря, — вмешался второй караульный, — деды звали только тех, кто на руднике больше двадцати лет прокайлил; даже кто просто здесь зимовал, пускай и того больше, не звали.

— Да я в шахтах, почитай, все пятнадцать...

— Вот и признался. Не замай и не серчай. Это тебе не собрание. Люди чайшку, может, пошвыркать собираются, кого задумали, тех и приглашают.

— Думает, в шароварах, глаза залил, так везде ему можно,— комментировал кто-то из наблюдателей.

— А ты не лезь,— огрызнулся «герой», но все же отошел в сторону.

Не был допущен и худой, немного сгорбленный старик в брезентовой спецовке, шедший вслед за парнем в шароварах, по словам окружающих работавший сторожем на взрывскладе.

— Ты хотя и по возрасту в меру, да тут наши по своим делам собираются, по-родственному,— разъяснили ему караульные.

Старик отошел. Тем временем у дверей развернулась новая стычка, начала которой никто не заметил.

— Я его, сатану, без себя никуда не пущу,— выкрикивала невысокая женщина, закутанная в серый шалевый платок,— мало что я вовремя с ним не пришла. Нечего было.

— Так не на пирушку же.

— Пушай, хоть куда. Без меня не будет.

— А ты тут при чем; раз сразу не пришла, давай назад к дому, там дела найдутся,— подсмеивался караульный.

— Ладно. Убери грабли с дороги. Мало что баба, пушай твой Устинов или кто другой посчитают, сколько я тут отмантулила. Верняком побольше твоего, мало что не все в горе. А сколько сыновей вынянчила.

— Обожди. Пойду спрошу,— смиловился один из охраняющих вход и ушел внутрь барака. Через минуту он возвратился и широко распахнул перед ней двери.

— Иди уж, а то грехов с тобой тут не оберешься,— пригласил он.

— Ладно, грехов. Поговоришь у меня. Теперь и баба человек. Власть не та,— гордая своей победой, старуха скрылась за дверью.

На крыльце появился Устинов. Заметив стоявшего в стороне Тарасова, он пошел навстречу.

— Не сердись, Михайло Федорович, уважь; покори стариковским порядкам. Нечасто это бывает. По-

просись, чтобы пустили. Пусть порадуются. Это нашему делу на пользу.

Тарасов сначала обиделся: «К чему эта комедия, я же не навязывался. Могу и не ходить». Но Устинов рассказал, что Польников просился дважды. С первого раза не пустили. На второй раз заставили несколько минут выстоять у двери, пока советовались всем миром, потом спросили, правда ли, что он собирается впредь горными делами заниматься, не буйный ли во хмелю, и, только получив успокаивающий ответ, произнесенный самым серьезным тоном, смиростивились.

Тарасов рассмеялся и согласился. Он знал, как сильны на большей части Алтая некоторые из давних горняцких обрядов и как любят старики, хоть изредка, провести такое театрализованное выполнение любого обычая.

Опустив голову, чтобы не выдать улыбкой своего действительного настроения, шагнул к двери. Вокруг него сразу сгрудилась большая группа любопытных, явно ожидавших этого эпизода, как ждут заранее объявленный «коронный номер» программы.

— Разрешите, люди добрые! — обратился он к стоящим у дверей, снял шапку и поклонился в пояс.

— А кто таков, откуда, за какой надобностью? — подчеркнуто безразлично и громко ответил ему один из контролеров.

Чуть не сорвалась с языка озорная шутка, но, оглядевшись вокруг, увидев напряженные, серьезные лица зрителей, ответил в тон спросившему:

— Тарасов, Михаил, питерского слесаря сын. К хозяевам рудника мне надо бы. Слово сказать надумал. О важном деле.

— Нашему горняцкому делу обучен ли? А то тут один слесарский сын приходил, так его не враз пустили; несмотря, что должность ему дадена вполне подходящая.

— Со стариками в горных делах тягаться не берусь, — под одобрительный шепот окружающих отвечал Тарасов. — Однако кое-что слышал, кое-что выучил, а что и от людей перенял, кайлу с подборочной лопатой не путаю.

— Холостой или, может, женатый, а то борода у тебя то ли бритая, то ли еще не выросла?

— Женат.

— Почему же один?

— Далеко она у меня. А здесь по казенному делу.

— Обожди тут, у парадных дверей. Спросим у тех, кто постарше, а то больно ты молод,— резюмировал контролер и скрылся за дверью.

Состояние напряженного ожидания охватило Тарасова. В наступившей тишине он слышал шепот зрителей.

— Неужели не пустят?

— Пустят!

— Но Польникова-то не сразу пустили.

— Так и этого, может, не сразу.

— Этот-то горняк.

— А слышал, сказали, что больно молод.

— Ну помурывают маленько для антитреса и пустят.

— Из-за него же и собрались.

— Ну из-за него... Из-за рудника.

Ожидание затянулось. Тарасов давно не чувствовал себя таким зависимым, вроде нашкодившего школьника, как сейчас здесь перед дверями старого горняцкого барака.

Была секунда, когда появилось желание повернуться и уйти. Но, встретив предупреждающий и успокаивающий взгляд все понявшего Устинова, он смиренно опустил голову.

Теперь в тишине можно было различить шепот за дверями. Там о чем-то совещались или, может быть, тоже выжидали какого-то особого подходящего момента.

Наконец дверь распахнулась. На пороге появилась старенькая невысокая жена Устинова.

— Хлеб да соль тебе, гостю дорогому! Заходи к нам, старикам, коли не брезгуешь,— негромко говорила она, протягивая ему расшитый петухами рушник с высокой буханкой хлеба и деревянной солонкой поверх нее.

— Благодарствую. На привет спасибо,— ответил Тарасов, принял хлеб-соль и передал его подошедшему Устинову.

— Ноги только оботри да ватник скинь. У нас не холодно,— продолжала старушка тем же тоном, пропуская вперед себя входившего в сени Тарасова.

Вдоль всего жилого помещения, внутри барака, протянулся стол. Он был наскоро сколочен из плохо струганных досок и покрыт несколькими разными скатертями.

Глаза разбегались от разнообразия яств. Всяческие соленья: арбузы, сохранившие свою окраску, грибы, ягоды, огурцы и помидоры; затем пироги — большие и маленькие, печеные и жареные, варенные в масле. Между пирогами проглядывали то нарезанная ровными кусками говядина, то ломтики сала, то еще какие-то замысловато разложенные закуски.

Около четырех десятков стариков наполняли барак негромким разговором. Они сидели по обе стороны стола и как бы не замечали входившего. Всего несколько лет назад на подобных собраниях женщинам полагалось сидеть в стороне, за отдельным столом. На этот раз жены сидели рядом с мужьями.

Тарасов остановился у порога, чтобы поздороваться с присутствующими, но хозяйка легонько подтолкнула его в спину, прошептав: «Не путайся, до места доходи». Пришлось слушаться.

В голове стола сидел Польшников, с интересом наблюдавший за происходящим. Рядом с ним стоял поднесенный Тарасову хлеб-соль и ждал Устинов, успевший пройти туда, пока Тарасов раздевался и старательно вытирал ноги в прихожей.

— Здравствуйте, Михайло Федорович. В час добрый к нашему столу,— произнес он, указывая жестом на место, предназначенное Тарасову рядом с Польшниковым.

Тарасов поклонился сидящим за столом, пожал руку Устинову и, следуя общему тону, не торопясь ответил:

— Здравствуйте, хозяева и хозяйшки!

— Здравствуйте, проходите, не обессудьте,— нестройно заговорили хором сразу со всех концов стола.

— Не побрезгуйте, гости дорогие, нашим стариковским угощением,— закончил Устинов церемонию приглашения к столу, садясь рядом с Польшниковым.

Некоторое время все присутствовавшие пили и ели, вежливо угощая друг друга, расхваливая изделия той, то другой хозяйки. Запивали «кваском» — медовой

брагой, стоявшей в крынках и разнокалиберных графинах между закусками.

Никто и ничто не напоминало о действительной цели собрания. Со стороны можно было с одинаковым основанием считать, что происходит вечеринка, собранная для какого-то семейного торжества, проводов, встречи; пирушка, которой положено было отмечать крестины или сговор по поводу предстоящей свадьбы.

Тарасов несколько раз вопросительно смотрел на Польникова. Спрашивать вслух было неудобно. Но тот молчал, пряча улыбку в тарелку. Только когда нетерпение Тарасова стало слишком заметным, остановил его:

— Не торопись! Видишь, тут порядки свои. Мало тебя под дверью подержали. Не бойся, не забудут, зачем собрались.

В этот момент с обеих сторон стола одновременно появились недавние контролеры. Теперь они выполняли роль служек. В руках у них были подносы с жестяными кружками и четвертями водки. Подойдя к очередному гостю, служки ставили угол подноса на стол и наливали водку. Делалось это с балетной точностью — шли строго напротив друг друга, одновременно наклонялись, одновременно ставили кружку, одновременно кланялись и отходили, чтобы приблизиться к следующему гостю или гостье.

Вслед за служками, так же в такт, две молодые женщины в расшитых фартуках, с украшенными бисером кокошниками на волосах расставляли тарелки с горячими котлетами или мисочки с пельменями в зависимости от желания гостей. Делалось все это молча, с таким видом, будто свершается священнодействие.

Кто-то из сидевших рядом с Тарасовым стариков заметил:

— Это еще что, хотя, конечно, ничего, уважительно. Но вот раньше бывало...

И начался длинный разговор о том, что и как бывало раньше в подобных случаях. Стоило остановиться одному рассказчику, как тему подхватывал другой, точно стараясь перешеголять предыдущего. Вспоминали и о старательском разгуле, неизменной частью которого были встречи удачливого, фартового молодца с расстиланием перед ним ковровой дороги. Вроде той, что рас-

сказывал Тарасову Польшников. Дорогу расстилали от самого крыльца дома, в котором жил или останавливался виновник торжества, до дверей питейного заведения или дома, в котором должна была состояться встреча.

Вторым кульминационным пунктом таких оргий было состязание в умении выпить «аршинную чарку». С этой целью по краю стола укладывали деревянный аршин, каким мерили ткани в магазинах и лавках, а на него или рядом с ним вплотную один к другому выставляли ряд наперстков. Судья соревнования царственным жестом наливал в наперстки водку. На другой стороне стола выставлялся второй такой же аршин. Соревнующиеся занимали места и по команде судьи начинали пить. Правила были строгие, хотя и разные для разных мест. Независимо от правил редко находились «питки», способные перешагнуть через рубеж первого полуаршина.

В рассказах стариков главное место заняли повествования о красоте и вкусе подававшихся блюд, об их изобилии, последовательности, прибаутках и прочем, что обычно сопровождало церемонию любого торжественного обеда или ужина.

В самый разгар воспоминаний Польшников, посоветовавшись с Устиновым, предложил тост за горняцкую дружбу, а вслед за этим, воспользовавшись обращенным на него вниманием, коротко рассказал о положении на руднике, об опасности его консервации.

— Как теперь быть, вам виднее,— говорил он.— Подумайте. А пока прошу вас всех, послушайте нашего гостя, известного вам Михаила Федоровича.

Следуя примеру Польшникова, Тарасов поднялся, взял в руку кружку.

— Ну-ну!

— Давай, давай. Наслышаны,— раздались голоса и как-то сразу смолкли. Только глаза со всех сторон комнаты настороженно смотрели на говорящего.

— Скажу просто,— начал он,— что думаю. Затем и пришел сюда... Как я понимаю, за столом сидят люди, которые все здешние шахты, фабрику, поселок не только построили, но и выстрадали. По праву вы отобрали все это богатство у бывших хозяев, по праву отбили у белобандитов, по праву начали строить новый рудник и с ним новую жизнь. А теперь... Помню, когда я к вам

ехал, видел из окна поезда, как через всю степь далеко блестят огни поселка. Но не всем, видно, нравится, как начинают светиться наши поселки. Есть враги, готовые на все, чтобы потушить огни. Здесь у вас, на руднике, легко нанести удар. Еще бы, план не выполняется, руда потеряна. Как теперь быть? Нужно только одно — золото. Золото, а не разговоры. Кое-что мы с вами начали делать, но этого мало. Вот и решайте сами. Закрывать рудник или нет, тушить огни в степи или нет. Вы сами хозяева, как решите, так оно и должно быть.

Ответом было молчание. Такое молчание, когда все ждут: а не будет ли сказано что-то еще; или когда каждый из участников беседы, понимая ее ответственность, боится проронить неверное слово, чтобы не высунуться вперед старших.

Тарасов сел на свое место.

Люди продолжали молчать. Думали, уставившись глазами в струганый, некрашенный пол или в остатки еды на тарелках, к которым никто теперь не притрагивался.

Сколько длилось это состояние оцепенения, сказать трудно... Но вот поднялся один из стариков — высокий плечистый горняк с большой седой бородой.

— Строго ты сказал, да не к тому теперь речь... Верно. Если хотим, чтобы жил наш рудник, слова не выручка... Помнишь небось, Михайло Федорович, где вас с Корчмарем нашим в забое отпалкой прижало?

— Помню, — полушепотом ответил Тарасов.

— Так вот, тот завал, что вас троих тогда не пустил кверху подняться, — крепнувшим голосом продолжал бородатый, — я сам подваливал. Давно дело было. Там, чуть повыше, хороший забой открылся, еще при хозяине. С видимым золотом. Спрятал я его тогда... Может, теперь сгодится.

— А где же ты раньше был, кулачина, — буркнул кто-то из соседей, — чай, и наша артель ковырялась с хлеба на воду.

— Не ругайся зря. То-то у тебя на черный день узелка никогда не было.

— Это, конечно, так.

— То-то.

Начинавшийся было спор перебил другой участник вечера:

— Не всем наши места по сердцу. Лес далеко, реки рядом нету, ветра многовато; зимой мороз, летом зной. Только для меня, да верняком для всех нас здесь, это дом родной... Отец здесь разведку вел. По старым чудским ямам работать начинал; первые шахты копал, избу вылепил. Крепкая. И сейчас стоит. Сам я сколько раз уходил, а все равно возвращался. Вместе с ней вот во всех хозяйских дырках под землей породу ворочал... Плохое видел. Было и хорошее. Детей вырастили... Одним словом, не пойду я отсюда. Поздно мне уже места в жизни менять. В сторожа тоже при мертвых шахтах не согласен. А чтобы крепче мое слово было, бери-ка, гость, бумагу. Пиши. У меня грамоты маловато, но подписать сумею. Ну пиши.

Подождав, пока Тарасов достал блокнот, говоривший продолжил:

— Вот так, от Георгиевской дороги вправо, сажен, верно, за сто от динамитки, не больше, на полусклоне пеньки стоят. Неважнецкая там роща была, а рядом с пеньками две могилы. Их у нас каждый знает. На одной крест покосившийся, а на другой камней кучка. Вот под тем крестом отец мой от самого хозяина свою разведку схоронил. Самому мне об этом только на одре сказал, кусок руды с золотом отдал, а открывать не велел до самой крайности.

— А у тебя, выходит, жила слаба оказалась,— раздалась чья-то реплика.

— Брешешь! Неужто же не понял, что вот она и есть. Пришла крайность эта самая. Куда уж дальше-то. Сам людей поведу. Хотите завтра, а нет, так хотя бы и сейчас.

Это выступление оказалось решающим. Точно бурный поток прорвался через плотину! Один за другим поднимались старики.

— Был у меня на шахте «Параллельной» один уголок. Неплохо работался, и жила живая. Не потеряна. Закрыв я тот забой, как хозяйские собаки подозревать начали. Забой добрый. Только вода там сейчас. Если не затопило еще, так вот-вот затопит.

— На этой, «Параллельной» то есть, и я кое-что покажу, если откачать,— поддержал еще один из присутствующих.— Как насосы сняли, так я было волком завыл. На втором этаже в квершлагге разведочный штрек начатый. Втроем мы его били, по заказу. Плати-

ли нам не сдельно, а за урок. Пока жиленка так себе шла, мы показывали, а как доброе золото явилось, так враз завалили. В последнюю пробу сухого кварца насыпали. Тем и обошлось. Убило моих напарников. Оба полегли, как с бандитами воевали.

Тарасов еле успевал записывать...

— Забоев у меня нету. Не прятал,— размерно, трудно заговорил очередной выступающий,— а вот мы тут со старухой перемигнулись. Завтра в кассу что есть принесем. Для плана сгодится.

— Правду сказал мой-то. Принесем. Видно, чернее дня ждать нечего. Только что же это остальные-то бабоньки помалкивают. Неужели есть хотя бы одна настоящая горняцкая семья, всю дорогу на золоте чтобы проработали и не нашлось хотя грамм сто или пусть пятьдесят. А пока это засчитают, старики добрые забои наладят. Если в кассе план будет лежать, нечто рудник закроют...— говорила та самая женщина, которую не хотели пускать на собрание.

Давно нарушился ход вечера; присутствующие сгрудились к краю стола. Кое-кто ушел под шумок, но не менее половины приглашенных остались и горячо обсуждали способы, которые помогут быстро выправить дела рудника.

Назавтра и в последующие дни все новые и новые люди подходили к Польникову, Устинову, особенно к Тарасову; ловили их дома, в кабинете директора, просто на дороге, чтобы передать свои предложения, рассказать о заброшенных или спрятанных выработках, в которых следует немедленно начать работы. Среди них были те, кто промолчал на собрании стариков, ушел с него, не дождавшись своей очереди для выступления, побоялся тогда расстаться с каким-нибудь заветным секретом, а то и вовсе не приглашавшиеся на «стариковское вече».

Часть предложений начали использовать немедленно. В нескольких шахтах разбирали старые завалы, разыскивая участки, спрятанные на черный день. На других в три-четыре смены велась разведка — искали потерянные, брошенные части наиболее богатых в прошлом рудных жил. Через два-три дня еще больше изменился режим, а главное, результаты работы обогатительной фабрики.

Впервые за несколько лет рудник не только выполнял план, но начал понемногу покрывать задолженность прошедших месяцев. Наконец, значительную помощь выполнению плана оказали поступления в кассу рудника «вольноприносительского» золота, то есть того, что было заложено по кубышкам в семьях старых горняков и теперь отдано по призыву, прозвучавшему на собрании. Однако все еще оставался слишком большой долг, да и не было уверенности, что завтра не оборвется то, что так хорошо началось.

Тарасов и Устинов, на плечи которых легла основная тяжесть организации новых разведок и проверки заявок, валились с ног.

Среди предложений, внесенных стариками и подтвержденных последующими сообщениями, много раз повторялись требования откачать некоторые из шахт, «поставленных на водяную консервацию», и прежде всего шахту «Параллельную», названную так по имени группы рудных жил, разрабатывавшихся некогда из одного ствола.

Тарасов подготовил телеграмму об этом в трест, но Польников остановил его.

— Откуда ты знаешь, как там отнесутся ко всему, что происходит на руднике. После приказания готовиться к консервации мы не сообщали тресту своих планов и тем более не информировали о текущих делах, если не считать обязательных сводок о добыче золота. Да и эти сведения я не хотел бы передавать до поры до времени. Но нельзя. Не мы, так госбанк сообщит. Если бы в тресте нас поддерживали, то давно бы заинтересовались, что тут делается и почему вдруг перевыполняется план. Думаю, сейчас еще рано все выкладывать начистоту, кроме новых палок в колеса, ничего не добьемся. Еще больше обозлятся. Тебя отзовут, меня еще раз накажут, а то и обоим влетит так, что своих не соберешь. А самое главное, все начатое сорвется.

— Вообще-то, ты, конечно, прав. Помнишь, какую мне любовную записочку прислал Баринов?

— Еще бы.

— Что же делать? — с беспокойством спросил Тарасов.

— Смотри сам.

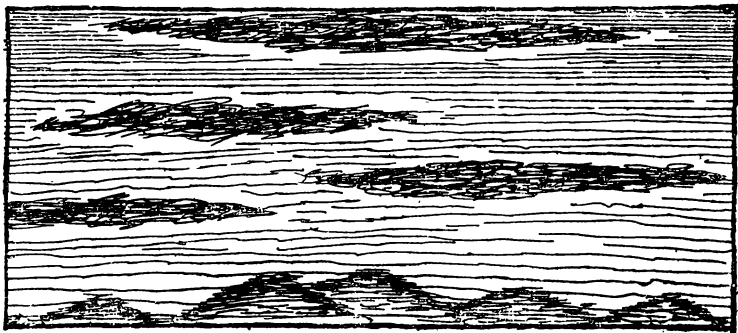
— Ждать его приезда.

— Больно уж срок неопределенный. Можно опоздать, хотя я и уверен, что он в конце концов встанет на нашу сторону.

— Так как же?

— Посоветуйся с механиком, с Корчмаревым.

Это было предложение, над которым Тарасов не задумывался. В наиболее горячие дни Корчмарев выпал из его поля зрения, а позиция, занятая главным инженером во время обсуждения положения рудника, казалось, исключала мысли о его помощи. Но неумолимо приближались сроки развязки. Надо было решать.

13

Раздумья

Беседа с Польниковым возвратила Тарасова к мыслям о записке управляющего трестом.

Неужели его подробные сообщения о первых удачных разведках и причинах недавнего отставания Кара-Кыза затерялись среди вороха бумаг. Но тогда должны были бы обратить внимание на реальные результаты работы. Сводки, говорящие о росте добычи золота, в тресте получали каждый день.

Обескураживало и молчание жены, которую он просил рассказать о делах рудника главному инженеру треста и другим сотрудникам технического отдела. В письмах встречались какие-то плохо понятные фразы. Ему было невдомек, что главный был в командировке, а первый из трестовских работников, кого она увидела и кому все рассказала, был старый проспектор Часовников. Он посчитал сведения столь неожиданными и противоречащими всему, что известно о Кара-Кызе, что рекомендовал ей покуда помолчать и не упоминать об этих делах даже в письмах. Часовников пообещал ей сообщить о том, как будут разворачиваться события.

Неужели прав Польников?

Несколько месяцев назад тогдашний управляющий трестом Голенский вызвал геолога в кабинет и конфи-

денциальным тоном приказал «дать положительное заключение» по срочной бумаге, вручив ее тут же под расписку.

Поручение было необычным и Тарасов немедленно принялся изучать документ.

Это было письмо какой-то зарубежной фирмы. Прилагался перевод на русский язык под заголовком: «Фирменное письмо о результатах технической экспертизы экспортных руд, поставленных из Советской России,— продукция рудников левого берега р. Иртыша, треста «Алтайзолото». Сверху, через нерусский текст, была сделана размашистая резолюция: «Немедленно разобраться» и замысловатая короткая подпись; а на русском переводе резолюция, сделанная уже другим человеком: «Не первый случай. Следует строже наказывать за подобную неаккуратность» и, наконец, обращение к управляющему трестом «Алтайзолото»: «Срочно. Дать детальную справку и объяснение».

В тексте технической экспертизы указывалось, что «руда практически не содержит золота».

В те годы молодая Советская республика вынуждена была за любые товары, покупавшиеся за границей, платить либо хлебом, либо золотом. Некоторые иностранные фирмы соглашались принимать не чистое золото, а богатую руду или концентрат. Зарубежные покупатели сами извлекали из этих руд золото, а часто и другие элементы, которые мы сами еще не умели получать; брали с нас плату за переработку руды, а остаток стоимости извлеченных металлов зачислялся в оплату советских заказов. Сама такая руда называлась экспортной.

Иногда подобная руда отправлялась для переработки на наши золотоочистительные аффинажные заводы в центральные районы страны. Рудник получал оплату сданного золота за вычетом стоимости обработки, никогда не зная, где обрабатывалась руда — у нас или за рубежом. Так же, как он не знал и адреса зарубежного покупателя руды.

Как правило, экспортную золотосодержащую руду собирали вручную. Из самых богатых участков рудных тел отбирали кусочки с видимым золотом, тщательно очищая их от пустой породы. Правда, была и другая экспортная богатая руда, содержащая чрезвычайно мел-

кие, как говорят, дисперсные частицы золота. Они не могут быть обнаружены простым глазом. Их открывает только химический анализ. Для извлечения таких мельчайших крупиц золота не годились полукустарные обогащательные устройства, распространенные в те времена на наших золотых рудниках и приисках.

Но в любом случае экспортная руда содержала не менее ста — ста пятидесяти граммов золота на тонну, чаще же содержание золота было значительно выше и исчислялось сотнями граммов.

По документам, хранившимся в тресте, экспортная руда того рудника, о котором шла речь, всегда была богатой. Ни разу не поступало протестов на ее качество, а содержание золота в остатках от отработки лучшей части руды никогда не опускалось ниже десятков граммов на тонну. Все это противоречило написанному иностранной экспертизой.

Они сообщали, что «контрольные анализы по ряду партий руды, поступившей с рудника (шли наименования рудника и участков, номера партий, пробы)... показали содержание золота от одного до двух граммов на тонну, что не соответствует сопроводительному документу и действующему договору...». Далее говорилось: «Настоящим фирма ставит в известность поставщика, что оплата по счетам, выставленным за перечисленные в приведенном выше заключении экспертов фирмы партии руды, произведена не будет» и что «фирма понесла убыток, ибо поставленная руда обработана, а полученное золото не покрывает стоимости обработки. Фирма надеется, что советская сторона компенсирует убыток и, кроме того, во избежание повторений накажет виновника имевшей место вопиющей неаккуратности».

К основному документу и его переводу было приложено несколько листов, из которых следовало, что в операциях с данной фирмой установился порядок, при котором поступившая руда немедленно отправлялась в переработку еще до получения результатов контрольных анализов. Эти анализы служили лишь дополнительным основанием для окончательного расчета, вернее, раздела полученного золота по счетам. Поэтому требование нашего представительства о возврате руды невыполнимо.

Ко всему изложенному добавлялись еще кое-какие детали. Так, то ли по ротозейству, то ли по злему умыслу в распоряжении советской стороны не было дубликатов контрольных проб, взятых в присутствии поставщика и потребителя, а это значило, что и опровергать предъявленные обвинения невозможно.

Внимательное изучение переписки не могло не привести к мысли, что дело идет о неприкрытом мошенничестве. Видимо, работники фирмы воспользовались отсутствием совместных контрольных проб и скрыли полученное золото, подменив руду.

Тарасов был абсолютно убежден, что с этого рудника убойной руды не отправлялось и, больше того, не могло быть отправлено.

Но раньше чем писать ответ, он предложил вызвать в трест главного инженера и геолога рудника, чтобы уточнить причины недоразумения и облегчить соответствующим организациям пути к отысканию действительных виновников путаницы или кражи. В ответ услышал нагоняй за задержку исполнения поручения и сообщение, что все руководители рудника уже арестованы по этому самому делу и что следователь торопит официальное заключение технического аппарата треста. Кроме того, оказывается, тресту было рекомендовано уточнить сумму материального ущерба, нанесенного недостатками золота; дать развернутую характеристику вероятных виновников, уделив особое внимание их дисциплинированности и честности в прошлом; сообщить о всех ранее имевших место случаях расхождения данных по экспортным рудам; выделить ответственного представителя для участия в процессе в качестве пострадавшей стороны.

Тарасову наметнули на неизбежную необходимость срочного составления соответствующего заключения: «Раз ихняя фирма пишет, так уж, конечно, все проверено... Кто у этих дураков сумел так напутать... Не себе же они украли руду на самом деле».

Дело оборачивалось так, что от геологической части технического заключения зависел весь ход следствия, а значит, выяснение истины. Ответственность Тарасова увеличивалась вдвойне потому, что незадолго до происшествия он был на этом руднике, правда по совершенно другим делам, никак не касавшимся экспортной руды.

Перед глазами возникли сглаженные вершины предгорий Калбинского хребта, окаймляющих довольно широкую долину. Долина постепенно сужалась. Склоны становились все круче и неприветливее. На них почти не было растительного покрова, если не считать редких кустарников да чахлой травы.

Извилистая дорога, пересекая один за другим то пологие, то крутые перевалы, вела к группе домиков, выстроенных на склонах глубокой лощины. Строительным материалом служил камень, в меньшей степени — глина. Взамен плетней, столь распространенных в Прииртышье, стояли невысокие изгороди, выложенные из плитняка. Дома напоминали сакли, да и стояли они, как в каком-нибудь ауле, лесенкой, один над другим.

Склоны, покрытые плащом каменистых осыпей или щебнем, поблескивали угрюмыми рыжевато-серыми красками. Узкий ручеек, протекавший по дну лощины, только подчеркивал ее суровость.

Практически ничто не отличало лощину от других, таких же безлесных, разрезающих западные предгорья Калбинского хребта. Те же голые или полуголые склоны, пологие вершины с редкими альпийскими лугами, заросли кустарников в пойме, в самых днищах долин, а у слияний логов или лощин, дающих начало речкам, небольшие рощицы березняка и раскидистого тополя, с осиной, боярышником, рябиной, черемухой. Несколько севернее, где водораздельная часть хребта приближается к Иртышу, как бы намереваясь слиться с предгорьями Алтая, и выше, по течению Иртыша, где Калбинский хребет смыкается с Нарымским, есть небольшие леса, в предгорьях — смешанные, на склонах — еловые, чуть выше — сосновые и наконец кедровые. Кедровые чаще всего стоят на самых водоразделах или вблизи от них небольшими рощами.

Присутствие рудника выдавали ярко-рыжие пятна отвалов от мелких штолен и шахт, беспорядочно разбросанные по склонам, да полосы разведочных канав. Работы велись еще и в соседнем логу, там располагались служебные постройки: контора, обогатительное устройство, которое трудно было назвать фабрикой, склады; тархтел какой-то движок. Рудник не выделялся размерами. Тем не менее и у него был свой план, своя жизнь, свои патриоты и свои обязанности.

Главная особенность месторождения заключалась в строении рудных тел, которые здесь разрабатывались.

Стоило один раз побывать в выработках, как вы бы заметили, что рудные кварцевые жилы, жилки и прожилки резко делятся по крайней мере на два вида. Одни — мощные, сложенные массивным «сливным» кварцем, но очень бедные по содержанию в них золота — довольно хорошо прослеживались в длину, или, как говорят горняки, «по простиранию»; другие же часто прерывались или раздувались в коротенькую «чечевицу», но имели гораздо большее содержание золота. Особенно интересными были участки пересечения этих двух типов жил.

Можно предположить, что горячие растворы, доставившие сюда руду с неизведанных глубин земной коры, по крайней мере дважды поднимались по трещинам. Происхождение и возраст рудных тел этого месторождения были предметом многочисленных споров.

Механизм процесса большинство геологов представляло себе примерно так. Где-то на глубине появилась трещина. Одна, другая. В сторону меньшего давления потекла масса подкорового вещества Земли, превращаясь в огненно-жидкий расплав — магму, содержащий практически все элементы менделеевской таблицы. Магма изменяет, перерабатывает окружающие породы, но, вступая в химические реакции с ними, изменяется сама. По вполне понятным причинам дольше других в ней задерживаются в жидком и даже газообразном состоянии легколетучие и наиболее интересующие человека соединения тяжелых металлов с фтором, хлором, бором, водой. Но как только появляется какая-то новая трещина или пористый ослабленный участок, они немедленно устремляются в него.

Проходит какое-то время. Остывает магматический очаг, у его кровли накапливается порция легколетучих соединений, а тем временем идет и непрерывное изменение структуры земной коры — сминаются складки, появляются трещины и новые порции растворов устремляются к поверхности.

Весь этот процесс можно представить как многократные пульсации. При этом каждая новая порция материала будет обладать новым составом по сравнению с предыдущей. Как правило, она будет несколько беднее

разнообразными составляющими; кроме того и температура раствора будет ниже, а значит, и ниже его химическая активность.

Маленький рудник, затерявшийся в Калбинских предгорьях, служил удивительно яркой иллюстрацией к таким рассуждениям. Более сложные и более богатые рудные жилки рассекались здесь юными мощными, но относительно менее оруденелыми.

Основная часть золота, добываемая на руднике, содержалась в тонких прожилках. Мощные жилы бедной руды брали как принудительный ассортимент, поскольку по ним направлялись выработки в поисках богатых участков.

При руднике работала небольшая обогатительная установка, далекая от совершенства. Значительная часть золота терялась. Поэтому на нее отправляли только остатки от сортировки да часть бедной руды — мелочь, не требующую дробления. Этим достигалось небольшое повышение производительности обогатительной установки.

Но как бы то ни было, даже окружающие горные породы, внешне пустые, содержали больше золота, чем было показано в данных заграничной фирмы. Эксперты, по-видимому, просто не знали этого факта. Иначе они, наверное, поставили бы цифру, хоть сколько-нибудь напоминавшую действительность.

Тарасов доложил управляющему трестом коротко и, как ему казалось, в самой убедительной форме, что «на основании многолетних данных о разработке рудника, подтвержденных отчетными документами и копиями планов, экспертное заключение никакого отношения к руде, направленной трестом «Алтайзолото», не имеет. Номера партий могли быть указаны ошибочно или искажены при перегрузках, что и повлекло за собой последующую путаницу».

Когда узнали об этом другие инженеры производственного отдела треста и спросили Тарасова: «А что ты сам-то думаешь или просто людей выручить хочешь?» — он ответил:

— Так, как написал, так и думаю. Украли нашу руду — вот и все.

Справка не помогла. То ли начальство переделало ее по-своему, то ли она вовсе не попала по назначению или,

наконец, работники прокуратуры не посчитались с авторитетом молодого геолога. Руководители рудника были осуждены, и прошло много месяцев, пока не восторжествовала справедливость, и еще больше, пока не раскрылась истинная причина путаницы. Ларчик открылся донельзя просто.

Русские контрреволюционеры-эмигранты договорились с фирмой, конечно не без помощи хорошо замаскированных лазутчиков внутри Советского Союза. Они оформляли грабеж и получали половину украденного золота. Остальная часть шла фирме за соучастие.

Эти события вспоминались Тарасову во всех деталях, как только он задумывался о причинах требований ликвидации Кара-Кыза. Становилось все яснее, что дело не в выгоды или невыгоды разработки месторождения. Нет! Кому-то нужно потушить огни шахт и поселка. Кстати, плохо выполняется план... Вероятно, дальше речь пойдет и о других рудниках, где это окажется возможным. Несомненно, что действуют люди не менее опасные, чем те, что воровали золото из экспортной руды.

У них должны быть пособники. По-видимому, кто-то из таких пособников попридержал докладную записку об успешных разведках, подсунул Баринову злую телеграмму, а затем подсказал содержание служебной записки; кто-то форсирует организацию и выезд комиссии по консервации или даже тут, рядом, мешает работе рудника. Это могут оказаться и крупные враги, и всякая мелкая мразь, что своего лица и звания не имеет. Но кто они и где?..

Тарасов знал, что Баринов, безусловно, честен. Он недавно стал управляющим, но уже сумел завоевать авторитет как среди работников предприятий, так и самого треста.

Баринов исключался из возможных сторонников консервации, если была хоть малейшая возможность сохранить рудник в числе действующих.

Не в меньшей степени Тарасов верил и в главного инженера, седого высокого человека, имевшего огромный опыт работы на самых разнообразных золотых предприятиях страны.

Правда, оба руководителя треста были со своими странностями. Но у кого их нет!

Грубоватый Баринов часто считал себя непогрешимым и не любил отменять собственных распоряжений, даже если убеждался в их ошибочности. В подобных случаях он обычно подсказывал необходимость обратиться в партийные или общественные организации и выносил новое решение по их предложению; при этом всегда был примером подчинения партийному большинству, что отнюдь не снижало его авторитета.

В совершенстве знающий дело главный инженер всегда смело действовал в любой технически сложной обстановке, но не переваривал официальных бумаг, особенно если они приходили от вышестоящего начальства; умел угадывать во внешне безобидной бумажке возможную неприятность и предупреждал об этом подчиненных. Если он предполагал, что бумага «с подвохом», то никогда не писал на ней резолюции. Исполнитель получал отдельный листок с подробными указаниями, что и как делать; хотя это вовсе не означало, что с такой бумагой нужно соглашаться или что «главный» уже испугался чего-то.

Нет. Участие этих обоих людей в столь ошибочном подходе к судьбе рудника Кара-Кыз казалось невыносимым.

Один за другим проходили перед ним в памяти работники треста и рудника — от руководителей до конторщиков, включая и внешне лояльных проспекторов, бывших золотопромышленников. Но остановиться на какой-то фигуре ему не удавалось. Значит, враг или его пособник хорошо маскировался, а от этого было особенно не по себе.

До работы в тресте Тарасову пришлось немало ходить по тайге: искать руды и россыпи, проверять заявки и ревизовать старые горные работы. Сколько раз сталкивался с теми, кто мешал... Такой же, как он, молодой начальник поисковой партии рассказал крестьянам правду о колхозах — растерзали кулаки. Но колхоз-то существует, разведка выполнена, и эта смерть не остановила общего дела даже в одной маленькой деревне... На дороге у поисковиков встал опытный враг (да и один ли?!)... Кто-то засыпал шурфы, путал пробы; пытались прикончить разведчиков, в том числе и его

самого; срывали стройку и посылали обозы с людьми, грузом, детьми в полынни. Результат? Бандит в тюрьме, а новый прииск работает.

Народ всегда оказывался сильнее. Разве не народ Устинов и те, другие, что без приказа включились в борьбу за свой рудник, кто начинал разведку, смело поддержав мечту Тарасова и вопреки болтовне маловеров, собрал стариков, вывернул кубышки, припрятанные на черный день, а сегодня требует от него еще более решительных мер...

И как бы не хотелось ему идти к Корчмареву, он знал, что пойдет. Надо,

14

Взрыв

По большим и крохотным трещинам, через рыхлые пласты горных пород течет, каплет, просачивается в шахты вода. Бывает, что горняки встречают на пути целые потоки воды, и совсем не обязательно для этого иметь какие-нибудь замысловатые пещеры с гротами, сталактитами и озерами.

Нередко развитие целых горнорудных районов задерживалось на долгие годы, пока не удавалось справиться с потоками подземных вод. Именно в этом, например, была одна из трудностей освоения некоторых крупнейших месторождений Курской магнитной аномалии.

В любой шахте большую и ответственную работу выполняют устройства, обеспечивающие подачу на глубокие горизонты чистого воздуха. Существует специальная служба вентиляции. Однако никак не меньше роль водоотлива. Малейшая неисправность в работе насосов — и, так же как при неисправной подаче воздуха, вся жизнь шахты оказывается под угрозой.

Массы накопившейся или неожиданно прорвавшейся воды могут затопить выработки. Вода сметает все на своем пути. Горе тому, кто не успеет уступить дорогу или окажется отрезанным от выходов на поверхность.

Медленнее, а значит, и менее опасны потоки воды, идущие вверх по принципу артезианских колодцев, но и эта вода беспощадна.

Днем и ночью независимо от того, какой наступает день — праздничный или будничны́й, в водоносных шахтах работают насосы... Но вот шахта прекратила работу. Убраны основные механизмы; ушли люди. Вода постепенно заполняет выработки. Шахта оказывается поставленной на водяную консервацию.

Для того чтобы вернуть ее к жизни, надо прежде всего постепенно откачать воду. Только после этого можно будет приступать к ремонту или восстановлению подъемных, вентиляционных и других устройств. Задача не из легких.

Несколько дней Тарасов оттягивал встречу с главным инженером рудника. Но обстоятельства оказались сильнее желаний. Без указаний главного ни один механик не возьмется за проведение такой работы, как деконсервация шахты. Правда, могут быть чрезвычайные условия... Но здесь их не было или еще не было, особенно пока не испробована последняя возможность. Кроме того, Корчмарев неплохой специалист по оборудованию и при желании может дать ценные советы.

Особенно манила шахта «Параллельная». На собрании стариков во всеуслышание было сказано, что уже через два-три дня после откачки они смогут начать давать богатую руду из спрятанных в этой шахте, скрытых от бывших хозяев участков; а тем временем можно продолжить разведку и попытаться обнаружить потерянные крылья других жил.

Раньше чем постучаться к Корчмареву, Тарасов постоял напротив окон его дома. Не хотелось, чтобы разговор состоялся в присутствии лишних свидетелей. Только убедившись, что посторонних нет, он толкнул дверь.

Корчмарев встретил его относительно приветливо, особенно когда убедился, что Тарасов один, без сопровождающих. Пригласил раздеться и провел в рабочую комнату, большую часть которой занимал стол, заваленный какими-то книгами, записями, чертежами. Заговорил первым.

— Как бы я вам, и вам лично и Польникову, ни почувствовал, поймите, не могу ввязываться. Но вот уже не первый день сижу над работой, готовлю статью в журнал о некоторых опытах, практически проведенных на здешней фабрике, и не получается.

— Почему же? — дружелюбно спросил Тарасов.

— Сосредоточиться не могу. На душе буря!

— Зря. Вы, как я слышал, человек больной. Быть может, и правда было бы лучше поехать куда-нибудь подлечиться, тем более что текущие дела рудника сейчас вас не должны были бы особенно волновать. Во всяком случае, официально ответственности за все происходящее вы не несете.

— Нет. Не знаю. Пожалуй, мы оба очень зря сюда приехали. Вы — потому, что по молодости и горячности ввязались в эту драку, а я — потому, что не горняк. Рассчитывал, что налажу образцовую фабрику, а на шахтных работах думал иметь хорошего заведующего горными работами.

— Но ведь главный инженер треста тоже не горняк, а один из наиболее известных в стране металлургов золотой промышленности.

— Сравнили. У него опыт. Он в сто раз хитрее и умнее меня. При любых обстоятельствах выйдет сухим из воды и с начальством не поссорится.

Тарасов ответил, уже сбившись с тона:

— Боюсь, что на вас он очень серьезно обидится, если узнает о такой точке зрения, и хорошо, если обида не будет высказана вслух.

Корчмарев сделал вид, что не слышал реплики, и продолжал говорить как бы для себя:

— Вот и вас я понимаю только наполовину. Конечно, вы чувствуете себя героем — геолог, сумевший нащупать причины катастрофы рудника и, мало этого, на практике проверивший свои теоретические построения. Это здорово... Но зачем все остальное? Зачем вам лично понадобилась комедия с выпивкой у Устинова в бараке.

Если бы Тарасов не понимал, что открытое излияние чувств может сорвать намеченные переговоры, и если бы не дал себе слова выдержать, попробовать понять, чем дышит Корчмарев, то дело уже в этот момент кончилось бы плохо. Но он стерпел и слушал дальше:

— Мне известно, что уже сработали борзописцы. Доложено, что якобы вы и Польшников упились до полу-смерти в гостях у старателей, безобразничали, поносили руководство треста и так далее. Не пойму... Ведь у вас же семья! Ну хотя бы меня позвали, болтовня была бы поменьше.

— Вы же больны.

— А сегодня, что же я, по-вашему, выздоровел? Пришли уговаривать меня целиком перейти на вашу сторону. Наверное, скажете, что мое поведение недостойно коммуниста, и будете разъяснять, как необходимо сейчас собственной властью отменять решения треста или еще хлеще — деконсервировать шахты...

— И да и нет.

— Что да и что нет?

— Не собирался и не собираюсь уговаривать переходить на какую-либо сторону. Если интересует мое личное мнение, пожалуйста. Считаю, что представление с болезнью действительно является затянувшейся комедией, понятной любому ребенку на руднике, да еще и не слишком достойной для ее главного действующего лица. Больше того, не могу поверить, что у вас при всем происходящем может быть спокойной совесть; думать же, что она нечиста, не имею оснований. Да, пожалуй, в противном случае я сюда и не пошел бы.

— А если я вам сейчас покажу на дверь?

— Не уйду. Вы оскорбили ни в чем не виновных стариков, хотя и сказали то, что думали; я ответил вам тем же — сказал то, что думаю.

— Да! Пожалуй, квиты,— переходя на шутливый тон ответил Корчмарев,— но что же да?

— Давайте решать вопрос о деконсервации шахты «Параллельной».

— Здорово. Как говорят, быка за рога. Я знаю, что ее очень усиленно расхваливали старики. Я там был перед самым затоплением и, признаюсь, ничего отличного от других шахт, кроме разве беспорядочности горных работ, не заметил.

— Тем более.

— Михаил Федорович! Поймите меня. Признаюсь честно, с каждым часом все больше сочувствую вашей затее, от души хочу удачи. Но что я сейчас могу сделать. Акт о консервации утвержден трестом. Если будет оттуда разрешение, помогу во всем. Дам расчеты, укажу оборудование, помогу сообразить, как все сделать быстрее. Опыт откачек, даже аварийных, у меня есть.

— Ловлю вас на слове. Акт о консервации я взял у Польникова и принес. Вот он. Давайте будем считать или, быть может, лучше проверим те расчеты, которые сделаны?

— Давайте проверим.

Корчмарев углубился в бумаги, переданные ему Тарасовым; потом начал рыться в своих бумагах; считал, сравнивал, делал какие-то поправки.

Тарасов с интересом следил за Корчмаревым. Сейчас перед ним был совершенно другой человек, ничего общего не имевший с тем, что жил по принципу «как бы чего не вышло». Наконец проверка была закончена.

— Здесь почти все правильно. Правда, не учтены резервные насосы. Я это исправил и указал, где их взять, хоть сегодня. Все остальное оборудование стоит на месте, состояние его удовлетворительное. Демонтировать не успели. Восстановить электропроводку, подключить и можно начинать в любой момент. Посылайте в трест. Если разрешат, я кончу болеть. Считайте, что перешел в вашу веру.

— Трест уже решил.

— Как так, когда?

— Резолюция на акте.

Корчмарев только теперь обратил внимание, что акт лежит у него на столе. Внимательно прочитал написанное поперек. На минуту задумался и протянул акт Тарасову.

— Сумасшедший! Вы же не трест, не директор и не главный инженер, даже не заведующий отделом.

— По приказу я являюсь уполномоченным треста, даже членом комиссии, назначенной для решения судьбы Кара-Кыза. Приказ утвержден Москвой и пока еще не отменен.

— Это я знаю, но...

— Я вас понял. Пишу второй раз то же самое. Смотрите! — Через весь лист акта легла размашистая надпись: «Вторично. Снять с консервации. Уполномоченный треста, член комиссии Главного управления М. Тарасов». Так? Теперь пишите распоряжение механику.

— Михаил Федорович! Это же просто мальчишество! У вас же семья...

— Опять семья! — Тарасов откровенно расхохотался. — Я здесь, если рассуждать с вашей точки зрения, уже набедокурил столько, что одной бумагой меньше, одной больше — не имеет никакого значения. Уверен, если меня накажут за смелость, да еще оправданную интересами дела, семья будет на моей стороне... А главное

в том, что такого решения хочу не только я, а ваш коллектив, горняки.

— Ну делайте, как знаете,— с неподдельной серьезностью ответил Корчмарев.

— А как же насчет болезни?

Теперь наступила очередь улыбнуться собеседнику.

— Разрешите подумать до утра...

— Больше ждали, потерпим.

Тарасов вежливо, но наотрез отказался от чая, сославшись на то, что его ждут заранее вызванные люди. А выйдя на улицу, не выдержал и бегом помчался к Устинову, чтобы поделиться происшедшим, а затем получить команду Польникова на организацию работ.

...Ночью, когда подготовка к откачке шахты была в полном разгаре, Тарасов, проходивший мимо весело освещенного домика маленькой насосной, решил заглянуть туда, а подойдя к двери, услышал голос Корчмарева; прислушавшись, понял, что тот руководит наладкой машин. Это была победа.

Оставалось не мешаться и поворачивать домой.

...Взрывники заканчивали свою обычную вечернюю работу, когда вошел уже знакомый нам паренек, тот самый, что угостил гулом и газами взрыва Тарасова и Корчмарева.

— Порядок! Смотрите.— Вошедший обратился к сидевшим за столом и выложил куски кварца с видимым золотом.— Это с «Параллельной», прямо от первой отпалки из разведки, что в штреке была припрятана; а это вот с захороненного шурфа. Не соврали, выходит, старики. Все как обещано.

Сюда, в избушку-зарядную, обычно собирались все рудничные новости. Взрывники находились в самой гуще событий. Им был известен и каждый новый забой, и каждая потерянная жила, с юношеской горячностью обсуждались распоряжения, приходившие от сторонников консервации рудника, и меры, которые принимались для его сохранения.

Со дня на день на руднике ждали приезда управляющего трестом, и уже просочились слухи, что высокое начальство недовольно самоуправством Тарасова и непослушанием Польникова. Понятно, что очень многое за-

висело от того, насколько удачными будут начатые работы.

Нередко в зарядной разгорались горячие споры, в которые втягивался и старый сторож. Но поскольку он был не горняком, а железнодорожником, взрывники вынуждены были рассказывать ему о деталях, начиная от объяснения наименований выработок, кончая вопросами извлечения золота из руды. Старик оказался понятливым и иной раз высказывал собственное мнение, с которым трудно было не согласиться.

Куски принесенной руды переходили из рук в руки. Разговор затянулся особенно надолго. Потом вышли гурьбой, попрощались со сторожем, и еще долго слышались голоса, постепенно удалявшиеся к поселку.

Макаров следил за ними с порога избушки. Когда голоса смолкли, он, нарочито ковыляя, обошел склад, проверил, как заложены ставни на окнах, и рывком отворил дверь. Одну, за ней вторую, ведущую в рабочую комнату, где только что сидели взрывники. Пахнуло теплом. Комната топилась из сеней, обычно он делал это с утра, но сегодня люди дольше обычного задержались на работе, и пришлось затапливать еще и вечером, как только пришел на смену.

Лампа «летучая мышь» осветила чисто выструганный стол, скамейки, сбитые без единого гвоздя, полки с зарядными сумками. Осмотревшись, вернулся в сени и старательно запер дверь на задвижку.

Не раздеваясь, сел, вытащил из кармана и поставил перед собой литровую бутылку, пододвинул оказавшуюся на столе кружку...

В ушах еще звенели молодые голоса взрывников.

— Дрянь такая,— вслух рассуждал сам с собой Макаров.— Туда же. Хозяева нашлись. Скажите спасибо, что я вам этого самого Мишку тогда в Риддере не добил. Просчитался. Откуда же мне было знать, сколько в нем вредности. Только рановато радуетесь. Устрою вам праздничек...

Он высосал почти кружку сивухи, но не почувствовал удовольствия. Гнетущая тяжесть во всем организме и даже позывы тошноты усилили озлобленность.

— Тьфу! Пакость! Давно не пил.

Уставившись на закопченное стекло лампы, Макаров перебирал в памяти последние дни, и особенно сего-

дняшний. Он уже начал привыкать к роли сторожа — наблюдателя событий: его никто не беспокоил требованиями более активных действий, а проведенные на свой страх и риск мелкие диверсии оставались нераскрытыми.

Пожалуй, у него были все основания надеяться, что они не вызвали особых подозрений. Удачно был подброшен заряженный динамитный патрон, взорвавшийся в одном из разведочных забоев; неплохо поработала вода, спущенная им в выработки; мимоходом брошенный в машину болт вывел из строя на несколько дней секцию обогатительной фабрики; ярким пламенем полыхнул в ночи один из складов... Правда, все это не оказало никакого влияния на дела рудника. Кроме того, вопреки всем предположениям люди не только не испугались вероятной консервации, но начали делать какие-то совершенно непонятные ему дела вроде того совещания стариков, на которое его вежливо не пустили. Кстати, это, пожалуй, к лучшему. Вдруг кто-нибудь узнал бы в стороже-железнодорожнике того самого Кузю Макарова, что был одним из самых преданных приказчиков прошлых хозяев на соседних рудниках.

Бывали дни, когда к нему возвращался страх. То он ждал, что вот-вот появится кто-нибудь из недругов по исправительно-трудовой колонии или тюрьме; то сталкивался лицом к лицу с Тарасовым. Не раз торопливо уходил от встречи с Устиновым, который рано или поздно должен был его узнать.

Взрывники оставили на столе куски руды с золотом. Это тоже не укладывалось в его воображении и пугало. Он понимал, когда люди прятали свои находки, хоронили золотишки в кубышки на черный день, перегрызали друг другу горло из-за хорошего участка или нескольких десятков граммов металла... Но отдавать?! Открывать спрятанное?!

— Ишь мозги людям залили, попы советские. Надо же!

Но такое высказывание не было объяснением, и невольно возвращались мысли, которые уже не однажды приходили к нему там, на лесозаготовках. Мысли о том, кто сильнее, о том, как быть ему, Макарову, не отвалиться ли от хозяев совсем.

Однако рассуждения сменялись приступами злобы, как только он обращался к своему положению незамет-

ного сторожа, вынужденного довольствоваться грошовым заработком, ждать подачки, прозябать в надежде на то, что в случае удачи он еще сможет, хотя бы немного, пожить в свое удовольствие за рубежом. Есть же еще на свете места, где ценят деньги и таких, как он, прожженных людей.

Неприятности начались с того, что в один из вечеров он столкнулся со своим двойником — таким же худым, чуть сгорбленным, бородатым, одетым в казенный гулуп сторожем продовольственного склада.

— Не признаешь, Кузя? Куда уж тебе. В добрые времена вроде бы мы не ссорились.

— Язык придержи, пока цел, — прошипел Макаров. Это был один из отцовских лавочников — лабазников, умевших грабить и покупателей, и хозяина. Встреча с такой фигурой никак не входила в расчеты Макарова.

— Разговор-то, как и прежде, весь в батюшку. Нам с тобой по пути, да и положение вроде одинаковое. Пройдемся.

— Пошли.

А когда отошли в сторону от жилья и Макаров начал раздумывать, как разделаться с неожиданным встречным, тот заговорил:

— Не очень довольны тобой, Кузя. Передать велели: может, переметнуться вздумал или староват стал. Так чтобы имел в виду — все заготовлено в аккурате. Сами пачкаться не будут, только мигнут — и уполномоченный из чека за тобой прискачет.

— К чему ты это все брешешь? Если что надо, так говори толком.

— Плохой ты стал, Кузя. Сарай поджег, а мне за тобой раздувать пришлось. В шахту лезешь, а кто стоит у отвала, не замечаешь.

— Плохой, так пусть отвяжутся хозяева твои.

— Не сердись, Кузьма. Хозяева они наши. Веревочка одна. Не сумел ты здесь место выбрать, чтобы ударить. Сорвалась консервация. Виноваты мы оба. Ты в первую очередь, я во вторую. Ну что бы загода хотя бы этих, что в директорском ночуют, придушить.

— Это что, команда такая?

— Теперь поздно.

— Так что же?

— Во вторник сам будет, на базаре около станции, в обед, проездом. Не опаздывай.

Не одну бессонную ночь провел Макаров после этой встречи. Выходит, за ним следили и, значит, не очень-то доверяли. Правда, угрозы он слышал не раз и раньше, но не в столь откровенной форме. Видно, не больно хороши дела у хозяев, раз бесятся. Но во вторник он все же пошел на станционный базар.

На свидание действительно явился сам — Рыжий. На этот раз он ничего не обещал. Может быть, потому, что было слишком мало минут для беседы. Задача была сформулирована просто: либо он, Макаров, найдет способ уничтожить рудник, либо будет уничтожен сам. Рыжий передал довольно внушительную пачку денег, намекнул, что на раздаточном взрывскладе временами бывает значительное количество взрывчатки, и уехал не попрощавшись.

Как ему хотелось вот так же сесть в поезд и уехать куда глаза глядят.

Деньги жгли руки, и он сразу нашел применение первой из лежавших в кармане бумажек — под тулупом появилась литровка первача-самогона, на вкус куда более крепкого, чем «казенная» водка.

Ехал на попутной подводе, а на въезде в поселок опять столкнулся со старым лабазником.

— побыстрее поворачиваться надо, Кузя, и уходить. Верно говорю.

Вот и все.

Взгляд упал на скомканную газету, валявшуюся на полу. Макаров поднял ее, разгладил, поднес поближе к лампе.

Обычно он читал только раздел происшествий да про международные события, отыскивал в первых знакомые фамилии, а во вторых — поддержку надежды на организацию новой интервенции. Сейчас с газетного листа на него взглянуло удивительно знакомое лицо в красноармейской фуражке. Выпитый самогон туманил сознание, да вдобавок очки остались в бараке.

С трудом разобрал написанное под фотографией: «Красноармеец Макаров, награжденный за неоднократное задержание нарушителей границы». Дальше следовала беседа с награжденным. В ней сообщалось, что красноармеец-пограничник, воспитанник детского дома,

не знает своих родителей, но слышал, что отец не был честным человеком и бросил детей на произвол судьбы.

Только теперь Макаров начал понимать.

— Встретились, выходит. Отец тебе, значит, не по нутру: честным не был! Не помогла кровь. Как же теперь. А?

Он сам отдал детей в приют, тогда еще не называвшийся детским домом, да еще через третьи руки; никогда не возвращался к воспоминаниям о них, а сейчас фотография и коротенькая заметка вызвали совершенно незнакомые чувства и мысли.

Конечно же, думал Макаров, если бы не эта проклятая революция, разве был бы он один. Собирался сам стать хозяином. Глядишь, тогда сохранилась бы семья и отец был бы по нутру... А теперь он исполняет команду шпиона, сам до последней клеточки ненавидит все советское, а сын защищает это новое и ловит таких, как отец.

Да, полно, наконец, так ли уж силен Рыжий и все, кто его окружают? Чем кончится схватка?

Состояние опьянения прошло. Его место заняла пустота, ощущение безвыходного одиночества и злости.

Макаров встал, прошелся шатаясь по комнате. Уперся в дверь, соединявшую рабочую комнату зарядной с самым раздаточным складом. Дверь была заперта, ключи от нее всегда хранились у старшего взрывника. Вспомнил, что только позавчера туда загрузили большую партию свежей взрывчатки. Зачем-то потрогал замок и пломбу.

«Я слышал, что в вашем складе иногда бывает немало динамита. Подумайте...» Так, так... Что же этим хотел сказать Рыжий?

А ну как взорвать? Если динамитом целиком заполнен основной склад, что в полукилометре отсюда, то он сдетонирует. Взрывная волна и обломки горящих строений... Мысль работала лихорадочно. ...Повалятся трубы электростанции и фабрики, загорится контора, а за ней и жилые дома. Пусть тогда выскакивают в чем мать родила!..

...Вот будет им праздник!.. А сам?.. Можно успеть уйти. Выбрать шнур подлиннее, зажечь — и ходу!

Остальное было делом нескольких минут.

Макаров стащил с полок подготовленные к утренней смене сумки взрывников. Свалил их у внутренней двери в склад.

Потом аккуратно заправил в капсюль конец от большого куска бикфордова шнура, осторожно прикусил его края зубами. Порылся в сумках, перебирая серо-желтые колбаски динамитных патронов, завернутых в промасленную вощеную бумагу. Наконец ему приглянулась колбаска, раза в полтора длиннее ладони; проткнул карандашом с торцовой части довольно глубокое отверстие и погрузил в него капсюль.

Положил патрон на стол.

В бутылке еще осталась сивуха. Присел, чтобы допить. Не пропадать же добру, да и неизвестно, какой окажется дорога.

Пощупал деньги в потайном кармане. На первое время хватит, а там видно будет.

Патрон лежал на газете рядом с фотографией...

Взять ее с собой? Он уже протянул было руку и отдернул ее.

Страшные мысли громоздились одна на другую.

Ну хорошо. Пусть он уйдет, исчезнет, скроется от ответственности. А дальше что?.. Чем все это кончится, когда и как?..

Может быть, проще — закончить сразу счета и с рудником, и с хозяевами, и с этой фотографией, которая теперь все равно не даст спокойно жить.

Макаров зарядил еще один патрон и заложил его в чью-то сумку, приготовленную на утро, а первый заправил за околыш шапки-ушанки, лежащей на столе.

Несколько минут что-то писал на листке бумаги, вырванной из тетрадки для записей работы взрывников. Завернул записку в газету и засунул себе за голенище...

Медленно поднялся с места, обрезал шнуры у обоих заряженных патронов так, что они должны были сгореть за одну-две минуты... Подошел опять к двери, ведущей к складу... Надел шапку, закурил и той же спичкой по очереди зажег оба шнура.

Всеми силами прижавшись к двери, чтобы не упасть, он лихорадочно затягивался махорочным дымом... Раз, другой... Но поймав себя на желании сбросить с головы страшную шапку, выплюнул закрутку, схватился руками за дверь и запел... вернее, зарычал:

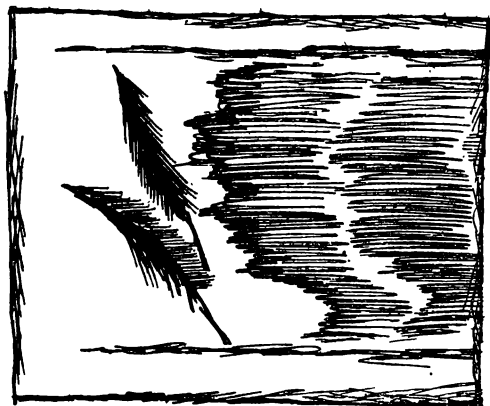
«Соловей, соловей, пташечка...»

Довольно сильный взрыв сразу нескольких патронов динамита разбросал и поджег зарядную. Уже через несколько минут прибежали люди.

Пожар был потушен. Среди обломков помещения нашли обезображенный труп старика.

Поселок об этом происшествии услышал только утром, когда люди пришли с ночной смены.

Макаров не знал, что в этот самый день, когда он уезжал на железнодорожную станцию для встречи с Рыжим, из зарядной была вывезена вся взрывчатка.

Эпилог

Одно за другим уходили под крыло самолета знакомые места сначала Подмосковья, затем Поволжья, Урала. Короткая остановка в Свердловске, и вот уже самолет идет над необъятными просторами Сибири.

Целина... Самолет идет две, три, пять минут над сплошной пашней, и, только когда вспаханная земля сменяется перелеском или нетронутой степью, вы вдруг понимаете, что поле это далеко не обычно; оцениваете скорость воздушного лайнера, и... дух захватывает от сознания совершенного там, на сибирской земле, великого подвига.

Посадка. Люди, которые летели позднее, через год-два, уже видели здесь аэровокзал. наших героев встретило несколько временных деревянных строений, далеко еще не оборудованный аэродром на берегу небольшого озера и пыльный ветер, идущий от степи. Коллючий степной ветер здесь принято называть «ржавым», потому что тонкий рыжеватый песок действительно обладает своеобразным вкусом ржавчины.

Но если постоять несколько минут на ветру, дожидаться, когда забудутся запахи самолета, вы почувст-

вуете смесь ароматов скошенной травы, каких-то удивительно знакомых деревьев, жилья и отработанных газов дизельного мотора.

Нет! Это уже не та голодная, бескрайняя, безжизненная, да еще и безводная степь, о которой писалось в старых учебниках географии. Пусть еще нет элегантных построек аэропорта и кварталов нового Целинограда. Они будут. Будут очень скоро. Степь уже отступила от своих казавшихся вечными позиций. А разве возможно было бы свершить что-либо подобное одному, даже тысячам одиночек...

Невольно возникает чувство зависти к тем, кто успел за несколько лет испытать трудности первых биваков, бездорожья, неопытности, горьких неожиданностей, которые несла им природа, а вместе с тем и счастье победы...

В кабине зажглась контрольная надпись: «Не курить! Надеть пристяжные ремни!» — и самолет покатился по бетонной дорожке Семипалатинского аэродрома.

В распоряжении транзитных пассажиров оказалось несколько часов. В город можно было попасть различными путями. Тарасов выбрал самый неудобный. Он добрался пешком до станции железной дороги, сел в рабочий поезд, переехал на нем через Иртыш, вылез на разъезде «Третий километр» и пошел по городу.

Конечно, Семипалатинск на этот раз не мог быть назван «Семипроклятинском». Приезжий видел перед собой другой город, уверенно начинающий жизнь. Появились новые дома. Много новых домов, кое-где целые улицы. Кажется, что уменьшилось количество песка под ногами. Проложены первые полосы асфальта, больше стало зелени. Однако через новое еще достаточно ясно проглядывает старая «ткань», как грубая «основа», на которую потом будет наложен новый рисунок. Она напоминала о прошлом... Старенький вокзал с крохотным полузасыпанным сквериком и идущая от него улица с фонарными столбами посередине, белые дома старого монастыря над Иртышом за каменным забором, в котором одно время помещался трест «Алтайзолото»...

Утром, по мере того как поднималось солнце, на смену впечатлениям от Семипалатинска приходили новые.

Земля внизу тем красочнее, чем дальше вперед и в стороны вы можете ее видеть. Живыми игрушками встают населенные пункты, дороги; кажутся близкими, осязаемыми горные хребты, и по-особенному живо блещут реки, то серебряные, то небесно-голубые в зависимости от того, как падает на них луч солнца.

Вот впереди словно вытянутые навстречу друг другу руки влюбленных. Это сближаются отроги Алтайских Белков и Қалбинского хребта.

Самолет шел именно туда, к этому могучему слиянию, где даже при взгляде с воздуха прятался в горы Иртыш. Теперь расстояние до гор уменьшалось все быстрее, и вдруг внизу выросли кварталы многоэтажных зданий; несколько заводских корпусов в одном, потом в другом месте большого поселения.

Заметив удивление, сосед по кабине заметил:

— Усть-Каменогорск!

— Не может быть... Устькаменный?

— Он самый.

Глаза лихорадочно искали знакомый пейзаж, приземистые деревянные домики, базарную площадь с каланчой, дебаркадер или паромную переправу, вокзал узкоколейки Усть-Каменогорск — Риддер, заречную деревушку Согру... Искали и не находили.

Мелькнул в иллюминаторе ажурный железнодорожный мост через Иртыш, там, где когда-то был паром; показалось краешком озеро выше плотины электростанции, шлюз... Их ведь тоже не было!..

Снижаясь, самолет завершил круг, пронесся над протокой реки и покатился по дорожке аэродрома.

Еще несколько минут ожидания. Открылась дверь. Ступеньки стандартного трапа — и перед вами аэровокзал. Точно такой, как в десятках и сотнях других городов страны. Небольшой уютный домик, чуть поодаль служебные помещения с неизменной стеклянной будкой командного поста и вращающимися зеркалами радара. За оградой несколько машин.

Окружающие считали, что все так и должно быть — город на месте деревушки; аэродром там, где недавно главным видом транспорта была пароконная бричка и с трудом входила в быт автомашина; рейсовые автобусы с двузначным номером. Тарасову же все это было удивительно и бесконечно радостно... Он поднял голо-

ву, чтобы еще раз осмотреть такую знакомую и такую новую округу, и в упор встретился с внимательным взглядом. Настороженные, веселые с искринкой глаза и клочок серебряных волос, выбивавшихся из-под кепки, да и сама поза человека, готового ринуться вперед, не оставляли сомнений.

— Иван!

— Мишка!

— Ага.

— Жив, здоров. Уж не меня ль встречать явился?

— А тебе что, не нравится?

Вот уже не первый день они вместе. Оказалось, что оба приехали повидаться со ставшими родными местами, современниками и наследниками первых советских разведчиков, покорявших Алтай, воспользовавшись для этого предстоящим совещанием геологов.

Большую часть суток заполняют прогулки по городу и окрестностям и беседы, воспоминания и планы на будущее.

— А помнишь...— спросил Тарасов,— мы с тобой последний раз виделись, когда я уезжал с докладом о нашей победе на руднике Кара-Кыз?

Фраза была не случайной. Перед ними был вход в универмаг — здание, когда-то служившее резиденцией тресту «Алтайзолото».

— Пойдем на берег,— вместо ответа предложил Польников.

Они поднялись над участком старой пристани в сопки, прошли немного и очутились на берегу нового Усть-Каменогорского озера. Где-то правее остались гидростанция и участок свободно текущей реки. Перед ними же был залив спокойного горного озера, и только причудливость очертаний берегов, отсутствие обычных для любого озера галечниковых или песчаных пляжей говорили о его недавнем появлении.

— Вот видишь, обуздали-таки,— заговорил Тарасов.— А совсем вроде недавно здесь, метров на двадцать поглубже, я еле успевал отворачивать плот от ударов о скалы на крутых поворотах; колесные пароходы часами по одному месту плескались.

Польникову осталось только поддакивать да подыскивать плоские камешки. Если их умело бросить, то

они долго подпрыгивают на мелкой ряби озера, пока не окунутся и не исчезнут, оставив после себя несколько расходящихся кругов.

— Вот так и на Кара-Кызе все кончилось,— заметил он.— Когда народом взялись, руда нам подчинилась, а от всякой мрази только круги остались. Покачались — и смыло их. Главное — народ там настоящий. Хороший народ. Стариков вроде Устинова и всех, кто сам тогда шел в разведчики, наверное, никогда не забуду.

Вспомнили, как главный инженер треста тогда долго беседовал с Тарасовым. Под конец согласился со всем, что было сделано на руднике, но все же объявил «строгое предупреждение» за самоуправство. А через несколько дней спровадил его в еще более далекую, сложную и действительно опасную командировку.

Правда, может быть, это было сделано для того, чтобы не допустить встречи Тарасова с комиссией. Хотя к этому моменту рудник Кара-Кыз уже устойчиво перевыполнял задание. Ни о какой консервации из-за отсутствия руды или невыполнения плана не могло быть и речи...

Солнце легло на вершину водораздела и начало прятаться за ним, готовясь к ночлегу. А с его уходом как раз со стороны той горы, за которую пряталось солнце, наступала тень. Солнце уводило с собой на отдых не только свет и тепло, но и бесконечное разнообразие красок.

От озера потянуло прохладой.

Надо было отправляться в город.

С перевала друзей встретил давно знакомый и в то же время заполненный бесконечным числом новых деталей ночной пейзаж. Не изменившиеся, сколько их помнили собеседники, широкие меандры реки оказались убранными в бесчисленные ряды огней. Город, заводы; дальше — в сопках — новые шахтерские поселки, тоже залитые электрическим светом. Поезд из десятка светящихся ленточкой окон вагонов прогремывал по мосту... Но главное — окна. Тысячи окон, и за каждым из них золото!

Да, да! Именно золото! Самородки мыслей, желаний, любви тех, кто пришел сюда, чтобы сделать Рудный Алтай еще богаче и краше...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие <i>Н. А. Беляевского</i>	5
Глава 1. Ночной поезд	7
Глава 2. Кара-Кыз	15
Глава 3. Воспоминания	28
Глава 4. Чудак	41
Глава 5. Знакомство	54
Глава 6. Заключение	70
Глава 7. По заявкам	82
Глава 8. На сплаве	97
Глава 9. Недочет	106
Глава 10. Тарасовка	123
Глава 11. Телеграмма	139
Глава 12. Старики	150
Глава 13. Раздумья	162
Глава 14. Взрыв	173
Эпilog	186

Гусельников, Илья Ильич

СПАСЕННЫЙ РУДНИК. М., «Мысль», 1965
191 с. с илл. (Путешествия. Приключения.
Фантастика)

P2

Редактор *С. Н. Кумкес*

Млад. редактор *З. В. Кирьянова*

Художественный редактор *С. С. Верховский*

Технический редактор *Н. И. Ногина*

Корректоры *П. И. Чивикина, С. С. Игнатова,*
В. М. Кузнецова

Сдано в набор 12 ноября 1964 г. Подписано в печать 18 февраля 1965 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.
Бумажных листов 3. Печатных листов 9,84.
Учетно-издательских листов 9,89. Тираж 79 000 экз. А02920. Цена 30 коп. Заказ № 2064.

Св. темплан обществ.-полит. лит-ры 1965 г. № 883

Издательство «Мысль»

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография

имени А. А. Жданова Главполиграфпрома

Государственного комитета

Совета Министров СССР по печати.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Scan, DJVU: Tiger, 2013

30 коп.

Издательство „Мысль“